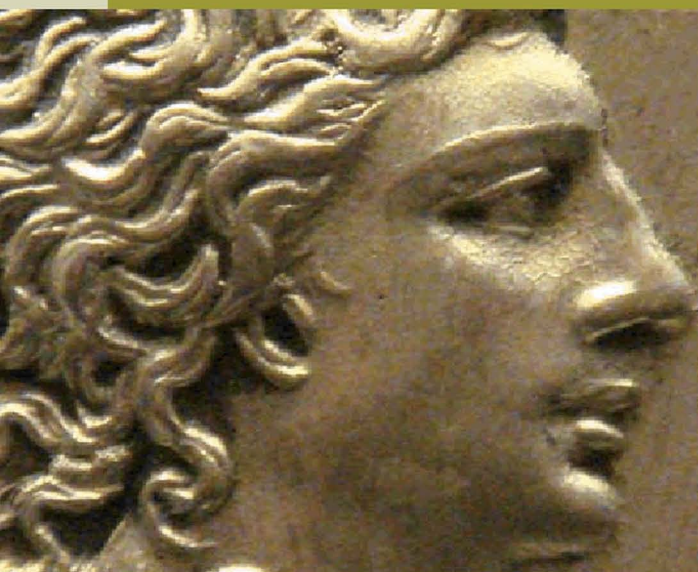

история / география / этнография

Станислав Чернявский

Митридат
Великий,
«последний эллин»

Ломоносовъ
издательство

Станислав Чернявский

Митридат Великий,
«последний эллин»

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2016

УДК 94(393)
ББК 63.3(0)31
Ч-49

Составитель серии Владислав Петров

Иллюстрации Ирины Тиболовой

ISBN 978-5-91678-319-3

© Станислав Чернявский, 2016

© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2016

Предисловие

Героя этой книги — понтийского царя Митридата VI Эвпатора — называли самым опасным врагом римлян со времен Ганнибала. Современный читатель, отделенный от описываемой эпохи пропастью в две тысячи лет, лишь пожмет плечами и спросит: ну и что? Но задумаемся: великий Ганнибал опирался на мощь торговой Карфагенской республики, которая включала тогда Северную Африку и половину Испании. Ему противостоял Рим — федерация разноплеменных земледельческих общин на территории современной Италии. Борьба между Римом и Карфагеном шла, в общем, на равных.

Иное дело — Митридат Эвпатор. Перед нами маленький человек, царь карликовой приморской страны. Он противостоит мощи громадной Римской державы, переходит в наступление, одерживает победы и проигрывает лишь после сорокалетней войны

ввиду огромного неравенства сил. Во времена Митридата Рим — это уже империя (не юридически, но в том же смысле, в каком империей являются, например, современные США). В число римских владений входят все земли, отнятые у Карфагена, а самого Карфагена давно нет — на месте этого города поле, засеянное солью в знак того, что здесь не должны селиться люди. Добычей римлян стала Южная Галлия — будущий Прованс. Им подчинилась Иллирия. На Балканах образована провинция Македония. На западе Анатолийского полуострова создана провинция Азия. Покровительства «сената и народа римского» ищут греческие города-государства, сирийские и египетские цари. Рим — гегемон Средиземноморья, один из лидеров тогдашнего мира.

И лишь один политик бросает вызов мировому гегемону. Это — Митридат Эвпатор, царь страны под названием Понт, расположенной на южном скалистом берегу Черного моря.

Митридат был современником Цезаря, Помпея и Клеопатры. Но они вершили судьбы мира, а он был мелким царьком, правящим на периферии ойкумены. Однако он прославился наравне с ними, и его судьба до сих пор волнует историков и романистов.

Нельзя сказать, что Митридат — всего лишь лучший представитель небольшого, но храброго народа. Понтийский народ был малочислен, робок и разбежался от римлян при первой возможности. Так почему же римляне не могли покорить эту страну сорок лет?

Секрет в другом. Митридат Эвпатор выступил в роли защитника тех, кто пострадал от Рима. Он противопоставил римскому глобальному проекту иной — эллинистический. Идея оказалась столь привлекательной, что собрала очень много сторонников далеко за границами маленького Понтийского царства. Противникам Рима требовался вождь, и они его получили. Подняв знамя эллинизма, Митридат повсюду обретал искренних друзей. Ему открывали ворота Пергам и Афины, Пантикапей и Неаполь Скифский. Его союза искали Серторий в Испании и Спартак — в Италии. Из захолустного царька Митридат превратился в символ противостояния Риму. Вот в чем его сила, вот почему сами римляне поставили его сразу после Ганнибала.

Однако в финале Митридат все же потерпел поражение. Почему? Может быть, потому, что «римский» проект был эффективнее эллинистического? Попробуем разобраться. Это полезно даже сегодня — как для тех, кто строит мировые империи, так и для тех, кто борется с ними.

Популярная биография великого врага Рима так и не написана. Между тем его жизнь — это приключенческий роман, в котором война, политика, любовь и тайна перемешаны между собой.

Так кем был этот «последний эллин». Да и был ли он эллином?..

Часть первая

Возвышение Понта

Глава 1 Рождение царя и история царства

ХВОСТ КОМЕТЫ

В 134 году до новой эры жители приморского города Синопы наблюдали необычное зрелище: в ночном небе висела яркая хвостатая комета. Все гадали, что бы это значило. Люди Античности придавали огромное значение природным явлениям. В них видели проявление воли богов.

Синопа была в то время столичным городом Понтийского царства. Понт — это море по-гречески. Следовательно, Понтийское царство — Приморье. Оно располагалось на южном черноморском берегу. Сейчас это территория Турции. Скалистая местность с несколькими плодородными долинами непривлекательна для туристов. Но здесь имеются удобные гавани, спрятанные между скал. Поэтому древние греки охотно строили в этих местах перевалочные пункты для морских войн и торговли. Постепенно фактории разрослись в города, и все черноморское побережье Малоазийского полуострова густо заселили греки. Эллины отличались тягой к анархии. Единого национального государства они не создали. Греческие города входили в состав различных малоазийских царств.

Короче говоря, в политическом смысле грекам хвастаться было нечем. Другое дело — культура. Эллины оказали огромное влияние на малоазийские племена. Греческий язык звучал повсюду. Греческие обычаи, вкусы, греческая философия и театр вошли в жизнь азиатских царей как важный элемент быта. Но это не значит, что цари позабыли о предках и утратили веру в старых богов. Результат оказался довольно странен. Повсюду в Азии возникали мультикультурные общности, представлявшие сплав греческих и местных традиций. В науке это явление называется «эллинизм». Все его достоинства и недостатки имелись и в Понте как одном из эллинистических государств.

...Когда комета висела в небе, заливая горизонт ярким светом, во дворце понтийских царей происходило важное событие. Рожала государыня Лаодика. Роды прошли легко. Понтийская царица произвела на свет крепкого малыша. Его назвали Митридатом. Других вариантов имени просто не было. Митридатами были его отец, дед, прадед. Так называли всех старших мальчиков в семье. Девочек, к слову, именовали Лаодиками. Чтобы отличить одного Митридата от других, подданные давали им прозвища. Присваивать правителям номера еще не догадались — это сделают гораздо позднее ученые Нового времени. Младенца Митридата прозвали Эвпатором, что означает «рожденный благородным отцом». Под этим именем будущий понтийский царь и вошел в историю.

Никто не мог предположить, что мальчику уготовано великое и трагическое будущее. От предсказателей и провидцев сей факт укрылся. Но пройдут годы, и античные мудрецы будут пророчить задним числом. Они отыщут знамения, по которым можно определить величие Митридата. Первым делом вспомнят, конечно же, о комете.

«И в тот год, когда он родился, и в тот год, как начал царствовать, в течение семидесяти дней была видна комета, которая светила так ярко, что казалось, будто все небо пылает огнем. По величине она занимала четвертую часть неба, а блеском своим затмевала солнечный свет, между восходом ее и заходом проходило четыре часа». Так напишет античный историк Юстин о рождении Митридата.

Разные приметы и знамения при рождении великих людей — устойчивый штамп. Гроза сопровождала рождение

Ивана Грозного, а появление кометы предвещало его смерть. Чингисхан родился со сгустком крови в руке, что явилось знаком кровавых завоеваний. В опочивальню к македонской царице Олимпиаде проник Зевс в образе змея; от этой связи родился Александр Великий. И так далее. С древних времен считалось, что боги не могут оставить без внимания великих людей. Они дают знак простым смертным: смотрите, в мир пришел посланец небес. Если таких знаков не было, их выдумывали. Знаменья стали частью идеологии. Они помогали держать темных людей в узде. А таких людей всегда — и сейчас — подавляющее большинство.

Правда, в случае с понтийским царем лжи не было. Произошло совпадение, которое оказалось пророческим. Жизнь Митридата была столь же яркой и стремительной, как полет кометы. Но прежде чем начать рассказ об этой жизни, следует вернуться назад и поведать об истории царства, которым управлял Митридат.

Это необходимо вот почему. Современный читатель чувствует себя в той эпохе чужим. Непонятно всё. Откуда взялось Понтийское царство, кто его населял, как переводятся имена правителей Понта? Какова численность понтийских армий? Почему цари Понта претендовали на всю Малую Азию, причем эти требования многие считали законными? Слишком много вопросов. Проигнорировав их, мы рискуем навлечь неудовольствие читателя, который вовсе не обязан разбираться в хитросплетениях политики античных империй.

Две тысячи лет отделяют нас от эпохи Митридата VI Эвпатора. Многие факты безвозвратно утрачены. Тем более необходимо напомнить то, что мы знаем о предках нашего героя и о его стране. Пока Эвпатор находится в колыбели гинекея на женской половине дворца, мы обратимся к истории Понтийского царства.

Потомки арийцев

Цари Понта вели свой род от знатного вельможи Отана — одного из так называемых «семи персов». Рассказ об этой семерке можно найти у Геродота — когда-то она помогла

взойти на престол царю Дарию I Ахемениду. После этого семеро избранных сделались приближенными царя — элитой среди элиты. Созданная ими Арийская, или Иранская, империя простиралась от Инда до Босфора. Ее отдельные части назывались сатрапиями. И управляли ими сатрапы (это искаженное греками слово «кшатрапаван» — «смотрящий», то есть наместник царя). Постепенно они превращались в независимых правителей с собственными армиями, казной и двором.

Одним из таких сатрапов стал Отан. Его потомки получили в управление Каппадокию — «страну прекрасных коней». Тогда она включала внутренние плато Анатолии, где паслись огромные табуны лошадей, и скалистые берега Южного Причерноморья, которые впоследствии назовут Понтом. Потомки Отана «присматривали» за Каппадокией без малого полтора столетия лет.

Имена первых сатрапов из семьи Отана неизвестны. О них не писали греческие авторы, а летописи самих персов не сохранились. Тьма начинает рассеиваться к первой половине IV века до н. э. Один из потомков Отана — Митридат — был «смотрящим» в Каппадокии и умер около 362 года до н. э. Преемником умершего сделался его сын Ариобарзан. В 360 году до н. э. он примкнул к мятежу против персидского царя Артаксеркса II и был казнен.

После этого род Отана утратил Каппадокию. Однако сын Ариобарзана Митридат, когда подрос, стал наместником малоазийского города Киоса, расположенного у берегов Босфора. В исторической науке его зовут Митридат Старший, чтобы отличить от остальных.

Имя «Митридат» означает «верный Митре» — богу чести и преданности. Персы очень любили и почитали этого бога. Они полагали, что Солнце — глаз Митры, его «сатрап» в мире людей.

Впрочем, Митридат Старший, как часто бывает, совершенно не оправдывал своего имени. Всю жизнь он плел интриги, действовал исключительно в собственных интересах и не знал, что такое верность.

Когда в ахеменидский Иран в 334 году до н. э. вторглись фаланги Александра Великого, Митридат Старший тотчас пе-

решил на сторону македонцев и сохранил должность правителя Киоса.

Десять лет Александр Великий вел войну на огромных пространствах державы Ахеменидов и победил всех врагов. Однако когда он умер, македонские полководцы — его диадохи (*греч.* преемники) — схватились друг с другом в борьбе за власть. Малую Азию и Сирию захватил один из них — Антигон Одноглазый. Митридат Старший, дабы Антигон не сомневался в его верности, отдал ему в заложники своего сына — тоже Митридата по прозвищу Ктист.

В 302 году до н. э. на Антигона напали соперники-диадохи. Митридат Старший попытался предать Антигона и переметнуться к его врагам, но был разоблачен и казнен.

Одноглазый хотел уничтожить и его сына — молодого Митридата Ктиста. Но тот подружился с сыном Антигона — царем Деметрием. Деметрий пригласил принца-варвара для разговора и написал тросточкой на песке одно слово: «БЕ-ГИ». Ктист вскочил на коня и ускакал на восток в сопровождении шестерых спутников (302 год до н. э.). Его приютом стала Каппадокия.

Основатель державы

Митридат Ктист не имел ни людей, ни денег, только имя — знатное иранское имя. Но этого оказалось достаточно для того, чтобы сплотить сторонников и создать страну.

Каппадокийцы помнили, что их правителями когда-то были иранские князья из рода Отана. Преданность этому роду оказалась выше всех иных соображений. И вскоре за Митридатом уже стояла армия в несколько тысяч конных бойцов.

Это насторожило македонян. Один из наследников Александра Великого — могущественный Селевк Никатор (Победитель) правил Ираном и претендовал на все наследие Ахеменидов. Митридат Ктист ему мешал. В войске Селевка было примерно 60 000 человек и 500 боевых слонов. Дружина Митридата Ктиста выглядела песчинкой по сравнению с этими полчищами. Ктист был разбит и отброшен на север, где располагалась Понтийская, или Приморская, Каппадокия. Или

попросту Понт. Отделенная горными хребтами от внутренней части страны, она имела естественную защиту. Этим воспользовался Митридат Ктист. Он укрылся в крепости Кимиата у подножия Ольгасских гор, переждал македонское нашествие и стал захватывать приморские города.

За это время Селевк успел напасть на Антигона Одноглазого и в 301 году до н. э. разбить его в битве при Ипсе, где престарелый Антигон и нашел свою смерть. Сын Одноглазого — Деметрий — бежал в Европу. После своей победы Селевк принял пышный титул «царя Азии», отражавший его амбиции.

Пока диадохи сражались между собой, Ктист укрепился в Приморье и тоже стал именоваться царем — по-гречески базилевсом. Таким образом, Митридат I Ктист стал основателем Понтийского царства. Сохранился его портрет в диадеме, с бородой и завитыми на эллинский манер кудрями. Понтийский царь хотел казаться эллином. Это было необходимо, дабы выглядеть респектабельно в глазах новых подданных и объединить страну.

Но почему вокруг него вдруг захотели объединиться?

Приморье развивалось как торговая и купеческая страна. Местные негоцианты из греческих колоний стремились установить контроль над торговыми путями. Их интересовали заморские рабы, днепровский хлеб, кавказское золото. Порвав с македонянами и консолидировавшись вокруг царей из семьи Митридатов, купцы получили защиту, а значит — выгоду. Понтийский базилевс покровительствовал коммерции, и караваны купцов отправились в плавания к северным берегам Черного моря. Объединившись, они смогли потеснить конкурентов и профинансировали военные предприятия Митридата Ктиста. На деньги оборотистых людей Митридат смог закупить оружие и нанять наемников. Первой столицей Понта стал город Амасия в горах к югу от черноморского побережья.

Итак, купцы дали царю денег. А кто дал людей для войны? Ответ очевиден: понтийские племена халибов, саспейров, тибаренов. Их этническая принадлежность неизвестна, потому что язык, на котором говорили эти люди, до нас не дошел. Возможно, перед нами — далекие предки картвелов, то есть грузинских племен. Ученые относят древнее населе-

ние Понта к хурритской группе и полагают, что эти племена не принадлежали к числу арийцев. Зато в Каппадокии жили хетты — арийский народ. Этнические различия стали одной из причин разделения Каппадокии на две части — «внутреннюю» и приморскую.

И все же почему Ктист обрел поддержку местных земледельческих и пастушеских общин? Дело в том, что родовые вожди понтийских племен быстро поняли преимущества новой власти. Царь пресек воровство, грабеж и распри между отдельными родами. Сделалось отчетливо видно, что собранные налоги не идут в далекую имперскую столицу, а остаются на месте. «Домашнее» правительство брало на себя обязательства по поддержанию порядка и безопасности. Митридат Ктист сумел завоевать доверие и авторитет как надплеменная сила, способная обеспечить стабильность.

Он мирно правил двадцать лет, после чего расстановка сил изменилась. «Царь Азии» Селевк возобновил войну со своими соперниками, разбил их в сражении при Курупедионе, но сам погиб в результате предательства. После его смерти в Малую Азию вторглись из Европы новые завоеватели — кельты. Римляне называли их галлами, а греки — галатами. Пользуясь смутой, Митридат Ктист захватил было Каппадокию у наследников Селевка, но набеги галатов заставили его вернуть эту сатрапию Селевкидам.

Митридат ограничился обороной Понтийского царства, потому что сил для удержания более крупных территорий не было. По соглашению с Селевкидами «страна прекрасных коней» получила собственную династию. Ею правила младшая линия потомков Отана — семья Ариаратидов, которая считалась вассалами Понта. Этот компромисс на время устроил всех.

Династия Митридатидов

О первых преемниках Митридата I практически ничего не известно. Ему наследовали Ариобарзан (266–250 годы до н. э.), Митридат II (250–220 годы до н. э.), Митридат III (220–190 годы до н. э.).

Известно, что Ариобарзан расширил границы и захватил греческую колонию Амастриду. Наследник Ариобарзана — Митридат II — попытался вывести Понт как полноценного игрока на мировую арену, но потерпел неудачу.

В это время за первенство в мире соперничали две сверхдержавы: Селевкидов и Птолемеев. Первые назывались «царями Азии», вторые — фараонами Египта, но те и другие были по происхождению македонянами и вели происхождение от полководцев Александра Великого. Вторым сортом в их государствах были греки и лишь третьим — местные этносы. Селевкиды и Птолемеи вели бесконечный конфликт, который в истории получил название «Сирийские войны», потому что Сирия была одним из главных театров боевых действий.

Поначалу Митридат II принял сторону Птолемеев, занял Каппадокию и попытался напасть на сирийские владения Селевкидов с севера. Но решение оказалось опрометчивым, и вскоре пришлось за него расплачиваться. Селевкиды натравили на Митридата каппадокийцев, и ему пришлось уходить со своими отрядами на север. Война была проиграна. Она изменила статус Каппадокии и ослабила Понт.

Митридату пришлось смириться с территориальными потерями. Каппадокия надолго отделилась от Понта. Селевкиды признали за каппадокийскими правителями царский титул и гарантировали им поддержку. Митридат сделал правильные выводы из случившегося. С Селевкидами был возобновлен союз, но уже на новых условиях. Понт превратился в младшего партнера этой династии. Мирный договор скрепили браком. Митридат II женился на Лаодике — царевне из рода Селевкидов.

Понтийские цари постепенно эллинизировались. Их наследников воспитывали греческие и македонские жены. Правда, по тогдашним обычаям, дети жили на женской половине только до семи лет, а затем мальчиков брали к себе отцы. Понтийских царевичей учили ездить верхом, владеть копьем и мечом, стрелять из лука. Все представители династии Митридатов вырастали воинами. Это было необходимо в то беспокойное время. Государь маленькой страны лично участвовал в битвах и мог погибнуть при недостаточной выучке.

Вернемся, однако, к большой политике. Для понтийского базилевса задача по выбору правильной линии поведения вскоре усложнилась. В роду Селевкидов случился раскол, и Митридату II пришлось решать — какому из «царей Азии» оказать поддержку. Первенство в державе Селевкидов оспаривали два царя — два брата. Старший обосновался в Сирии. Младший — в Малой Азии. Митридат выбрал сторону более старшего, сирийского государя, и ввязался в войну.

«Война братьев» продолжалась десять лет (238—228 годы до н. э.). О ходе боевых действий противников известно мало, потому что она не интересовала античных историков. Мы знаем, что сирийский Селевкид разбил войска малоазийского Селевкида. Но Понт от этого ничего не выиграл. Он продолжал оставаться всего лишь одной из маленьких областей огромного эллинистического мира. В 222 году до н. э. Митридат II выдал свою дочь Лаодику за «царя Азии» Антиоха III (223—187 годы до н. э.). Это дало Понтийскому царству, по-прежнему зависимому от Селевкидов, пару десятков лет спокойного существования.

Безусловно, Митридат II ощущал себя эллином по культуре. Или очень хотел им казаться. В 227 году до н. э. пострадал от землетрясения знаменитый Колосс Родосский. Все правители эллинистического мира сочли своим долгом помочь Родосской республике восстановить монумент. В числе добродетелей оказался и Митридат. Это значит, что он считал себя частью древнегреческого мира, хотя и носил иранское имя. Причудливая цивилизация, сложившаяся в Восточном Средиземноморье после смерти Александра Великого, получала новых и новых адептов.

Рим

Период относительной стабильности эллинизма завершился в то время, когда понтийским царем стал Фарнак I (190—159 годы до н. э.). На западе Европы возникла новая мировая держава — Рим. Она строилась на принципах, чуждых эллинизму.

Говоря упрощенно, эллинистическая цивилизация предполагала федеративность, космополитичность и высокую степень свободы населявших ее людей. Эллинистические государства были достаточно рыхлыми, непрочными, они имели довольно гуманные принципы ведения внешней политики, согласно которым соперника били, но не добивали. Поэтому большая часть войн между ними заканчивалась ничем. Стороны ревниво следили за соблюдением баланса, и, если кто-то стремился урвать лишнего, вчерашние союзники немедленно выступали против нарушителя равновесия.

С другой стороны, не стоит идеализировать эллинистическую цивилизацию. Господами в ней были прежде всего македоняне, греки и родственные им народы вроде эпиротов. Например, евреев в это общество не принимали, если те оставались евреями. Известны случаи, когда иудейские политики были вынуждены принимать греческие имена, чтобы сделать карьеру. Так вместо Онии появлялся Менелай, вместо Иешуа — Ясон. Греки были спортивным народом и много времени проводили в гимназии — месте, где занимались гимнастикой. Атлетическими упражнениями занимались обнаженными. Евреи и в этом подражали обычаям эллинов, поскольку имели целью проникнуть в элиту. Но в гимназий они приходили... в трусах, дабы скрыть обрезанные пенисы, чем невероятно забавляли греков. В общем, оказалось, что мультикультурализм работает только до определенных пределов — он не способен превратить еврея, арамея или халдея в утонченного эллина. Разница между народами оставалась, причем право на занятие высших должностей в государстве имели прежде всего македоняне и греки. И все же эта система, при массе недостатков, была лучше и гуманнее римской.

Римляне оказались другими. Они построили жесткое общество, в котором преобладал один народ — они сами. Он получал все блага, приобретаемые от захвата земель и добычи. Широко практиковалось ограбление территорий, войны велись на истребление, а римская община постоянно расширялась, поглощая города, земли и нивелируя этносы. Так исчезли италики, превратившись в римлян, потом этруски, лигуры, сарды, корсы, италийские галлы, а затем латинский

язык стал господствовать в Испании и Северной Африке, в Галлии и Иллирике...

Римляне вели себя агрессивно по отношению к эллинистическим правителям и быстро расширяли границы, но при этом выступали в роли носителей высшей справедливости, навязывая окрестным народам свои стандарты поведения под видом общепринятых норм. Прежде чем покорить тот или иной народ, римляне предлагали ему набор базовых ценностей. Среди них были демократическое устройство, право на самоопределение, примат закона.

Казалось, лозунги великолепны, но что выходило на деле? Среди эллинистических государств не было ни одного этнически чистого. Это значит, что с точки зрения римского права можно было придаться к любому из них. В одной эллинистической стране не соблюдаются права этнических меньшинств, в другой кто-то хочет выйти из состава государства, а в третьей эллинистические правители не могут поделить пограничную область и обращаются к Риму как арбитру. Римские комиссии охотно приезжали и делили территории в соответствии с исторической традицией, старыми документами и собственными представлениями о справедливости. Члены комиссий стали брать взятки от заинтересованных лиц, чтобы провести границы в пользу той или иной стороны.

Прекрасно работал принцип «разделяй и властвуй». Римляне часто вносили смуту в ряды врагов и, пользуясь этим, расширяли пределы своей державы. Немного странно, что соседи не понимали устремлений римлян. Но это делает честь римской дипломатии. О чем говорить, если даже через полторы тысячи лет после падения Рима известный немецкий историк Теодор Моммзен поддался на пропаганду давно погибшей империи и полностью оправдал римлян, посчитав их политиков — искренними людьми, а расширение территории — вынужденным делом. Конечно, Моммзен — историк, а не политик. Но даже политики, современники «сената и народа римского», не всегда понимали, чем грозит сотрудничество с Римом. Таких прозорливых людей можно перечесть по пальцам. Это Ганнибал в Карфагене, Аристоник в Пергаме, может быть, Антиох Великий в Сирии. И конечно, Митридат

Эвпатор — в Понте. Но его предки поняли опасность римского нашествия далеко не сразу.

Напомним основные вехи становления Рима как имперской целостности. В 202 году до н. э. римляне нанесли поражение Ганнибалу и поставили на колени Карфаген. После этого Карфагенское государство просуществовало еще полвека и было уничтожено окончательно. Союзниками карфагенян были македоняне. Римские легионы высадились на Балканах и разбили македонскую фалангу при Киноскефалах в 197 году до н. э. Дни Македонской державы были сочтены, и после двух войн ее обратили в римскую провинцию одновременно с Карфагеном.

Против римлян выступил «царь Азии» Антиох Великий. Его разгромили в 189 году до н. э. в сражении при Магнезии, вскоре после чего Антиох погиб во время бунта населения в Сузиане.

Римляне повели себя как приверженцы справедливости: «освободили» малоазийские народы, ранее подчинявшиеся Антиоху, и ушли восвояси. Но после этого в «освобожденной» Малой Азии начались непрерывные войны, и местные царьки были вынуждены время от времени обращаться к римлянам как к верховным арбитрам. Какие же государства образовались здесь после крушения «Азиатского царства»?

На западе Малоазийского полуострова располагалось самое сильное региональное царство — Пергам. К северу от него лежала Вифиния, населенная эллинизированными фракийцами — вифинами. Северо-восток Малой Азии занимал Понт.

Между Понтом и Вифинией было зажато крохотное царство Пафлагония, на территорию которого постоянно претендовали соседи. В центре полуострова сложилась федерация галатов — кельтов из двенадцати родов и трех племен. Историки той поры называли их «галлогреками». Эллины именовали государство галатов «тетрархией» (четверовластие), что говорит о его федеративном устройстве. Но, повторимся, главных галатских племен было не четыре, а три.

К югу от Понта находилась Каппадокия — «страна прекрасных коней». Еще южнее, на берегу Средиземного моря,

располагалась Киликия — земля пиратов, населенная эллинизированным сбродом со всего Средиземноморья. К западу от нее процветала небольшая Писидия — страна горных разбойников. А еще западнее начинались земли Пергама. Круг замкнулся. На этой тесной сцене и была разыграна драма понтийской истории.

После падения «царей Азии» правитель Понта Фарнак I, о котором мы упомянули выше, принялся энергично расширять пределы своей небольшой страны.

Синопа

Понтийские цари давно нацелились на богатый портовый город Синопу. Это была многолюдная греческая колония на южном берегу Черного моря. Можно сказать, культурная столица региона. Захватив ее, понтийцы получили бы удобный порт для торговли, военную базу и пункт для вербовки наемников, потому что сюда приезжало большое число искателей приключений из Греции. Словом, захват города сразу удвоил бы военную и экономическую мощь Понтийского царства.

Но соседние цари пристально следили за своими коллегами и искали способы не дать им усилиться. В роли главного охранителя выступал Пергам, царь которого Эвмен II (197–160 годы до н. э.) одно время претендовал на роль гегемона всей Малой Азии.

Но, по мнению понтийцев, Пергам увяз в конфликтах с галатами и вифинами. Этим решил воспользоваться Фарнак I. Он захватил Синопу и сделал ее своей столицей. Античный географ Страбон пишет, что взять город удалось внезапным набегом. Возможно, часть городской стражи была подкуплена. Как бы то ни было, Синопа стала ценной жемчужиной в диадеме понтийских царей.

Город, лежащий на скалистом побережье, поросшем колючим кустарником, был исключительно выгодно расположен и хорошо укреплен. Ближе к морю берег был изборожден ямами, которые наполнялись водой во время штормов. Словом, взять Синопу трудно как с суши, так и с моря. Фарнак

ценил свое приобретение, заигрывал с горожанами и окружил их, как пишет Страбон, «исключительным почетом». Это обеспечило ему верность местного населения, которая скоро пригодилась. Захват Синопы стал причиной грандиозной войны, вскоре развернувшейся от берегов Днепра до Эгейского моря.

Первым забил тревогу пергамский базилевс Эвмен. Он пытался представить Понт в роли опасного агрессора и склонял соседей начать войну возмездия, но столь важные решения без согласия Рима в то время не принимались.

Эвмен отправил посольство в Рим, чтобы рассказать о бедствиях, случившихся с жителями Синопы. Сами горожане, сетовал Эвмен, гонцов прислать не могли, потому что попали в жестокое рабство к Фарнаку.

Пергамский царь ожидал, что сенат обуздает понтийцев, но просчитался. Чтобы понять, почему это произошло, нужно сказать еще несколько слов о нюансах римской внешней политики. Они были просты. Когда у Рима появлялся враг, республика искала союзника для борьбы с ним. На какое-то время союзник становился лучшим другом, получал подарки из Рима, участвовал в дележе земель. Но когда главный враг слабел, союзник становился не нужен. Римляне нападали на него, отбирали часть земель, возмущали окраины и рано или поздно его уничтожали.

Когда против Рима выступил Карфаген, был найден ценный союзник в лице Нумидии (это современный Алжир, тогда его населяли берберы). После падения Карфагена Нумидия стала лишней. Ее разделили на несколько областей, а затем сделали римской провинцией. На Балканах против римлян выступила Македония. Сенат натравил на нее греческие государства. После разгрома Македонии свободные греческие полисы стали не нужны и в конце концов превратились в провинцию Ахайя.

Сама Македония понадобилась в войне против Антиоха Великого, «царя Азии». Македонского правителя Филиппа V на какое-то время задобрили. А после разгрома войск «царя Азии» Филипп стал не нужен, и римляне поддержали сепаратистов на окраинах его страны. Дело закончилось военным конфликтом, и в 148 году до н. э. Македония стала провинцией Рима.

Дольше всех в числе союзников римского народа продержался Пергам. Пергамские цари нужны были Риму для борьбы и против Македонии, и против Селевкидов. Селевкиды в описываемое время были уже разбиты, но македонцы — еще держались. Поэтому мы видим двойственное отношение к Пергаму. Прежняя дружба еще продолжается, но заметно охладевает. Сенаторы Римской республики опасаются чрезмерного, по их мнению, усиления Пергама и поддерживают исподтишка сепаратистские движения на окраинах. Именно поэтому царь Пергама Эвмен так и не получил прямой поддержки против понтийцев.

В конфликте Пергама и Понта из-за Синопы римляне заняли позицию нейтралитета. Сенат обещал лишь отправить послов «для расследования дела синоплян и несогласий между царями», как пишет современник этих событий — историк Полибий.

Эвмен понял: римляне не помогут. Это же понял и Фарнак. Он заручился поддержкой нескольких союзников и напал на Пергам.

Во-первых, политическим партнером Фарнака стал царь Малой Армении Митридат. Небольшое армянское царство, располагавшееся в верховьях Евфрата, выставило несколько полков на подмогу.

Вторым союзником стали сарматы. В то время они создали мощную федерацию, раскинувшуюся от Дуная до Аральского моря. Сарматы первые в мире придумали конницу «рыцарского» типа, когда всадник и конь облачены в кольчугу. Удар такой кавалерии был страшен. Сарматы предоставили Фарнаку несколько тяжеловооруженных отрядов, чем значительно усилили армию понтийского царя.

В 183 году до н. э. Фарнак напал на пергамцев. Повод до конца не ясен. По странному замечанию античного историка Юстина, какие-то «родичи» (понтийцы, жившие в Пергаме?) выбрали Фарнака наследником пергамского престола. На каком основании? Источники молчат. Предположить можно вот что. В Пергаме возник заговор против царя Эвмена. В нем приняли участие какие-то эллинизированные иранцы и представители окраинных племен. Они хотели передать власть законному царю — Фарнаку, потомку одного из «семи

персов». Возможен и другой, более простой вариант. Предшественники Фарнака породнились с семьей пергамских царей и как таковые могли претендовать на царство или какую-то его часть. Этим и воспользовался Фарнак.

Почему он напал первым? Вероятно, сложилась удобная ситуация. Он рассчитывал на помощь пергамской знати и боялся упустить момент.

Наглость Фарнака напугала соседей до такой степени, что в союз с Пергамом вошел его давний враг — вифинский царь Прусий. Фарнак ударил по вифинам и по дороге разорил Пафлагонию, которая вообще была ни при чем. Жителей этой маленькой страны Фарнак частью рассеял, частью переселил в Понт.

Тогда пергамцы натравили на Фарнака галатов. Последние разоряли Малую Азию уже много лет и охотно принимали приглашения от местных владетелей поучаствовать в разграблении той или иной области.

Однако федеративное устройство Галатии имело тот недостаток, что «галлогреки» не всегда своевременно могли собрать войско для нападения на соседей.

Зато Фарнак действовал стремительно. Он, не мешкая, отправил войска на юг, напал на галатских тетрархов-правителей Гайзаторига и Карсигната и сумел отбросить их от своих границ. После чего занял часть галатских земель и заключил с «галлогреками» некий договор, содержание которого нам неизвестно, но ясно, что он был выгоден обеим сторонам. Очевидно, Фарнак стал вербовать в свое войско галльских солдат, а взамен обещал делиться добычей. Понтийская армия пополнилась первоклассными кельтскими бойцами.

Тотчас обострились отношения Понта с каппадокийцами. Им не понравилась концентрация понтийских войск у границ. Стало очевидно: назревает новая война. Тут Фарнак зарекомендовал себя не только способным полководцем, но и блестящим дипломатом. Он сумел заключить перемирие с деморализованным Пергамом и на время вывел эту страну из игры. Вифины были отброшены, пафлагоны разбиты, галаты — перешли в его лагерь. Пока все складывалось удачно. Так закончился первый период войны (183—182 годы до н. э.).

В следующем году каппадокийская армия вторглась в Галатию, чтобы разбить понтийцев. Ею командовал царь Ариарат IV Эвсеб (220—162 годы до н. э.). Фарнак отбросил каппадокийцев и быстро перешел в контрнаступление. Понтийский государь решил вернуть владения предков.

Судя по намекам историка Полибия, тут-то и разразилась настоящая война. Она охватила множество греческих городов, выступавших на той и другой стороне.

Из сочинения Полибия «Всеобщая история» мы можем понять ход кампании. Она поначалу складывалась удачно для Понта. Каппадокийцы ненавидели понтийцев и дрались решительно, но были разбиты и укрылись в нескольких крепостях.

Одновременно продолжалась дипломатическая борьба. Все заинтересованные царьки посылали уполномоченных в Рим, чтобы доказать правильность своих действий и очернить врагов. В Италию приехали послы Ариарата, Эвмена и самого Фарнака. Сенат отправил на место боевых действий комиссию, чтобы разобраться, кто из враждующих царей прав. Ее члены пришли к выводу, что Фарнак не прав, а Эвмен и Ариарат действуют в рамках закона. После этого на место боевых действий решено было отправить посольство из Рима, чтобы оно примирило сражавшихся.

Какое дело было сенату и народу римскому до припонтийских областей? Речь шла о расширении имперских пространств и захвате ресурсов; все это прикрывалось корректной дипломатической фразеологией. Однако исход войны решило не только и не столько вмешательство римлян.

Затеянные переговоры оказались уловкой. Первым по Фарнаку ударил Эвмен. Судя по всему, он нарушил перемирие и напал на понтийцев. Вероятно, пергамский царь сумел справиться с внутренней оппозицией, интриговавшей в пользу Фарнака, и получил свободу рук в войне против Понта.

Второй удар был еще более неожиданный. Его нанес царь Малой Армении Митридат. Он рассорился с Фарнаком и счел себя вправе разорвать с ним союз и ударить понтийцам в тыл.

Причину отпадения малоармянского царя нужно искать в большой политике. В это же время Фарнак заключил союз с сильным региональным правителем — царем Великой

Армении Арташесом. Последний начинал карьеру как сатрап Антиоха Великого, а после его гибели отделил Великую Армению от «Азиатского царства» Селевкидов. Несомненно, Арташес мечтал объединить все армянские земли и, заключив союз с Фарнаком, выговорил право завоевать Малую Армению. С этого времени берет начало дружба между великоармянскими и понтийскими царями, которая через несколько десятилетий, при Тигране Великом и Митридате Эвпаторе, сослужит Армении дурную службу. Но все это впереди. Пока что Фарнак, как мы полагаем, сдал своего малоармянского союзника Митридата, по тылам которого ударил великоармянский Арташес. Митридат понял, что его предали, но действовал очень искусно и отбил от нападения Арташеса, а затем, в свою очередь, напал на Фарнака. Оборона Понта сразу же рухнула, потому что с этой стороны никто не ждал нападения. Одновременно с юга и запада на Фарнака дружно наступали враги — Пергам, Вифиния и недобитые отряды каппадокийцев...

Такого давления Фарнак не выдержал. Он был разбит и отвел войска к Синопе.

Войска антипонтийской коалиции осадили даже новопробретенную столицу Фарнака. Но взять его не смогли — город хранил верность своему завоевателю. «Застигнутый врасплох жестоким нападением врагов», говорит Полибий, Фарнак запросил мира, который и был заключен в 179 году до н. э. на тяжелых для Понта условиях.

Понтийцы подписали его отдельно с Прусием Вифинским и Ариаратом Каппадокийским и отдельно — с Митридатом из Малой Армении.

Условия мирного договора гласили: ни под каким предлогом Фарнаку не ходить в Галатию, а его прежние договоры с галатами считать недействительными. Сама Галатия утратила свободу и была разделена между Пергамом и Пафлагонией.

Из текста договора мы узнаем, что у Пафлагонии был тогда свой царек и звали его Морз. Фарнак вернул ему награбленное в Пафлагонии имущество и казну, а также захваченное там вооружение, метательные снаряды и прочие приспособления. Понтийский царь должен был очистить Пафлагонию, а ее жителей, которых успел выселить, возвратить назад.

Равным образом понтиец вернул все награбленное добро и сокровища Ариарату и очистил оккупированные районы Каппадокии. Сверх того он обязывался заплатить каппадокийцам и пафлагонам 900 талантов контрибуции. Еще 300 талантов получил Эвмен на покрытие военных издержек. Официально говорилось, что Фарнак заплатил за то, что «вопреки договору с Эвменом пошел на него войною». Скорее всего, имеется в виду первое нападение, потому что во второй раз напал сам Эвмен.

Свою долю получили вифины. Приморский город Тий, принадлежавший понтийцам, был уступлен вифинскому царю Прусию «по его просьбе». За это вифинский царь «был весьма признателен», говорит Полибий. Интересно, что город был уступлен позже, то есть по окончании переговоров. Это заставляет предположить, что Фарнак расплатился с вифинским царем за какие-то тайные консультации. Может быть, он помог Фарнаку добиться главного: сохранить за Понтом Синопу. Город как был, так и остался понтийской столицей.

Из мирного договора мы узнаем и иные подробности об участниках конфликта. В договор были включены, читаем у Полибия, правитель Великой Армении Арташес I, какой-то Акусилох (видимо, вождь горских племен где-то на территории современной Аджарии), царь сарматов Гатал, а также вольные греческие города Гераклея, Месемврия, Херсонес Таврический (город в Крыму, нынешний Севастополь), Кизик. Любопытно было бы уточнить, на чьей стороне все они воевали. Судя по всему, те, кто получил дань, были врагами Понта, а кто ее не получил — союзниками. К друзьям Фарнака можно отнести сарматов и Великую Армению.

Открытым остается вопрос об участии в войне греческих городов. Впоследствии Месемврия выступает союзником Понта, а Херсонес вообще входит в состав вассального по отношению к Понту Боспорского царства. Рискнем предположить, что оба города были настроены дружелюбно к Фарнаку. А вот Гераклея и Кизик вполне могли примкнуть к враждебной ему коалиции. Они были расположены поблизости от агрессивного Понта и опасались судьбы Синопы.

Письменным договорам в то время уже не верили. Фарнака заставили дать заложников. После этого войска коалиции покинули территорию Понта.

Почему Фарнаку удалось выкрутиться?

Повторимся: в эллинистическом мире было не принято вести войну до полного истребления противника. К этому следует добавить неизбежные противоречия в лагере союзников. Никто не хотел уничтожать Понт. Иначе бывшим друзьям пришлось бы тотчас схлестнуться в кровавой схватке за господство на его руинах, а сил для этого не было.

Фарнак правил еще долго. Он восстанавливал страну и следил за политическими событиями.

Мир стремительно менялся. Римская республика становилась сильнее с каждым новым десятилетием. Все настойчивее вмешивалась она в дела малоазиатских государств. Римлянам по-прежнему не нравилось усиление Пергама. Поэтому они проводили двойственную политику в отношении этой страны и в противовес ей начали усиливать небольшую Пафлагонию.

Гибель Пергамского царства

Фарнаку наследовал его брат Митридат IV (159–150 годы до н. э.). Он правил недолго и не совершил ничего примечательного. Затем на престол взошел сын Фарнака Митридат V Эвергет (150–121 годы до н. э.). Это был настоящий эллинистический политик. Он развивал связи с греческими городами, приглашая оттуда нужных людей, и участвовал в общеэллинской культурной и религиозной жизни. В частности, покровительствовал общегреческому храмовому центру на острове Делос. Правда, от прежней Греции в то время мало что осталось: Эллада все больше попадала в зависимость от Рима.

Заметим, что почти все понтийские цари правили подолгу. Это говорит о внутренней стабильности царства и эффективности правительства, политика которого не вызывала гражданского недовольства. Цари сумели примирить окрестных горцев и греков в рамках одной политической системы. Сделать это оказалось тем легче, что мирные связи между грека-

ми и горцами существовали давно. Впрочем, это несколько не умаляет заслуг Митридатидов.

Митридат Эвергет (в переводе прозвище означает «Благодетель») вел дружественную по отношению к Риму политику. Он рассчитывал, что римляне помогут расширить Понтийское царство. Расчет оказался верен. Римская республика поддержала Понт в борьбе против Пергама.

Первые годы правления Митридата V совпали с Третьей Пунической войной (149–146 годы до н. э.), в ходе которой римляне добивали две страны — Карфаген в Африке и Македонию на Балканах. Для участия в карфагенской войне Митридат снарядил несколько кораблей и отправил их на помощь Риму как верный вассал.

Карфаген был уничтожен и возродился лишь через несколько столетий. Остатки его владений превратились в римскую провинцию Африка. Македония также была разбита и стала римской провинцией. После этого сенаторы Вечного города обратили взоры на Малую Азию. Небольшие, но довольно богатые царства этого региона казались лакомой добычей для Рима.

Экономика Рима была рассчитана на ведение непрерывных войн. Все граждане считались военнообязанными. Но люди могут либо трудиться, либо воевать. Если все боеспособное население снабдить оружием и бросить на войну, мирное производство страдает. Поэтому римляне заставляли проигравших оплачивать свои военные издержки. Так родилось понятие контрибуции.

Естественно, в эту сумму закладывались не только издержки, но и прибыль. Львиную долю средств забирали знатные римские граждане. Война становилась выгодным делом, и Рим воевал практически не останавливаясь.

Но все же кто-то должен был оставаться в тылу, производить материальные ценности, обрабатывать землю. Всем этим занимались рабы. Их покупали в мирное время или захватывали во время войны. Например, после взятия греческого города Коринфа римляне захватили 30 000 рабов, а после разгрома Эпира — 150 000. Рабство в промышленных масштабах — это изобретение Рима. Часть граждан присматривала за

рабами, часть — сражалась на фронте. Так были решены две проблемы — финансовая с помощью взимания контрибуций и трудовая — с помощью рабства. Но эта система требовала непрерывных побед. Создавался замкнутый круг.

Еще один нюанс. Захваченные ресурсы постепенно сосредоточились в самом Вечном городе. Так столица Римской республики превратилась в город-паразит, который существовал за счет ограбления независимых государств. Рим напоминал паука, который нападал на жертву, высасывал кровь до последней капли, а потом искал новые источники пищи.

Следующей жертвой должен был стать Пергам. Римляне давили на него медленно, но верно. К царям приезжали из Италии советники и банкиры, в приморских городах вели бойкую торговлю бритоголовые купцы во всаднических тогах. Помощь римских советников и операции купцов постепенно привели к тому, что Пергам оказался опутан долгами. Ко всему прочему римляне постоянно требовали от своих «друзей и союзников» то денег, то продовольствия, то поставок товаров на военные нужды. Необходимые для этого свободные деньги услужливо предоставляли своим иностранным клиентам римские банкиры. Так что если задаться целью, разорить «друга» было для римлян довольно просто. Пергамцы испытывали это на себе.

Так попал в затруднительную ситуацию из-за долгов пергамский царь Аттал II (брат и преемник Эвмена). Чтобы «помочь» Атталу оздоровить финансовую систему и в то же время вернуть долги, римляне направили в Пергам своих откупщиков — публиканов.

Изначально считалось, что римляне смогут наладить эффективное финансовое управление в отличие от продажных греческих чиновников. На деле римские публиканы воровали ничуть не меньше. Пергам был для них чужой страной. И таким образом, разворовывая ее достояние, публиканы верно служили интересам Рима.

Возможно, Аттал очень скоро сообразил, что творит. Но римляне — с ним общаясь уважительно — методично расставили на ключевые посты в царстве своих людей и прибрали Пергам к своим рукам. Оставшись формально свободной, страна превратилась в придаток Римской республики.

После смерти Аттала II царем Пергама сделался Аттал III — не то сын, не то племянник предыдущего. Дело в том, что Эвмен II и Аттал II спали с одной женщиной и поэтому неясно, кто был отцом родившегося от нее ребенка.

Аттал III захотел освободиться от опеки римлян. И тотчас с ним произошла необъяснимая история. Царя хватил солнечный удар — и он умер (133 год до н. э.). Обнародовали завещание. Оно оказалось сенсационным. Аттал III — в случае своей смерти без наследника — завещал царство Риму. Возникает вопрос: умер ли Аттал своей смертью, или ему помогли умереть? И действительно ли имело место столь странное завещание? На этот счет можно лишь строить догадки. Тем не менее римляне высадили войска в Пергаме и вступили в права наследства.

Это вызвало бурю возмущения в народе. Началось восстание. Его возглавил Аристоник — потомок пергамских царей.

Во времена двух последних Атталов Пергам превратился в государство острых социальных противоречий. Воровство бюрократии и вмешательство иностранцев вконец разорили страну. Поэтому восставшие действовали под лозунгами равенства и социальной справедливости. Они нанесли римлянам несколько поражений. Казалось, все идет для пергамцев прекрасно и римлян выгонят из Азии. Аристоник провозгласил всех своих сторонников равноправными гражданами Города Солнца — гелиополитами. Это было нечто новое в социальной политике древности. Впервые справедливость и равенство оказались возведены в принцип.

Размах восстания беспокоил соседних царьков, у которых в государствах было далеко не все благополучно; соответственно они боялись, что нечто похожее произойдет и у них. Так римляне получили многочисленных союзников. Решил урвать свой кусок и Митридат V, тем более что с Пергамом у Понта были старые счеты.

Одновременно понтийский царь воспользовался случаем и расширил пределы своей страны за счет слабых соседей, причем действовал по рецепту римлян.

Первым против Аристоники выступил пафлагонский царек Пилемон II, но был наголову разбит. Пергамцы вторглись в Пафлагонию. Митридат V тотчас предложил пафлагонско-

му царю военную помощь в борьбе с Аристоником и таким образом ввязался в войну. Взамен бездетный Пилемон завещал свое царство понтийцам.

Пафлагонскому правителю это, впрочем, не помогло. Он потерпел новое поражение от Аристоники и погиб. Часть его страны захватили пергамцы, остальные земли оккупировал Митридат V.

Усиление Пергама окончательно напугало его соседей. Против гелиополитов выступили вифинский базилевс Никомед II и каппадокийский государь Ариарат V. Никомед был разбит и отступил в свои земли, Ариарат V тоже потерпел поражение и погиб. Митридат Понтийский тут же нацелился на владения покойного...

Стало очевидно, что своими силами окрестные царьки не смогут победить Аристоники. Обратились за помощью к Риму. Римляне высадили в Малой Азии свежие войска, после чего Аристоники и его гелиополитов задавили числом. В 130 году до н. э. Пергам был уничтожен как независимое государство, Аристоник пал. Территорию страны римляне поделили с союзниками. Римская республика получила наиболее эллинизированные владения Пергама — приморские города, из которых создала провинцию Азия. К Вифинии отошел один из городов в северной части Пергама — Милитуполь с округой. Каппадокии достались горные районы Киликии и Ликаония.

Однако утвердить эти приобретения должны были римляне. После окончания войны на бывший театр боевых действий выехала римская комиссия децемвиров — членов специальной коллегии, в чью задачу входил раздел земли в римских колониях. Ее возглавил родовитый сенатор Маний Аквиллий Старший. Малоазийские царьки заискивали перед ним, а он принимал решения. Митридат V действовал хитрее всех. Он встретился с Аквиллием и подкупил его. За крупную взятку сенатор отдал понтийскому царю всю Пафлагонию и Галатию. Территория Понта выросла втрое. Вернувшись в Рим, Аквиллий убедил сограждан в правильности своих действий, и Сенат утвердил территориальные изменения в Малой Азии.

У Митридата V разыгрался аппетит. На очереди была Каппадокия.

Страной правил юный Ариарат VI (130—116 годы до н. э.) — сын предыдущего царя, погибшего на войне. Митридат выдал за него свою дочь Лаодику, а сам сделался его опекуном и соответственно правителем Каппадокии. Казалось, благодаря искусной дипломатии и продуманной военной политике Митридат совершил то, что не удалось сделать его отцу Фарнаку. Понт превратился в крупную региональную империю.

Однако взлет оказался недолгим. Усилением Митридата V были недовольны понтийские вельможи. И в 121 году до н. э. он был убит «друзьями», как пишет античный географ и историк Страбон. Кто стоял за этим убийством? Возможно, смерть Митридата — сугубо внутреннее дело, а возможно, что за спиной заговорщиков стояли вифинский царь либо каппадокийские вельможи, которые хотели освободиться от покровительства Понта и обрести независимость.

После смерти понтийского царя его держава стала быстро слабеть. Но затем ее ждал новый взлет, за которым последовало трагическое падение. Все эти события связаны с именем сына и наследника Эвергета. Его звали Митридат VI Эвпатор. Это — герой нашей книги.

Глава 2 Возвращенное наследство

Изгнанник в своей стране

Правление Митридата VI началось в крайне сложных условиях. Сразу отпала Каппадокия. Регенты при малолетнем каппадокийском царе, едва услышав о гибели Митридата V, сменили курс и заключили союз с Вифинией. Затем объявились римляне. Воспользовавшись смертью Митридата V, они аннулировали все договоры о территориальных приобретениях Понта. Первым делом римляне отобрали у понтийцев Фригию, которую сами же отдали ему несколько лет назад. Мол, решение сената было неправомочно и несправедливо. Через некоторое время римляне сделали следующий шаг. Сенат объявил незаконным завещание пафлагонского царя Пилемона, который, как мы помним, передал свою страну Митридату V. Римские сенаторы вновь во всем блеске продемонстрировали политику двойных стандартов. Если бы Пилемон завещал страну Риму, никто из членов сената не стал бы объявлять завещание незаконным. Теперь же римские политики заговорили о праве народов на самоопределение.

Пафлагонию отобрали у понтийцев и разделили на тетрархии-четверти. Эти области получили формальную независимость.

Понт снова сжимался до размеров маленькой приморской страны. У юного Митридата VI Эвпатора отбирали его наследство. Возможно, Эвпатор тайно поклялся вернуть потери и снова превратить маленькое царство в империю. А еще он понял, что все уважают в этой жизни только одно качество — силу. Взятки, подкуп, дипломатия — всё это хорошие временные решения. Но без военной силы они — ничто. Таковую силу он будет создавать, едва только получит реальную власть в стране. Но до этого пройдут годы.

Еще Митридат понял, что никому нельзя верить, а римлянам — меньше всего. Юный царь навсегда возненавидел алчных захватчиков с Запада. Для самого Митридата священным делом, как для всякого митраиста, была клятва. А римляне эти клятвы легко нарушали. Сегодня отдали Фригию, завтра — забрали себе. Не известно, обещал ли Митридат, на манер Ганнибала, бороться с римлянами до конца своих дней. Если да, то исполнил обещание как истинный митраист, для которого верность слову значила больше, чем собственная судьба. Вся его жизнь пройдет в борьбе с Римом.

Доля правителя оказалась тяжелой. Опекуны, которые убили его отца, пытались устранить юного наследника. Наверно, они были недостаточно сильны, потому что использовали самые экзотические способы для убийства. Например, Митридату «подкидывали» необъезженного коня. Когда подобного рода попытки ни к чему не привели (Митридат был не по возрасту искусен в верховой езде и чрезвычайно ловок), его попытались отравить. Но царь предвидел и это. Он употреблял специально подобранные лекарства и уберег себя от ядов. Некоторые утверждают, что именно при дворе Митридата изобрели гомеопатию: царь принимал яд в малых дозах и постепенно привыкал к нему.

Кто же были эти таинственные опекуны-убийцы? Понтийцы? Вряд ли. Эти хранили верность царю вдвойне — как митраисты и подданные. Пока предки Митридата опирались на понтийских горцев, не было ни переворотов, ни смертельно

опасных заговоров. Вероятно, то и другое занесли приезжие греки.

Греки к тому времени сильно выродились. Этнический надлом — неприятная болезнь для любой нации. А он как раз наступил в эллинистических странах.

Внешне все обстояло красиво. Комфорт, философия, великолепные произведения искусства, унаследованная от предков военная техника — все это у греков было. Были модные одежды, подчеркивающие очертания красивых, ухоженных тел. А души их обладателей оказались гнилыми. Вот с какими людьми предстояло иметь дело Митридату Эвпатору.

Судьба заговорщиков, упомянутых выше, не известна. Скорее всего, Митридат сумел их со временем рассекретить и уничтожить. Мягкостью по отношению к предателям и клятвопреступникам он, как всякий митраист, не отличался. Этой религии чуждо всепрощение.

Тем временем ситуация в стране становилась все опаснее. Митридат опасался, что в Синопе его убьют — не ядом, так кинжалом. С горсткой верных соратников он отправился в горы. Юстин пишет, что Митридат притворился «увлеченным охотой». В течение трех лет царь избегал городов. Он бродил по лесам, ночевал в горах. Вероятно, останавливался у крестьян и местных владельцев. Другими словами, полностью игнорировал эллинов, не надеясь на их верность. «Таким образом он и козней избежал, и тело свое закалил для доблестных трудов», — говорит Юстин.

Современные исследователи выдвигают различные гипотезы о том, где скрывался Митридат. Некоторые пишут, что в Малой Армении или даже в Боспоре. Но скорее всего, Митридат не покидал границ Понта. Впрочем, для подробной дискуссии здесь не место.

Все эти годы управление делами царства осуществляла его мать Лаодика. Есть гипотеза, что именно она и стояла за спиной заговорщиков. Это похоже на правду. Эллинисты делали ставку на нее как на свою соплеменницу, а «горцы», напротив, — на Митридату. На территории Понта жили два разных народа — хурриты и греки. Вероятно, еще Митридат V на-

рушил баланс между ними в пользу эллинов, что и привело к драматическим событиям в судьбе юного Эвпатора.

К 117 году до н. э. Митридат Эвпатор повзрослел, обрел друзей, сплотил свою партию и устроил политический переворот. Греки оказались слабы. Горцы-хурриты — более активны и, безусловно, верны своему государю. После того как они вошли в столицу, Лаодику арестовали и бросили в тюрьму. Позже Митридат велел ее умертвить. Не стоит думать, что это продиктовано какой-то патологической жесткостью понтийского царя. Вероятно, царица и в тюрьме продолжала плести заговоры, оставаясь центром притяжения оппозиции. Проще говоря, если бы Эвпатор не убил мать, та бы вырвалась из тюрьмы и убила сына. Впрочем, есть известия, что экс-царица просто умерла в заключении. Это нельзя исключать. Возможно, ее смерть эллинисты попытались использовать, чтобы дискредитировать Митридата, объявив его матереубийцей. Великим людям всегда сопутствуют сплетни.

Но совершенно точно погиб брат Митридата — Хрест. Вероятно, именно его Лаодика и ее друзья планировали поставить во главе государства, если бы удалось убить Эвпатора. Хрест, как видно, был не против этого, но проиграл и заплатил жизнью.

Митридат был человеком сказочного упорства, невероятной хитрости и громадной выдержки. Он обладал мощным обаянием и умел расположить к себе людей. Причем не только аристократию, но и простолюдинов, жизнь которых достаточно хорошо изучил за время скитаний. Это наложило серьезный отпечаток на все его правление. Было бы, конечно, неправильно делать из Митридата «царя бедняков». Он оставался государем в полном смысле этого слова — мог и умел ослепить роскошью, задавал пиры, жил на широкую ногу. Но нельзя отделаться от мысли, что жажда справедливости, стремление лишить богачей несправедно нажитого богатства и освободить людей из рабства — это не только элементы политики, но и искренние убеждения Митридата.

В рабах этот «варварский» царь видел людей в то время, когда «цивилизованные» римляне называли рабов говорящими орудиями. С традиционной точки зрения это парадоксально. Нас ведь учили, что «западная» цивилизация несла

свободу, а «Восток» — это синоним рабства. Мы же видим, что все наоборот. Митридат направо и налево освобождает рабов, а римляне методично грабят и обращают людей в собственность.

Судя по рассказу Юстина, Эвпатор очень мало внимания уделял внутренним делам, подчинив свою политику одному — расширению государства. Надо полагать, это не так. Не имея опоры внутри страны, он бы не смог так долго и успешно воевать за ее пределами.

Очевидно, что Эвпатор считал себя кем-то средним между Дарием I Ахеменидом и Александром Великим — основателями Персидской и Македонской империй. Но он был не только завоевателем. При нем Понт взял под свой контроль торговлю в Причерноморье, и сразу же сильно возросла активность понтийских купцов. Государство богатело. Строились новые города и оборонительные линии крепостей. Наконец, Митридат начал активно чеканить деньги — в отличие от своего отца, который чеканил монеты крайне редко. Это означало, что экономика из натуральной превратилась в денежную. Превращение произошло не само по себе, а благодаря энергии, изобретательности и организаторским талантам Митридата. К сожалению, подробностей его деяний мы не знаем — только результат, но он впечатляет.

Почти сразу после того, как он взял власть в Понте, Митридат Эвпатор способствовал путчу в соседней Каппадокии (116 год до н. э.). Там все еще правил Ариарат VI, женатый на сестре Эвпатора — очередной Лаодике, которая, впрочем, не любила брата. Но находившиеся в ее свите понтийцы играли роль агентов влияния Митридата. С их помощью Эвпатор смог наладить контакт с частью каппадокийской знати. Партию сторонников Понта возглавил каппадокийский аристократ Гордий, который составил заговор и убил Ариарата. Молва говорила, что за этим убийством стоял сам Митридат. Он хотел присоединить к своей державе Каппадокию, то есть осуществить давнюю мечту понтийских владык. Гордий сделался регентом при сыне убитого царя — Ариарате VII (116—101 годы до н. э.).

Однако Лаодика, мать Ариарата VII, сумела сплотить народ вокруг себя и подняла восстание и против Гордия, и против

своего брата Митридата Эвпатора. Гордый был изгнан и нашел убежище в Понте. Малолетний Ариарат VII остался на троне. Внешне отношения между Понтом и Каппадокией после этих событий были дружественными. Митридат ждал своего часа, укреплял экономику своей страны и сражался на других направлениях.

Внутренние дела

Экономика Понтийского царства была многоукладной. В горах обитали пастухи и крестьяне, которые обрабатывали землю и выращивали скот. Это было свободное население, жившее родовым укладом. Существовало рабовладение, но оно было слабо развито в родовом хозяйстве. Вероятно, уже появлялись поместья знати, где рабов использовали более широко. Тем не менее деревня сохраняла патриархальный уклад.

Существовал и другой мир — городской. Здесь говорили по-гречески, ходили в театры и гимназии, напрашивались в свиты богачей и проводили время суетливо и праздно. В городах жили ремесленники и торговцы, чиновники и гетеры.

Главных предметов торговли было два: хлеб и рабы. Хлеб переправляли из Боспора. Этим занимались купцы-оптовики — как правило, греки. Они создавали крупные торговые компании и диктовали цены на хлеб на черноморском рынке.

О втором предмете торговли — рабах — сказать особо нечего. Возможно, их поставляли пираты. Но главную работоторговлю вели, конечно, римляне. Каждая победоносная война Рима заканчивалась массовой распродажей людей. В итоге это погубило мелкое свободное землевладение в Италии. Понтийское царство, в отличие от Рима, не дошло до уродливых форм ведения хозяйства исключительно руками рабов.

Купеческие связи с Боспором у понтийцев быстро крепки. Эти связи сыграли с маленьким крымским царством злую шутку. Купцы выполняли шпионские функции. Торговые связи с Понтом — одна из причин гибели Боспора, о чем мы поговорим ниже.

Несколько слов следует сказать о понтийской армии. У древних греков был любопытный обычай — оставлять в семье в основном мальчиков. Если рождалась девочка, «цивилизованный» грек часто топил ее в корыте. На одну девочку приходился десяток мальчишек. В таком обществе не хватало женщин для того, чтобы завести семью. Поэтому многие греки становились гомосексуалистами или брали женщин из других племен. Кстати, практика женитьбы на иноземках освежала кровь и была полезна. Другая проблема — безработица. Общество не могло обеспечить рабочими местами стольких мужчин. Греки шли в наемники. Рынки профессиональных солдат процветали, в том числе и в понтийских городах. Эти наемники составляли ядро армии Митридата. Именно они будут покорять Боспор, сражаться с сарматами на Днепре и захватывать Малую Азию у римлян.

Численность населения Понта нам не известна. Поэтому мы не можем оценить и размеры армии Митридата. Ясно лишь, что в греческом мире уже начали проявляться симптомы вымирания. Или, говоря по-научному, приближался демографический кризис. Поэтому, когда ветераны Митридата оказались перебиты в неудачных сражениях, взять новых воинов оказалось неоткуда, и Эвпатор мобилизовал плохо обученных крестьян.

О культуре Понтийской державы тоже можем сказать очень мало. Местное общество не создало условий для того, чтобы рождались умные бездельники — знаменитые философы, талантливые художники. Конечно, были и флейтистки, и арфистки для обслуживания правящего класса, но выдающихся творцов эта земля не рождала. А может быть, просто не имелось условий для расцвета талантов и занятия искусствами: окружающий мир оказался для этого слишком жесток.

Понтийцы захватывают Боспор

Первую серьезную войну Митридат начал на северном берегу Черного моря. Здесь издавна располагались греческие колонии. Со временем они объединились в Боспорское царство, чтобы легче бороться с варварами. Царство охваты-

вало несколько городов на побережье Крыма, включая Пантикапей (Керчь), Фанагорию, Феодосию, Танаис в устье Дона. Внутреннюю часть Крыма занимало Скифское царство. Оно сильно эллинизировалось, а значит, цивилизовалось и утратило часть былой варварской доблести, но все же оставалось грозным противником. Именно сюда бежали от сарматов последние скифы, когда-то занимавшие все Причерноморье.

Больше трехсот лет Боспором правила династия Спартокидов. Возможно, она была фракийской по происхождению. Кстати, некоторые ученые считают, что знаменитый гладиатор Спартак принадлежал к этой семье. Доказательств, разумеется, нет, но гипотеза по-своему логична.

Последним царем Спартокидом был Перисад V (125—109 годы до н. э.). Детей он не имел, а вот проблем накопилось в избытке. Главной были крымские скифы. Их царь Скилур решил захватить Боспорское государство. Поскольку Перисад был бездетным, возникла соблазнительная возможность заставить его завещать Боспор. Скифы знали о такой практике и, видимо, склоняли Перисада к этому шагу. Но греки, населявшие Боспор, были против. Скифов они считали чужаками. Тогда словно из ниоткуда возник Митридат Эвпатор и предложил Перисаду союз против скифов. Взамен требовалось немного — завещать Боспор ему, Митридату.

Появление Митридата не было случайно. Понт поддерживал торговые связи с Крымом, и царь действовал через купцов.

Эвпатор с его греческой культурой, греческими наемниками, греческими стратегами поначалу импонировал части боспорцев. Митридат по материнской линии происходил от Селевкидов, то есть был наполовину «свой». Впрочем, так считали не все в Боспоре. Ведь это царство было, в сущности, такой же химерой, как Понт или Крымская Скифия. В нем жило несколько чуждых друг другу народов, объединенных греческой культурой: крымские фракийцы, кубанские синды и ахеи — древнеарийские племена, да и те же греки... Боспор разделился на две партии. Одна поддерживала скифов, другая — понтийцев. Первыми ударили скифы. Их царь Скилур перешел в наступление и повел на боспорские города сво-

их конных лучников, одетых в кожаные рубахи, штаны и высокие шапки.

О ходе войны между скифами и боспорскими греками мы знаем мало. Вероятно, первый удар варвары нанесли по торговому Херсонесу — городу на месте теперешнего Севастополя. Скифами командовал сын Скилура — Палак. Херсонес имел статус вольного города. Почему же скифы атаковали его? Херсонес был связан торговыми отношениями с Понтом. Город имел удобную гавань, в которой могли высадиться понтийцы. Вероятно, совет Херсонеса вел какие-то переговоры с Митридатом и об этом стало известно скифам, у которых, как и у Эвпатора, были информаторы в греческих городах.

Осада была настолько серьезной, что Херсонесу пришлось просить помощи у соседей — то есть у боспорцев. Перисад помочь не мог — его царство находилось в кризисе: скифская и понтийская партии боролись между собой, а войск не имелось. Нужно было срочно искать выход. Тогда жители Херсонеса направили гонцов с просьбой о помощи в Синопу, к Митридату.

Эвпатор не заставил просить дважды. Он снарядил армию, состоявшую из греческих наемников, во главе которой поставил опытных стратегов Неоптолема и Диофанта. Оба прославились в этой войне. Особенно крупных успехов достиг Диофант, что было отражено в почетном так называемом «Боспорском декрете» в его честь, высеченном на мраморном постаменте (ныне постамент с декретом хранится в Эрмитаже). Из декрета выясняется, что Диофант был сыном некоего Асклепиодора — синопского грека.

Примерно в 111 году до н. э. понтийские войска высаживаются в Крыму, чтобы помочь грекам отразить скифов. Последние осаждают уже не только Херсонес, но и столицу Боспора Пантикапей. Следовательно, Перисад все же вступил в войну против скифов на стороне Херсонеса. Это значит, что понтийские агенты влияния победили на Боспоре, «скифская партия» была уничтожена, а выгода от торговых связей с Синопой перевесила на весах боспорцев страх от постоянной скифской угрозы.

Подробности военных операций известны плохо. Понтийские отряды высадились в Крыму двумя группами. Диофант

десантировался в Херсонесе и разбил Палака в крупном сражении на берегу Севастопольской бухты.

На выручку Пантикапея отправился Неоптолем. Наступила зима, лед сковал Керченский пролив. Однако понтийцы не отступили. У стен Пантикапея, «частично на водах пролива, частично зимой на льду моря», как пишет Теодор Моммзен, они нанесли поражение скифам. После этого имя Неоптолема временно исчезнет из наших сообщений. Главным действующим лицом становится Диофант. Похоже, что Митридат поделил военную власть между двумя стратегами, чтобы они уравновешивали друг друга.

Диофант пополнил войско ополчением граждан Херсонеса и отправился в поход на столицу Крымского царства — Неаполь Скифский, город неподалеку от нынешнего Симферополя. Здесь греческий полководец нанес варварам еще одно поражение. Скифы бросили свою столицу и хлынули кто куда. Толпы беженцев устремились на север — по единственной дороге через Перекоп. Скилур и Палак спаслись сами и вывели с собой значительную часть своего народа.

Впрочем, деваться скифам было некуда. Степи Поднепровья захватили к тому времени их враги сарматы. Тогда Скилур и Палак пошли к ним на поклон. На Днепре располагались владения одной из самых сильных ветвей сарматов — роксоланов («белых аланов»), которыми правил царь Тасий. Скилур прельстил Тасия возможностью захватить Крым, и роксоланы начали войну с понтийцами.

Диофант выступил против «белых аланов», имея в распоряжении 6000 тяжеловооруженных пехотинцев-фалангитов. Вероятно, были еще вспомогательные войска из Херсонеса, скифские отряды, служащие Понту, и т. д. Но армия его не отличалась многочисленностью.

Предание гласит, что роксоланы выставили 50 000 воинов. Эта цифра — плод фантазии летописцев. Им всегда кажется, что кочевников больше, чем оседлых. Это происходит из-за высокой маневренности кочевых армий, когда один воин принимается за десятерых. Очевидно, Тасий выставил в поле несколько тысяч бойцов. И они были разбиты понтийцами в жестоком сражении на Днепре.

После этого аланы отступились от Скифии, а Скилур стал вассалом Митридата. Диофант со своей армией, по сути, обрел неограниченные возможности. Пользуясь случаем, полководец немедленно «освободил» от скифов еще один греческий город, знаменитую Ольвию (неподалеку от современного Очакова). Ольвийцы тяготились скифским господством, а потому охотно перешли в подданство Митридата. В Херсонесе и Ольвии разместились понтийские гарнизоны. Чтобы держать под контролем западное побережье Крымского полуострова, Диофант расширил здесь греческую крепость Керекинтиду, которую переименовал в Евпаторию.

Теперь Боспор был окружен понтийскими владениями со всех сторон, и Митридат VI без труда договорился с Перисадом, что тот завещает ему царство. Легитимности этой операции добавляло то, что боспорский царь усыновил молодого понтийского базилевса.

Боспор и черноморские порты были важны для понтийского царя не только как налогоплательщики. Через них шли караваны с хлебом на юг. Следовательно, Эвпатор контролировал торговлю зерном. Кроме того, он мог всегда обеспечить свою армию продовольствием. Наконец, в пограничных городах имелись наемники и рабы. Это разрешало проблему пополнения людских ресурсов.

К этому времени социальная и межэтническая напряженность в Боспорском царстве достигла предела. По-прежнему боролись две партии: греческая и скифская. Греческую возглавлял сам Перисад. Скифскую — некто Савмак. Судя по имени, перед нами скиф или фракиец. Скорее всего, он был знатных кровей, потому что в те времена подобному факту придавалось большое значение: вождем не мог стать кто попало. Савмак составил заговор против Перисада — «человека, который воспитал его», говорится в «Боспорском декрете».

Савмак был недоволен тем, что Перисад сдал страну понтийцам. Он убил Перисада и сам занял трон Боспора (109 год до н. э.). Следовательно, власть в царстве захватили варвары. Это не столь неожиданно, как кажется на первый взгляд. Вероятно, Перисад тоже принадлежал к сильно варваризированной династии, которая лишь со временем стала греческой, за что боспорские варвары ее презирали.

Пламя восстания охватило Боспор. Понтийцев изгнали почти отовсюду.

Диофант укрылся в Херсонесе. Понтийский гарнизон держался также в Евпатории. Коренные боспорские города — Пантикапей, Феодосия, Фанагория — отложились и перешли к Савмаку.

Тот опирался прежде всего на местных варваров, но не только: освобождал рабов, привлекал в свои отряды синдов и скифов, громил греческих рабовладельцев.

Против Диофанта восстали крымские скифы. Скилур и Палак выступили союзниками Савмака и помогли ему людьми. Их войско напало на Евпаторию и взяло ее после долгой осады. Эллинская власть в Крыму повисла на волоске.

Однако вскоре Савмак вызвал ненависть «цивилизованных» греков как захватчик и варвар. Видимо, он не смог наладить контакты с купечеством и защитить его имущество от посягательства повстанцев.

Этой оплошностью немедля воспользовался Диофант. Он сумел перетянуть часть боспорцев на свою сторону и перешел в наступление. В его распоряжении были первоклассные наемники и херсонесские ополченцы. С ними стратег нанес поражение войскам Савмака, взял Феодосию и Пантикапей, после чего расправился с повстанцами. Вряд ли он мог бы это сделать без поддержки жителей Боспора, но подробностей борьбы мы опять не знаем.

Савмака взяли в плен и отправили в Синопу к Митридату Эвпатору, чтобы тот решил его судьбу. Надо полагать, предводителя восстания казнили.

Боспор был понтийцами захвачен. Теперь следовало покарать скифов. Они действовали храбро, но плохо координировали действия с Савмаком. Большой ошибкой стала долгая осада Евпатории. Пока варвары топтались под стенами этого города, Диофант собрался с силами и разбил Савмака.

Теперь скифы спохватились и явились с крупной армией (106 год до н. э.). Войском командовал знакомый нам царевич Палак. Но выручать Савмака было уже поздно: его увезли в Понт.

Скифы осадили Херсонес, но мощные стены города уберегли его от врага. Тем временем Диофант получил подкре-

пленения и заставил скифов снять осаду. Диофант преследовал их до самого Неаполя Скифского, возле которого состоялось решающее сражение. Скифы были разбиты. Скилур укрылся в городе, но вскоре вынужден был капитулировать. В Неаполь вошли понтийские войска. Видно, сопротивляться их натиску после проигранной битвы было уже некому.

Скилuru сохранили жизнь, но отобрали страну. В Скифии расквартировали понтийские гарнизоны. Однако далекие римляне, которым до всего было дело, вмешались и на сей раз. Из соображений «справедливости» они заставили Митридата вернуть власть сыновьям умершего к тому времени Скилура. Но Митридату, кажется, удалось перехитрить врагов. Страбон пишет, что у Скилура было человек пятьдесят сыновей. Если даже цифра завышена, она отражает число скифских князей, стоявших во главе отдельных родов. Вот им-то Митридат и вернул власть, сохранив верховное господство над ними. Понтийские гарнизоны по-прежнему наблюдали за варварами, находясь в Евпатории и Неаполе. За такие хитрости римляне все больше ненавидели Митридата. Он был неуправляем и недоговороспособен.

Повторимся: захват Боспора и всей Тавриды не только был стратегически выгоден Эвпатору (он обеспечил Митридата военной базой далеко в тылу, то есть опорой в борьбе с римлянами), но и принес хорошую прибыль. По словам Теодора Моммзена, Боспорское царство ежегодно давало в казну 200 талантов налогов и поставляло на царские склады 180 000 шеффелей зерна (один шеффель — 50 литров). У Митридата появились лишние деньги и продовольствие — а значит, возможность вести активную политику против врагов. И Митридат немедленно этим воспользовался.

Разведка

Пока Диофант захватывал Боспор, понтийский царь не терял времени. В 109—108 годах до н. э. он совершил инкогнито поездку по Малой Азии в сопровождении нескольких друзей. «Исходив ее всю», как пишет Юстин, царь «узнал рас-

положение всех городов и областей», причем «никто об этом не подозревал».

Современный биограф Митридата Леонид Наумов высказал любопытное предположение. По его мнению, Митридат мог наладить связи с тайными сектами, которые уцелели в Пергаме после подавления восстания гелиополитов. Культ Солнца — Гелиоса — связан с культом Митры, поэтому в принципе такое возможно. Кроме того, Митридат поддерживал контакты с учеными-философами, которые могли играть роль агентов влияния понтийского царя в эллинистическом мире.

Итак, понтийский царь отправился в разведку. Особый интерес Митридат питал к Вифинии. Это агрессивное царство азиатских фракийцев с недавних пор превратилось в противника Понтийской державы. Оно станет одним из главных театров военных действий во время Митридатовых войн. В Вифинии Эвпатор, «точно был уже владыкой ее», наметил удобные места для будущих сражений. Так пишет Юстин, но, возможно, он не договаривает. Похоже, во время этой поездки Эвпатор имел тайные переговоры с вифинским царем и заключил с ним соглашение о разделе соседних земель. Что не отменяло и других, разведывательных целей этого рейда.

Из Вифинии Митридат вернулся в свое государство. Надо сказать, что перед началом своих шпионских приключений царь женился. Избранницей стала его родная сестра Лаодика. Не нужно ее путать с каппадокийской царицей; перед нами другая персона с тем же именем: понтийские цари не отличались изобретательностью при выборе имен для своих дочерей.

Она была настоящая «эллинистка» и наследница Селевкидов — следовательно, имела склонность к интригам и была готова сотрудничать с кем угодно ради власти. Кстати, одна из причин, по которой персидские, египетские и греческие цари женились на сестрах, — опасение заговоров со стороны родственников жены. Эта практика позволяла сохранить власть в пределах одной семьи. Коль скоро главным родственником являлся сам царь, женившийся на сестре, это должно было уберечь от заговоров. Но на деле уберегало далеко не всегда.

Лаодика родила сына от Митридата. Но это не помешало ей, пока Эвпатор совершал свой разведывательный рейд, от-

даваться «друзьям» мужа, как пишет Юстин. Узнав о возвращении Митридата, любовники Лаодики подговорили ее отравить мужа. И она приготовила яд.

Однако судьба хранила царя для подвигов и славы. На Лаодику донесли служанки. Узнав об измене жены и покушении на убийство, Митридат VI начал действовать. Все участники заговора были арестованы и допрошены. Главных — казнили. Сестру-жену Митридат тоже не пожалел. Юстин сетует о ее «злодейском» убийстве. А мы посочувствуем царю, который даже в супружеской постели должен был опасаться предательства. В такой ситуации надежда была только на бога Митру — ни на кого больше.

Вообще, складывается впечатление, что Юстин пишет две биографии Митридата: одну на основе воспоминаний приверженцев этого царя и другую — по сплетням его врагов. Цельной картины нет. Один и тот же поступок царя встречается осуждение историка и одновременно одобряется им.

Зиму после расправы с врагами Митридат проводил в военных упражнениях — «не за пиршественным столом, а в поле», — пишет Юстин. Почему историк специально акцентирует внимание на этом эпизоде? Совершенно ясно, что при дворе Митридат опасался заговоров. Он чувствовал себя в безопасности лишь среди своих солдат и офицеров, которые исповедовали культ Митры, как и сам царь. На их верность можно было положиться. Армия — вот на что он рассчитывал в предстоящей борьбе.

Митридат потратил много денег и сил на создание войска, которое описывается античными авторами довольно противоречиво. У Плутарха, когда он живописует столкновения римлян с понтийцами, сплошные штампы из серии «сильная армия Запада против раззолоченной, но полностью гнилой армии Востока». Такие обороты мы встречаем у греческих авторов, начиная с описания похода Ксеркса и греко-персидских войн. Напротив, Юстин говорит, что Митридат сформировал ядро армии — небольшое, но закаленное и прекрасно обученное.

Откуда Митридат черпал людей? Греция перестала быть поставщицей наемников с тех пор, как была захвачена Римом. Оставались отдельные эллинистические города и государства,

но и они зависели от Рима. Наниматься в армию враждебного по отношению к Римской республике царя казалось опасным. Население Понта было немногочисленно. Следовательно, Эвпатору неоткуда было взять громадную армию. Сдается, что у него больше было денег, чем людей. Мы видим, что под началом стратега Диофанта сражалось шесть тысяч солдат линейной пехоты. Может быть, их число в лучшие времена доходило до двенадцати тысяч. Столько же или чуть больше воинов имелось и в самом Понте.

Наступление

Проведя разведку, подготовив войска и получив донесения о победах в Крыму, понтийский базилевс решил, что пришло время действовать в Малой Азии. Он хотел вернуть владения отца, несправедливо отобранные римлянами. Сделать это в одиночку не представлялось возможным. Царь принялся искать друзей и союзников, хотя прекрасно понимал, что сегодняшней союзник завтра станет врагом.

Союзником оказался недавний враг — вифинский царь Никомед III Эвергет (ок. 128—94 годы до н. э.). При нем Вифиния усилилась и стала влиятельной региональной державой. Митридат мог оценить силу соседа во время своей разведки. Однако у Никомеда имелся серьезный недостаток: он был невероятно амбициозен. Этот щедрый и даже расточительный правитель мечтал прекратить свою зависимость от римлян. Именно поэтому решил вступить в союз с Митридатом.

Никомед и Митридат до конца не доверяли друг другу, каждый боялся удара в спину. Это был союз двух хищников против тех, кто слабей. Слабыми оказались князьки Пафлагонии — области, которой римляне дали свободу. Никомед и Митридат договорились напасть на пафлагонов и разделить их земли между собой. Нельзя не заметить, что на стороне Митридата имелось юридическое право: Пафлагония была завещана царьком Пилемоном его отцу. Однако с точки зрения Рима такое вторжение было агрессией. Причем по единственной причине: римляне не дали на него разрешения.

Но Митридат и Никомед проигнорировали мнение Рима, который как раз переживал фазу этнического надлома. Этот жестокий кризис Теодор Моммзен назвал «революцией». Историк прав: все закончится сменой политического режима, на смену республике придет империя, чему еще будут предшествовать десятилетия кровавой борьбы. В описываемое время процесс самоистребления римлян только набирал обороты. В воздухе пахло грозой. Казалось, Рим вот-вот утратит могущество.

Митридат и Никомед внимательно следили за происходящим, и им хотелось думать, что Рим обречен. Однако у римлян было еще достаточно сил, чтобы расправиться с ними.

Примерно в 108 году до н. э. союзники вторглись в Пафлагонию. Пафлагонская милиция, служившая в тетрархиях, имела слабую подготовку. Одержав быструю победу, понтийцы и вифины поделили побежденную страну. Ее восточные и приморские районы отошли к Понту, а западные и внутренние — к Вифинии.

Когда в римский сенат поступило донесение о действиях Митридата и Никомеда, в Понт и Вифинию помчались послы с приказом вернуть пафлагонскому народу независимость и свободу.

По словам Юстина, Митридат дал римлянам гордый ответ: «Мне досталось царство, которое базилевс Пилемон завещал моему отцу. Поэтому удивляюсь, почему вы оспариваете у меня то, что у отца не оспаривали?»

Молодой Митридат очень точно выбрал время для расширения царства. Рим был связан по рукам и ногам. В Нумидии шла тяжелая война с царем берберов Югуртой. В Нарбонскую провинцию (современный Прованс) вторглись племена кимвров и тевтонов, вышедшие из глубин Германии. Их поддерживали многие галльские племена. Варвары нанесли ряд поражений римским армиям.

Две войны требовали немало усилий от римских покорителей мира. Поэтому Митридат проигнорировал окрики из Капитолия. Он не собирался возвращать Пафлагонию и в качестве повода для отказа сослался на права своего отца. Никомед Эвергет поступил еще остроумнее. Он ответил римлянам,

что возвратит Пафлагонию законному царю. И переименовал одного из своих сыновей. Тот был назван Пилемоном и занял престол в вифинской части Пафлагонии. Буква закона была соблюдена. Римляне вернулись на родину, «став жертвой издевательства», как пишет Юстин.

Пользуясь затруднениями римлян, Митридат продолжал захваты. Вслед за Пафлагонией он напал на галатов, дабы вернуть владения, потерянные после смерти отца. Галатию он также поделил с вифинским царем, который тоже пользовался любой возможностью, чтобы расширить свои владения. Римляне стерпели и это.

Митридат научился у них обставлять свои захваты юридически безупречно. Боспор он получил по завещанию, Пафлагонию взял как наследство отца. Следующий захват — Малая Армения. Там правил эллинистический правитель Антипатр, сын Сисина. Династия малоармянских правителей известна столь плохо, что мы не можем выстроить сколько-нибудь внятной генеалогии и определить, были ли местные царьки родственниками понтийских базилевсов. Но так или иначе, Митридат уговорил Антипатра передать страну понтийцам. Взамен ему, вероятно, дали гарантии личной безопасности и материального обеспечения. Такие гарантии, кстати, очень любили давать римляне — особенно тем, кто отписывал им земли по завещанию.

Описываемая эпоха — время завещания царств. По завещанию римляне получили Азию и Кирену, а эллинистический фараон Птолемей XI умудрился отписать им весь Египет с Кипром. Понтийские базилевсы ловко переняли выгодную практику. Так они сумели расширить свое небольшое царство. Малую Армению Митридат отдал в управление одному из своих сыновей, Аркафию, хотя фактически распоряжался там как у себя дома.

Возможно, тогда же он захватил Колхиду. Эта страна включала современную Западную Грузию и Абхазию. Здесь было много греческих городов. В горных долинах жили туземцы. По легенде, в стародавние времена царь Колхиды Ээт обладал золотым руном, за которым сюда прибыли аргонавты. С тех пор на побережье возникли греческие фактории. Как видно, в описываемое время между греками и горцами вспых-

нул конфликт. Этим воспользовался Митридат, подчинив тех и других. Колхида давала золото для оплаты наемников, пеньку, смолу и строевой лес — для флота. Матросов и офицеров для своих эскадр Митридат нанимал в Сирии и Финикии. Эти страны также находились в состоянии перманентной смуты. Те же, кто хотел стабильной службы, уходили к Митридату.

Позже будут жестокие войны и новые захваты. Но именно теперь могущество Митридата достигло предела. Возможно, ему удалось бы балансировать и дальше на грани войны с Римом. Но события потекли по иному руслу.

Каппадокия

Игру Митридату испортил Никомед Эвергет. Примерно в 105 году до н. э. он вторгся в Каппадокию без его согласия. Цель была одна: опередить понтийского царя и не дать ему чрезмерно усилиться. Так что действия Никомеда вполне объяснимы. Союзники не доверяли друг другу, свободных земель не было. Рано или поздно это должно было привести к столкновению их интересов.

Каппадокией по-прежнему правил племянник Митридата Эвпатора — Ариарат VII. Он оказался в трудном положении. Когда в страну вторглись вифины, его войска разбежались. Враг брал одну крепость за другой, и юноша попросил помощи у своего понтийского дяди. Тот понял, что час настал: Каппадокия, решил он, должна вернуться под управление династии Митридатидов.

Царь Понта согласился помочь племяннику, преследуя исключительно собственные цели. Его войска вошли в Каппадокию и быстро изгнали вифинов. Но не успел Митридат утвердиться в Каппадокии, как вдруг выяснилось, что за спиной вифинских интервентов стоит мать Ариарата и родная сестра Митридата — Лаодика. Неожиданно она сделала ловкий ход — вышла замуж за вифинского царя Никомеда III. Тот получил опекунство над Ариаратом и всю страну в придачу. Митридат оказался в дураках.

Но понтийский царь не собирался отказываться от Каппадокии. В конце концов, все решала сила, а ею обладал имен-

но Митридат. Не следовало его злить. Не мешкая, он объявил Лаодику предательницей каппадокийских интересов и пособницей вифинов. Ариарата же — патриотом своей страны и другом Понта. Таким образом, выходило, что Митридат Эвпатор пришел на помощь сыну против узурпаторши-матери. Вифины потерпели несколько поражений. Понтийский базилевс, пишет Юстин, «силой очистил Каппадокию от гарнизонов, оставленных там Никомедом, и восстановил в правах сына своей сестры».

На этом «торжество справедливости» закончилось. Митридат поставил условие: в Каппадокию должен был вернуться Гордий, который, как мы помним, когда-то убил отца Ариарата VII, после чего укрылся в Понте. Юный каппадокийский царь возмутился столь циничному требованию и начал войну против Митридата. При этом вокруг Ариарата сплотилась каппадокийская знать. По словам Юстина, Ариарат VII собрал «огромное» войско. Его поддержали соседи — прежде всего вифинский царь Никомед III и, вероятно, кто-то еще — может быть, царьки мелких государств вроде Коммагены и Софены, лежавших на берегах Евфрата и граничащих с Каппадокией.

Митридат также собрал значительные силы. Юстин дает совершенно неправдоподобную цифру в 80 000 пехоты, 10 000 всадников и 600 боевых колесниц. Но какой спрос с римского историка, который описывал таинственный Восток? Тем более что проверить приведенные цифры все равно некому.

На самом деле Митридат даже не рискнул пойти на открытое сражение, а значит, не имел достаточно войск. Когда армии стояли друг против друга, понтийский царь вызвал Ариарата на переговоры... с твердым намерением убить. Поступок, несомненно, подлый. Впрочем, сам Митридат считал, что это военная хитрость.

Итак, Митридат отправился на переговоры с кинжалом, спрятанным под одеждой. «По царскому обычаю, — пишет Юстин, — Ариарат послал к Митридату человека, который должен был его обыскать». Никто никому не верил, и меньше других — цари.

Когда телохранитель стал особенно тщательно ощупывать «нижнюю часть живота», понтийский царь грубо пошутил:

«Кинжал ищешь? Смотри, как бы ты не нашел там кинжал иного рода, красавчик!»

Возможно, сказано было еще грубее и двусмысленнее. Теплохранитель покраснел и прекратил поиски. Так, прикрыв коварство шуткой, Митридат сумел запутать врагов. Дальше — дело техники. Цари отделились от своих свит и начали переговоры. Эвпатор отозвал своего царственного племянника в сторону, как будто желая сообщить какую-то тайну. Затем выхватил кинжал и зарезал Ариарата прямо на глазах у солдат двух армий. Подобной лихостью мог похвастать не каждый царь.

Скорее всего, тотчас же были арестованы бывшие на переговорах вельможи Ариарата. Каппадокийская армия оказалась обезглавлена. Не сходя с места, Митридат навязал потерявшим своего царя вельможам соглашение, что новым царем Каппадокии становится понтийский принц — восьмилетний сын Митридата. Он известен под тронным именем Ариарат VIII Филопатор Эвсебий (101–96, 95–86 годы до н. э.). Регентом при нем сделался Гордий. Страну наводнили понтийские войска.

Вскоре, впрочем, против юного царя возник заговор. Часть каппадокийской знати решила возвести на трон своего представителя и выгнать захватчиков. Заговорщиков поддержал вифинский царь Никомед III, который никак не мог простить Митридату того, что тот так бесцеремонно выставил его из Каппадокии. Никомед, как свидетельствует Юстин, нашел подростка, «отличавшегося исключительной красотой», и отвез его в Италию, где тот выступил в сенате и сообщил, что он еще один сын Лаодики и Ариарата VI, а следовательно, законный царь Каппадокии. Лаодика также отправилась в Рим вместе со своим «сыном», чтобы свидетельствовать в его пользу. Сенаторы приняли это заявление холодно. Они еще не забыли, как Никомед III издевался над Римом во время захвата Пафлагонии. Так что к разбирательствам между варварами в Вечном городе поначалу отнеслись без интереса.

Юный самозванец убрался из Италии несолоно хлебавши. Какое-то время он жил в Вифинии вместе с Лаодикой и Никомедом. Затем переехал в римскую провинцию Азия. Это значит, что общий язык с римлянами все-таки был найден.

Наконец каппадокийцы-заговорщики с благословения римлян пригласили его на престол. Началось восстание, и понтийцы были изгнаны из страны. Самозванец стал царем Ариаратом IX (96—95 годы до н. э.), и римляне признали его. Узнав об этом, Митридат отправил в Рим Гордия. Тот сделал заявление, что Ариарат VIII (сын Митридата) на самом деле — отпрыск Ариарата VI. Что же до Ариарата IX, то тут была сказана чистая правда — что он обыкновенный самозванец. Значит, все юридические права на каппадокийский трон — у Ариарата VIII. Неясно, правда, поверил ли кто-нибудь Гордию.

Как бы то ни было, Митридат понимал, что дипломатию следует подкрепить силой. Если бы Ариарат IX утвердился на престоле и получил помощь римлян, свергнуть его было бы гораздо труднее. Поэтому, не дожидаясь реакции Рима на демарш Гордия, Митридат вторгся в Каппадокию, разгромил противников и восстановил на троне своего сына-подростка. Ариарат IX не успел даже начать чеканку монеты. Разбитый, он бежал из страны и вскоре умер «с горя», как утверждает Юстин. Митридат был к его смерти непричастен, иначе враги не преминули бы обвинить его и в этом убийстве.

После этого римляне сочли нужным вмешаться в малоазийские дела, поскольку решили, что Митридат зашел слишком далеко. Его действия создавали опасный прецедент и наносили ущерб авторитету Римской республики. Постановили: отнять у понтийского царя Каппадокию. Признали также незаконным раздел Пафлагонии. Половину этой страны, «чтобы Митридату не было обидно», иронизирует Юстин, отобрали у Никомеда и провозгласили свободной.

Митридат покорно убрался из Каппадокии и предоставил возможность тамошним вельможам самостоятельно решать ее судьбу, то есть выбрать монархию или республику. На практике уход понтийцев означал безвластие, засилье римских откупщиков и полную зависимость Каппадокии от Рима. Каппадокийская знать выбрала монархию. Римляне устроили фиктивные выборы и провели во власть некоего Ариобарзана, имевшего красноречивое прозвище Филоромей («любитель римлян»). Он не принадлежал к числу прямых представителей пресекавшейся династии Ариаратидов, хотя, возможно, все же был отпрыском каппадокийского правящего дома по бо-

ковой линии. В пользу этой версии говорит его арийское имя. В 95 году до н. э. Ариобарзан взошел на трон. Юстин характеризует его как человека очень вялого. Такой устраивал всех — и римлян, и собственную аристократию.

Митридат не смирился с потерей Каппадокии. Еще на выборах царя он выдвигал против Ариобарзана своего человека — того же Гордия. Если бы тот прошел, усилия римлян оторвать страну от Понта пропали бы даром. Но план Митридата провалился.

В течение последующих десяти лет Ариобарзана то свергли при участии понтийцев, то вновь при участии римлян восстанавливали. В самой Каппадокии авторитет этой презираемой всеми римской марионетки был близок к нулю.

Митридат же искал новых союзников, готовых не только помочь ему вернуть Каппадокию, но и схлестнуться с Римом.

В Великой Армении как раз сменился правитель. Новым царем стал принадлежавший к иранской знати Тигран II (95—55 годы до н. э.), впоследствии прозванный Великим. Его предки были сатрапами Селевкидов, а затем обрели самостоятельность (187 год до н. э.). Почти столетие они правили как независимые цари.

Эвпатор начал с Тиграном переговоры. Похоже, понтийский царь склонял его к войне с Римом. Поначалу Тигран был против. Великоармянские базилевсы долгое время придерживались союза с Римом. В свое время сенат признал независимость Армении. Римляне не причиняли армянам обид; в основном от них страдали те, кто граничил с ними. Но опасность для Великой Армении со стороны Рима становилась все более очевидной. Тигран колебался.

Тогда Митридат послал на переговоры с армянским царем Гордия — человека, судя по всему, обладающего многими талантами. Этот вельможа сумел уговорить Тиграна заключить союз с Митридатом. Не против Рима, нет. Объектом агрессии должны были стать каппадокийцы. Гордий упирал на то, что каппадокийский царь Ариобарзан — человек безвольный и слабый, что он крайне непопулярен в стране, и возбуждал жадность армянского правителя. Возможность ограбить владения слабого соседа захватила воображение Тиграна. Союз

Понта и Великой Армении скрепили браком. Тигран женился на Клеопатре — дочери Митридата.

После этого вражеские армии вторглись в Каппадокию с двух сторон. Их вели полководцы понтиец Митраас и армянин Багой.

При первом же появлении понтийских войск на севере и армянских — на востоке Ариобарзан бежал в Рим. На царство вновь взошел Ариарат VIII — сын Митридата.

Поведение Эвпатора кажется странным. Почему он сначала допустил Ариобарзана к власти и смиренно вывел свои войска, а потом как ни в чем не бывало совершил вторжение? Почему сразу не стал отстаивать свои интересы? Скорее всего, он поначалу не был уверен, что его поддержат сами каппадокийцы, и опасался прямого конфликта с римлянами. Но позже, когда Ариобарзан себя полностью дискредитировал, Митридат сумел склонить на свою сторону значительную часть каппадокийской знати, а кроме того, взвесив все, пришел к выводу, что римлянам не до Каппадокии, и повторил попытку захвата этой страны.

Для каппадокийцев происходящее было самым настоящим бедствием. Страна была разорена армянами и понтийцами, города разрушены. Тигран угнал в плен много людей. Фактически страной опять управлял Гордий. В Каппадокии встали понтийские гарнизоны. Общее руководство ими осуществлял стратег Архелай — понтийский аристократ и в то время любимец Митридата.

Прежде чем продолжить изложение событий, необходимо кое-что прояснить.

Не странно ли, что Митридат постоянно договаривается о судьбе Каппадокии, выводит оттуда войска, а затем нападает на эту страну?

Но вспомним, что до нас дошла исключительно римская точка зрения на этот вопрос. Римляне стремились представить Митридата в роли злобного и немотивированного агрессора. Так ли это? А что, если римские ставленники вроде Ариобарзана или Ариарата IX сами лелеяли агрессивные планы в отношении Понта? Устраивали провокации на границах, грабили деревни, угоняли понтийцев в рабство? Тогда все

встает на свои места. Митридат защищал собственных подданных, переносил войну на территорию противника и оберегал границы Понтийского царства.

Оговоримся: мы далеки от того, чтобы оправдывать Митридата. Это был суровый воин и хитрый политик. Он не останавливался перед агрессией, если считал это необходимым. Но в случае с Каппадокией все выглядит слишком странно.

Вероятно, очередное нападение на Каппадокию стало ответом на бесконечные провокации войск Ариобарзана. Судя по высказываниям Юстина и Аппиана, на границе шла постоянная малая война. Ее целью было вынудить Митридата напасть первым, чтобы Рим мог вмешаться. Следовательно, наша догадка находит подтверждение.

Значит ли это, что «хороший» Митридат страдал от «плохого» Рима? Такой взгляд слишком примитивен. Было другое. В Малой Азии шло жестокое, безжалостное противостояние. Римская республика словно кошмарный монстр пожирала государства одно за другим. Риму это было необходимо для выживания. Требовалось есть, пить, купаться в роскоши и содержать постоянную армию... которая производила новые захваты, позволявшие оплачивать эту армию. Короче, перед нами государство-хищник.

Римлянам противостояли последние бастионы эллинизма — Понт, Вифиния, Армения. Их цари пытались создать империю, которая могла бы противостоять Риму. Обе стороны вели войну насмерть и в средствах не стеснялись. Так что вопрос, кто «хорош», а кто «плох», некорректен.

Казалось, очередной захват Каппадокии прошел в высшей степени удачно и Митридат утвердился там всерьез и надолго. Но он просчитался. Терпение римлян было исчерпано. Они пошли на конфликт. Это еще не первая война Рима и Понта, но — первое столкновение, которое в итоге приведет Митридата к большой войне и гибели.

Митридат против Рима: проба сил

Наказать Митридата был назначен наместник Суровой Киликии Луций Корнелий Сулла, впоследствии — зна-

менитый диктатор Рима и один из самых выдающихся политиков эпохи заката республики. Наместник собрал большое войско, пополнил его за счет союзников и вторгся в Каппадокию. Регент Гордий и понтийский полководец Архелай выступили против него с армянами и понтийцами, но были разбиты. Их вытеснили из страны. Никчемного Ариобарзана восстановили на троне.

Вскоре после этих событий умер вифинский царь Никомед III Эвергет (94 год до н. э.). Возможно, он был отравлен. За убийством могли стоять римляне. При Никомеде страна уходила у них из рук. Преемник умершего царя Никомед IV Филопатор (94—74 годы до н. э.) известен жестокостью, глупостью и проримскими симпатиями. Он был сыном царя от какой-то танцовщицы, женщины легкого поведения. И к сожалению, унаследовал все пороки матери, к которым добавилась склонность к гомосексуальным связям. Впоследствии Никомед IV проявил себя как абсолютная римская марионетка. Прославился он, однако, вовсе не своими деяниями на политическом поприще, а тем, что переспал с молодым Юлием Цезарем и лишил его девственности.

Конечно, Вифиния давно превратилась из союзника во врага Понтийского царства. Но при Никомеде III она была и врагом Рима. Его сын действовал иначе. Никомед IV обожал римлян и открыл дорогу в страну римским торговцам и ростовщикам. С переходом Вифинии в римский лагерь положение Митридата серьезно ухудшилось.

Правда, в Вифинском царстве не все было благополучно. Придворные группировки вели упорную борьбу за власть. Никомед IV ненавидел свою мачеху Лаодику — сестру Митридата. За ней, вероятно, стояли некоторые из друзей покойного царя, принадлежавшие к «патриотической» партии. В конце концов Никомед убил Лаодику и начал репрессии против знати.

Часть вифинских вельмож немедленно переметнулась к Митридату. На его сторону встал даже побочный сын Никомеда III Эвергета — царевич Сократ. Митридат дал ему войско и помог захватить Вифинию. Никомед IV бежал к римлянам. Сократ между делом захватил и Каппадокию, изгнав оттуда римского ставленника Ариобарзана.

Рим не стерпел такого посягательства на свои права в отношении эллинистических царств. Наместник провинции Азия Луций Кассий действовал по примеру Суллы: к немногочисленным римским когортам он присоединил крупные отряды галатов и фригийцев, вторгся в Вифинию, разбил Сократа и изгнал понтийцев из пределов этой страны. Затем Ариобарзана — в который уже раз — восстановили на троне Каппадокии. Царевич Сократ укрылся в Понте.

Это был своего рода пролог к сорокалетней войне между Римом и Понтом.

Официальная римская точка зрения состоит в том, что Римская республика не хотела продолжения конфликта и добивалась справедливости, действуя строго в рамках закона. Однако этому противоречит версия античного историка Аппиана Александрийского, автора серии сочинений о войнах Рима с эллинистическими государствами. Известна книга Аппиана о Македонии, где историк дал объективную характеристику последнего царя этой страны — Персея, боровшегося с Римом. Вполне беспристрастен он и в отношении Митридата — в монографии о Митридатовых войнах.

Историк пишет, что сразу после восстановления Никомеда IV и Ариобарзана римляне стали подстрекать обоих царей к нападению на Понт. Главным римским эмиссаром в Малой Азии был Маний Аквиллий Младший, человек хитроумный и бывалый. Это был сын того самого Аквиллия, которому когда-то дал взятку отец Митридата Эвпатора.

Аквиллий Младший пустил в дело все римские хитрости, с помощью которых республика расправлялась с теми, кто считался опасным. Очень важным было представить именно Митридата в роли захватчика, для чего требовалось спровоцировать войну, чтобы Рим вмешался и защитил пострадавших от понтийской агрессии. Позднейшие западные историки, начиная с Теодора Моммзена, объявляли такую политику «честной» и «справедливой». «Нечестным» и «несправедливым» назначили Митридата как проигравшего.

Нарастание напряженности не на шутку тревожило Митридата. Он видел концентрацию вражеских войск у своих границ и знал, что за этим стоит Аквиллий. Царь пригласил к себе римского дипломата, чтобы тот убедился: Понт не

планирует войну. «Международная комиссия» во главе с Аквилем посетила владения Эвпатора, но никаких решений не вынесла. Римляне продолжали, выражаясь современным языком, эскалацию напряженности. Было очевидно, что они хотят расправиться с Понтом.

Тогда Митридат тоже начал действовать, ибо не хотел стать бессильной жертвой. Царь усилил армию и завязал переговоры с причерноморскими племенами, которые жили в Поднепровье. Эвпатор планировал навязать Риму войну на два фронта: на Балканах и в Азии. Остается лишь поражаться размаху мышления этого человека. Царь Понта, этой небольшой страны, и вправду становился самым опасным противником римлян со времен Ганнибала.

Митридат отправил послов к балканским галатам, сарматам, бастарнам с просьбой о помощи. Его гонцы достигли даже земель кимвров. Такой список племен приводит Юстин. Современные историки склонны считать его вымышленным. Им не приходит в голову, что эллинистический царь может мыслить столь широко, а его дипломаты способны достигнуть столь дальних земель. Не стоит, однако, полагать, что древние были глупее современных политиков. Для античных купцов и послов расстояние в тысячу километров было огромным, но преодолимым, а связи между древними странами и племенами оказываются гораздо обширнее, чем было принято думать еще недавно.

Кроме того, понтийский царь заключил новый договор с Тиграном II. Опять предполагался раздел многострадальной Каппадокии. Тигран предполагал угнать в плен население еще нескольких городов и деревень, а Митридат получал земли — жизненное пространство. Оба царя были по-прежнему уверены, что римляне не станут развязывать полномасштабную войну из-за Каппадокии. Более того, таким образом они готовились к переговорам с Римом и хотели улучшить свое положение, дабы вести их с позиции силы.

Неустойчивый мир в Малой Азии продержался четыре года. В это время полководец Митридата Неоптолем вел новую войну с сарматами на северном побережье Черного моря. У античных авторов эта война всплывает неожиданно, без начала и конца. Кажется, сарматы хотели захватить Крым,

но были разбиты. Как бы то ни было, Митридат сразу после окончания конфликта начал переговоры с сарматскими племенами о союзе против римлян. Такие вещи в то время осуществлялись легко, особенно если стороны воевали честно и не запятнали себя предательством и подлостью.

После окончания конфликта с сарматами ничто не мешало Митридату обратиться к малоазийским делам. Армии эллинистических царей стояли друг против друга, готовые нанести удар. Вот-вот должен был грянуть гром.

Игры дипломатов

Точная дата начала боевых действий не известна. Кажется, это произошло в 90 году до н. э. Войну против Митридата начал вифинский царь Никомед IV. Он правил на редкость неэффективно, пользовался римскими кредитами и теперь находился в долгах. В Вифинии распоряжались римские ростовщики. Царь попал в их паутину, как муха. Платить было нечем. Римский посол Маний Аквиллий предложил ему сделку: отложить выплату долгов в обмен на агрессию против Понтийского царства. Если нападение будет удачным, прикинул Никомед, он еще и обогатится за счет грабежа.

Царька торопили. Выхода не было, и Никомед двинул свои отряды. Он опустошил Понт вплоть до города Амастрида, причем не встретил никакого сопротивления. Это специально отмечает Аппиан. Митридат, имея войско наготове, тем не менее отступал, дабы получить как можно больше законных поводов для начала войны и заслужить симпатию эллинистического населения Малой Азии.

В это же время он неожиданно приказал казнить брата вифинского царя Никомеда — Сократа, которому дал убежище в Понте. Сам Митридат позднее утверждал, что казнил Сократа по сговору с римлянами. Они, мол, потребовали жизнь царевича в обмен на свое миролюбие по отношению к Митридату. Это похоже на правду. Римляне часто выдвигали одно условие за другим тем правителям, которых желали ослабить, а потом уничтожали ослабленного врага.

Когда Никомед возвратился с большой добычей в Вифинию, Эвпатор направил к Манию Аквиллию своего придворного Пелопида с жалобой на неспровоцированную агрессию. Понтийский царь прекрасно знал, что жаждущие войны римляне сами были виновниками вторжения. Но делал вид, что не осведомлен об этом. По его приказу Пелопид напомнил римлянам о дружественных союзах, которые заключали с Римской республикой Митридат V и Митридат VI. Он говорил о том, что понтийцы сделали римлянам много добра, — и особо выделил подавление восстания Аристоника. «За все это, — вещал Пелопид, — римляне лишили базилевса Митридата Эвпатора Фригии и Каппадокии. Хотя Фригия была в свое время куплена у римского полководца за крупную сумму».

Покраснел ли Маний Аквиллий при этих словах? Напомним, что Фригию за взятку уступил понтийцам его отец, Маний Аквиллий Старший, воевавший в этих местах против Аристоника. Когда Маний-старший вернулся в Рим, его обвинили в получении взятки, но доказать обвинение не смогли. Политик оправдался. А тут какой-то Пелопид вздумал обличать римлянина. Было неприятно.

«Теперь же, — продолжал Пелопид, — вы спокойно допускаете, что Никомед делает набеги на нашу землю вплоть до Амастриды и угоняет добычу. Хотя мой базилевс не слаб и готов к защите, он желал, чтобы вы стали свидетелями несправедливости. Теперь, в соответствии с нашими давними договорами, Митридат просит народ римский защитить Понт от нападения Никомеда. Ведь мы — ваши союзники».

Дипломатические ходы Митридата вызывают восхищение. В них тонкая ирония соседствует безупречностью правовых норм. Такого противника римляне еще не видели. Но они тоже хорошо подготовились к дипломатической игре. В дело были пущены представители Никомеда, которые разразились гневной речью.

«Против нашего царя Никомеда Митридат замышлял уже давно. Поэтому посылал в Вифинию его брата Сократа с войском. Заметим, что Никомед посажен на трон римлянами. Следовательно, действия Митридата были направлены не против Вифинии, а против Рима. Теперь о другом. Римляна-

ми давно уже издан приказ: царям Азии не ходить в Европу. Но Митридат вопреки этому приказу подчинил себе Херсонес и Боспор. Все это доказательства неповиновения. Взгляните теперь, какие огромные приготовления ведет он к войне. Его послы находятся у фракийцев и скифов. С царем Армении — скрепленный браком союз. К царям Египта и Сирии он тоже отправил посольства, пытаясь склонить их на свою сторону. А флот? У него триста палубных кораблей. Строятся еще другие. За штурманами и кормчими он отправил людей в Египет и Финикию. Зачем ему этот флот? Зачем все эти приготовления? Направлены они совсем не против Никомеда. Против вас, римляне, готовит войну Митридат. А все из-за потерянной Фригии. Его отец купил эту область у одного из ваших полководцев за взятку. Вы признали несправедливость этого приобретения и отняли его. Вот и обида. Он сердит и за Каппадокию, которую вы отдали Ариобарзану. Он боится вашей растущей силы и готов под предлогом войны с нами напасть на вас самих. Проявите мудрость. Обращайте внимание на его дела, а не на слова. Не выдавайте нас — верных друзей Рима — Митридату, который только надел маску дружбы. Митридат в равной степени является врагом и для нас, и для вас».

Пелопид немедленно взял ответное слово. Он заявил: если Никомед чем-то недоволен, пусть лучше обратится в римский сенат. «Что же касается теперешних обид, то вот они: земли моего государя Митридата разграблены врагом. Поэтому мы выступаем с предложением к римлянам: либо запретите подобные действия Никомеду, либо выступите вместе с нами на войну против Вифинии. Поддержите Митридата как несправедливо обиженного!»

Римские военачальники, пишет Аппиан, давно решили оказать помощь Никомеду и «только из притворства слушали все эти прения». Однако дипломатические демарши Митридата и блестящие речи Пелопида привели их в смущение. Аквиллий и его соратники колебались. Наконец они все же придумали хитроумный ответ в духе римской казуистики.

«Мы бы не хотели, — сказал Аквиллий, — чтобы Митридат потерпел что-либо неприятное от Никомеда. Но мы не потерпим, чтобы против Никомеда была начата война. Не в наших интересах, чтобы Никомед потерпел ущерб».

Пелопида увели с этого совещания под конвоем, а затем выслали в Понт. Римляне, как сильная сторона, сами устанавливали правила игры и, если начинали проигрывать в словесном споре, применяли силу.

Все же исход переговоров давал Митридату моральный перевес. В глазах эллинистических правителей он превратился в обиженного. А римляне — в несправедливых захватчиков.

На переговорах речь шла в основном о Никоমেде. Именно его собрались защищать римляне. Зато не было речи про другого их ставленника — Ариобарзана, который тоже совершал набеги на понтийские земли по указке Рима. Митридат решил этим воспользоваться. Понтийские войска вторглись в Каппадокию. Их вел сын Митридата — Ариарат VIII. Юноша захватил страну и опять лишил трона бездарного Ариобарзана (90 год до н. э.). Дело решили подкрепить дипломатическим демаршем. К римлянам снова отправился Пелопид и попросил о встрече. На ней понтиец заявил следующее:

«Я уже говорил вам, о римляне, какие обиды претерпел мой царь Митридат после того, как вы отняли Каппадокию и Фригию. В Каппадокии восстановлена справедливость, ее царем стал Ариарат. Это произошло из-за ваших софизмов. Вы не хотели решить дело миром и подстрекали каппадокийцев к войне. Митридат отправит послов в сенат. Они расскажут всю правду о вашем коварстве!»

Аквиллий и его соратники стояли в полном шоке, а Пелопид продолжал:

«Конечно, вы можете начать войну, но прежде подумайте. Митридат царствует не только над понтийцами, но и над множеством других народов — малыми армянами, колхами, боспорцами. Его союзники — скифы, фракийцы, бастарны на западе, великие армяне и парфяне — на востоке. Если вспыхнет война, она будет для вас затяжной и тяжелой. Нас поддержат базилевсы Сирии и Египта, которые ненавидят вас. После этого восстанет недавно приобретенная вами Азия, Эллада, Ливия... Да и большая часть самой Италии, которая, не вынеся вашей жадности и корыстолюбия, ведет с вами непримиримую войну».

Так передает речь Пелопида Аппиан в своей истории Митридатовых войн.

Пассаж об Италии связан с тем, что как раз в 90 году до н. э. на Апеннинах началась Союзническая война: италики восстали против римлян. Десятки тысяч воинов сражались друг против друга. Подробности об этих боях утрачены, но даже беглые упоминания у Тита Ливия дают представление о накале борьбы. Митридат и его придворные были хорошо осведомлены о ситуации. Им казалось, достаточно нанести удар, и Римская республика уйдет с Востока. Но Эвпатор ошибся. Вскоре Союзническая война завершится, римляне соберут новые легионы и отправят их воевать против Понта. Предполагаемые союзники понтийцев промешкают, а то и вообще предпочтут отсидеться. Римляне еще были способны на сверхусилия, а у понтийцев таким человеком оказался один Митридат.

...Римляне нашли речи Пелопида чересчур дерзкими. Его опять выдворили на родину и приказали не возвращаться, если Митридат не примет условий римлян. До границы посла провожали под стражей, чтобы он не имел возможности шпионить и подстрекать население провинции Азия к восстанию против Рима. Этот штришок отлично передает общую атмосферу. Римлян здесь ненавидели и ждали любой возможности для восстания. В этом Митридат не просчитался.

Не дожидаясь решения сената, Маний Аквиллий и Луций Кассий стали собирать войска. К ним пришли бежавшие от понтийцев каппадокийцы. Несколько тысяч солдат выставил Никомед. Наконец, на вербовали вечно буйных галатов. Ядро армии составляли римские когорты, дислоцированные в провинциях Азия и Киликия.

Эту разношерстную армию разделили на три корпуса. Кассий занял центральную позицию в Галатии. Маний Аквиллий караулил подходы к Вифинии. Наконец, третий военачальник, наместник Киликии Квинт Опций, разместился на юге. Каждый из военачальников имел 40 000 пехоты и 4000 конницы. Всего — 130 000 человек. Снарядили флот. Он располагался около Византия, в проливе Босфор. Эскадрой командовали Минуций Руф и Гай Попилий.

Эти данные приводит Аппиан. Вероятно, мы в очередной раз имеем дело с преувеличением. Об этом говорит и приводимая Аппианом численность войск Митридата. Историк пи-

шет, что понтийский царь имел 250 000 пехоты, 40 000 конницы и, кроме того, сын Митридата Аркафий, правитель Малой Армении, привел в Понт вспомогательный корпус в 10 000 всадников (эту цифру смело можно делить на десять). Колхидский стратег Дорилай подтянул пехоту, выстроенную в фаланги, а другой военачальник, Кратер, возглавил отряд в 130 боевых колесниц. Этот род войск уже изживал себя, но упорно использовался в войнах восточных царей. Общее руководство армией осуществлял Митридат. Флот Понта по тем же мифическим данным насчитывал 300 однопалубных кораблей и еще сотню бирем (судно с двумя рядами весел).

Достаточно взглянуть на карту Понта, чтобы понять: столь маленькое государство не могло развернуть на своей территории четверть миллиона воинов. Это представляло проблему даже для Оттоманской империи во время Кавказских войн, которые протекали примерно в этих местах. Разве только речь идет обо всех понтийских силах, включая боспорские, колхидские гарнизоны и нестроевых солдат. Но скорее, другое: римляне не хотели признать, что воюют с армией, равной им по численности, а то и меньшей. Отсюда — более или менее верные цифры в донесениях касательно собственных сил и совершенно фантастические данные о численности войск Митридата.

Крупнейшими стратегами Эвпатора были Неоптолем и брат последнего Архелай — судя по именам, греки. Неоптолем прославился победоносными кампаниями в Крыму. Архелай был ничем не знаменит. Впоследствии он будет неоднократно терпеть поражения от римлян. Тем не менее он считался знатоком военного дела. Такое случается. Вряд ли стоит обвинять этого человека в бездарности, не зная всех деталей военных действий, а их история, увы, сохранила очень мало.

Таковы были приготовления обеих сторон, когда началась Первая Митридатова война (89 год до н. э.).

Большая война

Первое сражение состоялось на территории Пафлагонии. Из описания Аппиана остается неясным, кто же напал раньше. Судя по поведению Эвпатора перед этим, вряд ли зачинщиком войны был он.

В Пафлагонию явился Никомед IV со своей вифинской армией. Его удар приняли легковооруженные понтийские подразделения, а также армяне Аркафия. Понтийская тяжеловооруженная фаланга была еще на марше и не успела подойти к месту битвы. Это важное указание на то, что напал именно Никомед. Следовательно, Митридат одержал первую победу — моральную. Он хотел выступить в роли жертвы спровоцированной агрессии, и это ему удалось.

Битва завязалась на равнине у реки Амнейтон.

Понтийским авангардом командовали Неоптолем и Архелай. Им грозило окружение: вифины превосходили в числе. Оценив ситуацию, понтийцы послали отряд на крутой холм, возвышавшийся над равниной. Вифинская армия тотчас вы-

била врага оттуда. Опасность окружения усилилась. Тогда Неоптолем кинулся к холму с отборными воинами, чтобы выручить своих и занять господствующую позицию. Никомед разгадал этот замысел и тоже отправился к холму с многочисленным войском. Закипело кровавое сражение. Никомед стал одолевать. Он бросал все новых и новых солдат в сечу. Неоптолем откатывался назад.

И вдруг... выяснилось, что со стороны понтийцев это была военная хитрость. В самом начале боя Неоптолем велел своему брату Архелая выйти врагу во фланг со всей конницей, что Архелай и сделал. Вовремя нанесенный понтийцами фланговый удар был страшен. В авангарде шли колесницы с косами. Они сеяли панику — воины Никомеда видели своих товарищей, разрубленных пополам косами, прикрепленными к осям колесниц. Останки несчастных наматывало на колеса. «Вследствие отвращения перед таким зрелищем», говорит Аппиан, вифины смешали свои ряды. В этот момент Неоптолем и царевич Аркафий, ударившиеся было в притворное бегство, развернулись и окружили вифинов. Началась безумная резня. Вифины какое-то время сопротивлялись, а потом стали сдаваться. Никомед с немногими друзьями прорвался и бежал на родину. Как боевая единица вифинская армия перестала существовать, хотя понтийцам даже не пришлось вводить в бой фалангу. Авторитет Неоптолема и Архелая значительно вырос в глазах понтийского царя после этой победы.

Никомед собрал разбежавшихся солдат и стал лагерем под защитой римлян, неподалеку от когорт Мания Аквилия. Тем временем Митридат занял Пафлагонию — сопротивляться там было некому. Понтийцы вышли на границу коренных вифинских владений.

Начались мелкие схватки. Вифины воевали все более неохотно. Дошло до того, что отряд в сто сарматских всадников, служивших Митридату, захватил в плен 800 вифинских кавалеристов. Митридат приветливо встретил пленных и отпустил домой, снабдив деньгами. Тем самым он подчеркнул, что воюет только против Рима и его пособников, а не против угнетенных римлянами народов.

Вскоре Никомед ушел с остатками своей армии в Галатию к Луцию Кассию. Видимо, он собирался пополнить войско

за счет галатских наемников. Аквиллий остался один, и на него немедленно напал Митридат. Он планировал разбить три римские армии поодиночке, обеспечивая себе превосходство в каждом отдельном сражении.

Аквиллий хотел уклониться от боя. Ночью он снялся с лагеря, чтобы незаметно уйти. Однако понтийцы разгадали маневр. Неоптолем и Аркафий преследовали врага. Римлян настигли у местечка Пахий и принудили к беспорядочному сражению. Видимо, понтийская конница напала на них прямо во время марша. Растянувшиеся по дороге легионеры оказались неспособны к сопротивлению, а римская конница не смогла прикрыть их отход. По словам Аппиана, понтийцы истребили в этом бою 10000 солдат неприятеля и 300 человек взяли в плен. Всех пленников, уроженцев Малой Азии, Митридат отпустил по домам. Сам Маний Аквиллий ускользнул в Пергам.

Узнав о новом разгроме, Кассий покинул Галатию и переместился в Великую Фригию, чтобы прикрыть провинцию Азия. Он разбил укрепленный лагерь на горе Леонтокефалей (Львиная Голова). Большую часть его войска составляли мобилизованные малоазийские ремесленники и крестьяне, которые не могли тягаться с ветеранами Митридата, закаленными в крымских и каппадокийских кампаниях. Поэтому римский военачальник принялся спешно их обучать. Одновременно Кассий продолжал набор солдат во Фригии. Однако люди шли в солдаты неохотно и обучались военному делу плохо. Стало ясно, что они разбегутся при первом появлении Митридата. Тем более что все знали: царь Понта демонстрирует по отношению к пленникам великодушие и даже одаривает их деньгами.

Поняв, что тягаться с Митридатом сейчас им не под силу, римские руководители отказались от активных действий и распустили войско. Такова официальная точка зрения, приведенная Аппианом. Не исключено, что это «невоинственное войско», как выражается историк, вообще готово было восстать против римлян.

Это была вторая крупная победа Митридата. Без боя он сумел разбить еще одну римскую армию. А затем последовала победа над авангардом киликийского корпуса римлян, которым командовал Мальтин.

Речь

После этого Митридат счел нужным собрать своих воинов, чтобы изложить свою политическую программу. Античные авторы не говорят, сколько слушателей было у Митридата. Вся армия? Триста тысяч мифических солдат? Скорее всего, царь выступил перед понтийцами и греками.

Он начал с того, что люди всегда сопротивлялись насилию. Против разбойника все обнажают оружие — если не ради спасения, то из чувства мести. Римляне — разбойники. Надо дать им отпор. Нужно подумать, каким способом вести войну и как победить опасного и сильного противника.

Лично он, Митридат, уверен в победе, если только у воинов хватит мужества. Римлян громить можно. В Вифинии разбит Аквиллий, в Каппадокии — Мальтин. Но если на кого-то больше действуют чужие примеры, то в старые времена римлян бивал Пирр, государь Эпира. Несколько сокрушительных поражений им нанес Ганнибал. А ведь тогда римляне были сильнее и воинственней, чем теперь, когда их страну раздрает смута. Если обращаться к еще более древним временам, можно вспомнить, что галлы когда-то захватили Рим и освободили его только за выкуп. А ведь в понтийском войске много галатов — это потомки завоевателей Рима.

Но чтобы не останавливаться надолго на древних примерах, продолжал Митридат, обратимся к современности. Рим гложет борьба партий и ослабляет Союзническая война. Она разгорелась после недавних поражений, которые нанесли римлянам кимвры и тевтоны. Если Италия может выдержать войну с каждым из этих племен в отдельности, то вместе они непобедимы. Он, Митридат, сделал все, чтобы окружить Рим врагами. По всем границам республики вот-вот разгорится война.

Следовательно, нужно воспользоваться благоприятным случаем, чтобы добить гадину — Рим. Если сейчас оставить римлян в покое и позволить им оправиться от поражений, война все равно произойдет. Но вести ее будет гораздо труднее. Так что не стоит даже рассуждать, братья или нет за оружие. Вопрос стоит по-другому: кто быстрее воспользуется удобным моментом, Митридат или римляне. Они фактиче-

ски начали войну давно, когда он был ребенком, отняв у него Великую Фригию. Затем приказали очистить Пафлагонию. Это тоже акт недружественный. По их требованию он убил несчастного вифинского царевича Сократа. Но, повинуясь желаниям римлян, Митридат никак не смягчил их.

Словно в издевку римляне дали каппадокийцам свободу, хотя отнимали ее у других народов, когда считали это выгодным. Сами каппадокийцы хотели видеть своим царем Гордия, но римляне воспрепятствовали этому только из-за того, что Гордий — друг Митридата. Наконец, на Митридата напал вифинский царь Никомед. Когда же он решил отомстить, римляне приняли сторону Никомеда и напали на Понт. Теперь у римлян будет поводом к войне то обстоятельство, что Митридат не отдал себя на растерзание «сыну танцовщицы» Никомеду.

Затем Митридат сказал, что римляне преследуют понтийских царей не за проступки, а потому, что хотят лишить их силы и могущества. Так они поступают не только против него одного. Подобным образом они обращались с Антиохом Великим, когда тот усилился. Затем — с Эвменом Пергамским, когда тот стал не нужен римлянам после того, как помог им расправиться с тем же Антиохом. Точно так обращались и с дедом Митридата Фарнаком. Мало кто знает, но пергамские вельможи именно Фарнаку завещали страну. Однако царство досталось сперва Атталу III, а затем римлянам. Итог — война Аристоника за свободу Пергама, которая потрясла всю Малую Азию. Еще пример из недавней истории. Считают, что никто не имел перед римлянами больше заслуг, чем нумидийский царь Масинисса. Ему приписывают победу над Ганнибалом при Заме и разрушение Карфагена. Тем не менее с внуком этого Масиниссы Югуртой римляне беспощадно воевали в Африке. А победив недавно, не оказали никакого снисхождения, провели в триумфе на глазах у толпы и убили. Римляне вменили себе в закон — ненавидеть всех царей. Наверно, потому, что у них когда-то были такие цари, от которых сенаторы сами же краснеют. Основатели римского государства вскормлены, говорят, волчицей. Вот почему у римского народа души волчьи — ненасытные, вечно голодные, жадные до крови, власти и богатств.

Тут же Митридат добавил, что если будет считаться знатностью с римскими царями, то легко превзойдет этих бродяг. Среди его предков есть люди, которые ведут родословную от Кира Великого и Дария Ахеменида. Со стороны матери он — потомок Селевка I Никатора. Если сравнить подвластные Эвпатору народы с подвластными Риму, то он стоит во главе людей, которые когда-то давали отпор самим македонцам. Сам он завоевал такие народы, которые не смог покорить даже Александр Великий. Дарий I и Филипп II Македонский едва спаслись бегством из Скифии. Зопирион, полководец Александра, был скифами разбит. А он, Митридат, не только покорил скифов, но и большую часть войска набрал из этой страны.

Война в Азии будет легче, чем в Скифии. Там — холода и редконаселенные земли. Здесь — благодатный климат, обилие всяких припасов и сокровищ. Все слышали о богатствах пергамских царей, о сокровищах Лидии и Ионии. Так вот, война будет прогулкой. Богатства упадут к ногам его воинов. Азия ждет Митридата с жадным нетерпением. Римляне возбуждают ненависть у всех. Хищность проконсулов, поборы публиканов, произвол в судах — это римская власть. Вместо нее Митридат принесет справедливое правление справедливого монарха. Пусть только воины идут за ним, пусть только представят, каких успехов можно добиться благодаря храбрости и сплоченности под началом Митридата. Совсем недавно он захватил Каппадокию и лично заколол ее царя. Что же касается справедливости и щедрости Митридата, то лучшие судьи — сами воины, которые не раз убедились в этих его качествах.

Эту длинную речь приводит Юстин. Многие вещи он опускает в своей книге, которая, в свою очередь, является конспектом более древнего сочинения галльского историка Помпея Трога. Но речь Митридата Юстин решил привести целиком. Вероятно, потому, что это — уникальный документ. Речь дает возможность понять ход мыслей понтийского царя, крупного политика эллинистической эпохи, одного из самых выдающихся борцов против Рима. Аргументы Митридата достойны внимания хотя бы потому, что дают понять, как оце-

нивали, по крайней мере в части эллинистического мира, политику римлян.

Произнеся эту речь, Эвпатор повел армию дальше. Его ближайшей целью была римская провинция Азия.

На гребне успеха

Луций Кассий тем временем расположился с римскими когортами в Апамее, на границе провинции Азия. Никомед отбыл в Пергам. Неудачливый Аквиллий вообще уехал на Родос. Союзная Риму греческая эскадра, узнав о поражениях и маневрах римлян, сдалась адмиралам Митридата у берегов Понта.

Первые победы отдали в руки Эвпатора всю Вифинию. Он быстро объехал царство и «стал устанавливать порядок в городах», как пишет Аппиан. То есть встречался с нужными людьми, расставлял администраторов и договаривался об условиях дальнейшего существования территорий в рамках Понтийского царства.

Из Вифинии он повернул в оставленную римлянами Фригию, где посетил стоянку Александра Великого. Каждый эллинистический политик брал жизнь этого царя за образец и всячески пытался доказать духовное родство с гениальным завоевателем. Не стал исключением Митридат.

Затем царь Понта без боя занял Мисию. Следующей на очереди была римская Азия. Кассий бежал при первом приближении грозного противника, и азийские города один за другим стали открывать ворота перед Эвпатором.

Оставалась еще киликийская армия, которой начальствовал Квинт Оппий. Она отступала перед отрядами Митридата из Киликии на запад, и в конце концов Оппий с римскими когортами и значительным числом наемников заперся в городе Лаодикея в Карию, на реке Лик. Но похоже, контракт наемников подходил к концу, а жалованья не предвиделось. Среди солдат вспыхнуло недовольство. Узнав об этом, Митридат быстро сориентировался и предложил лаодикейцам выдать Оппия, гарантируя городу неприкосновенность.

Брошенный наемниками Оппий был схвачен и доставлен к Митридату. В насмешку перед ним пустили ликторов, обычно осуществлявших парадные функции при высших должностных лицах у римлян. Митридат не причинил Оппию зла. Он держал его без оков и повсюду возил с собой, показывая людям, что захватил важную птицу.

Немного времени спустя в плен попал и Маний Аквиллий. Он оказался на Лесбосе, был схвачен жителями острова и выдан Митридату. Вот тут-то царь Понта, считавший Мания главным виновником войны, дал волю гневу. Связанного Аквиллия возили на осле по городам Азии, и наконец в Пергаме римлянин был казнен. Митридат приказал влить ему в горло расплавленное золото, намекая тем самым на его взяточника-отца. Это произошло в 88 году до н. э.

Разобравшись с врагами и расставив повсюду в захваченных землях своих наместников, Митридат занял крупнейшие города азиатской провинции — Эфес и Митилену. Почти всюду его встречали как освободителя, а жители Эфеса даже разбили все римские статуи, которые имелись в городе. За эту опрометчивость они понесли наказание, когда победившие римляне вернули свои владения.

Из местных греческих городов оказала сопротивление только Стратоникея в Ионии. Митридат взял город и наложил на него денежный штраф, а также поместил гарнизон в его стенах. В это же время против понтийцев выступило несколько мелких владетелей в Пафлагонии и Ликии. Митридат поручил расправиться с ними второстепенным военачальником. В провинции Азия сопротивлялась Магнезия. Ее осаждал Архелай, но потерпел неудачу и получил ранение. Однако падение неприятельских городов казалось вопросом времени.

В Азии царь женился. У него, как и у всякого эллинистического правителя, было несколько жен. Эти браки, как правило, преследовали политические цели. Так произошло и в данном случае. Азийской избранницей Митридата стала красавица Монима, жительница недавно захваченной Стратоникеи. Это должно было примирить с Митридатом жителей Стратоникеи и показать дружелюбные намерения царя остальным эллинам.

Согласно Плутарху, когда Митридат ухаживал за Монимой, он послал ей в подарок 15 000 золотых. Красавица отказалась. Царь спросил, чего же она хочет. Монима ответствовала, что желает стать не просто наложницей, а законной женой и царицей. Подписали брачный контракт, и вскоре голову Мони-мы украсила диадема базилисы.

Резня в Малой Азии

Между тем в Италии завершилась Союзническая война. Римляне разбили италиков, хотя и вынуждены были предоставить им права граждан в виде уступки. Сразу после окончания Союзнической войны вспыхнула война гражданская. Лидер римских «аристократов» Луций Корнелий Сулла сражался с вождем «демократов» Гаем Марием. Термины «аристократия» и «демократия» в данном случае крайне условны. Оба вождя противоборствующих партий опирались на богатых и знатных римлян. Оба были одинаково неразборчивы в средствах и отличались холодной жестокостью. Победил Сулла. Его выбрали консулом, и в этом качестве он получил командование армией в войне против Митридата.

По утверждению Аппиана, Союзническая война и гражданская смута так истощили казну, что на войну против Митридата не было денег. Пришлось достать из храма золото и драгоценности, которые древний римский царь Нума Помпилий предназначил в жертву богам. Наверняка Митридат был осведомлен об этих затруднениях. Это добавляло ему веры в свой успех.

Пока Сулла готовил армию, Эвпатор снарядил флот для нападения на Родос. Но перед морским походом понтийский царь решил устроить резню римлян, живших в Азии. Это были в основном откупщики, ростовщики, торговцы рабами и прочие паразиты, которых эллины ненавидели. К тому же за их счет можно было хорошо поживиться.

Митридат подошел к истреблению римлян как всегда обстоятельно. Он приказал убивать всех: мужчин, женщин, детей и даже вольноотпущенников. Тем, кто будет скрывать римлян от расправы или хотя бы хоронить их трупы, были

заранее назначены наказания, а тем, кто будет доносить на укрывающихся или убивать их, — награды. Рабам за донос на господ была обещана свобода. Должникам, убившим римлян-кредиторов, прощалась половина долга.

Все это лишний раз доказывает, что Митридат смотрел на войну с Римом как на конфликт цивилизаций. Хотя термин «эллинизм» был изобретен немецким историком Иоганном Дройзенем две тысячи лет спустя после описанных событий, Митридат Эвпатор ощущал себя именно вождем «эллинистов». Противостояние «свой» — «чужой» виделось им очень четко. Войну с ненавистным врагом вели насмерть.

Плутарх пишет, что перебили 150 000 человек. Это преувеличение. В азиатских городах не было столько римлян. Но все равно бойня получилась внушительная. По другим сведениям, убитых было 80 000.

Аппиан в красках рисует картины несчастий. Жителей Эфеса, бежавших в храм Артемиды, убивали, отрывая от статуи богини. Жителей Пергама, укывшихся в храме Асклепия, расстреляли из луков. Граждане Адрамиттия преследовали ненавистных римлян на суше и на море. Они вышли на лодках в погоню за врагом, убивали всех, кто спасался вплавь, и топили в море маленьких детей. Жители Кавна ворвались в храм Гестии, где спасались римляне, схватили детей и убили их первыми на глазах матерей. Затем уничтожили женщин и увенчали кровавое побоище истреблением мужчин. Граждане азийского города Траллы решили сами не марать руки. Они наняли для убийства пафлагона Феофила, «человека дикого», как характеризует его Аппиан. Феофил действовал методично: «Собрав всех римлян вместе в храм Согласия, стал их там убивать и у некоторых, обнимавших статуи богов, отрубал руки».

Аппиан любит подобные репортерские описания кровавых расправ. Их немало в его сочинении об эпохе гражданских войн в Риме. Наверно, это нравилось читателям тогда, как нравится и теперь. Что-то, безусловно, вымышлено, но большая часть свидетельств правдива. Это дает хорошее представление о размахе происходившего. Эвпатор сделал то, чего с нетерпением ждали все: дал команду для истребления римлян. Тот же Аппиан подчеркивает: «...Было ясно,

что Азия не вследствие страха перед Митридатом, но скорее вследствие ненависти к римлянам совершила против них такие ужасные поступки».

Родос

Отправившись к Родосу, Эвпатор сначала без боя захватил остров Кос. Местные жители встретили его с радостью. Здесь он обнаружил малолетнего сына египетского фараона Птолемея IX. Видимо, это был незаконный ребенок, учитывая, что свою законную сестру-жену фараон убил почти сразу после свадьбы. Митридат назначил египетскому царевичу хорошее содержание, а большую часть египетских сокровищ, оставленных на Косе, конфисковал и отправил в Понт. Деньги остро требовались для войны. Затем настала очередь Родоса, который хранил верность Риму.

На острове полным ходом шла подготовка к отражению Митридата. Здесь собрались все италийцы, которым посчастливилось избежать резни. Островитяне укрепляли гавань, подновляли стены, строили военные машины и расставляли в нужных местах. Защитникам помогали жители прибрежных районов на противоположном малоазийском берегу. Оборону острова, который считался неприступным, возглавил проконсул Луций Кассий.

Митридат плыл к Родосу на пентере — быстроходном корабле с пятью рядами весел. В его эскадре были союзники из многих греческих государств, включая Хиос. Этот остров был давним торговым соперником Родоса, и теперь хиосцы с радостью перешли на сторону Митридата и предоставили ему корабли.

Родосцы первым делом сожгли свои предместья, чтобы они не достались понтийцам, и лишь потом вышли в море для морского сражения.

Митридат приказал растянуть фронт, намереваясь окружить врага. Его быстроходные корабли быстро выполнили задачу. Родосцы стали опасаться, как бы их не отрезали от гавани, и стали отступать, а затем вовсе бросились в бегство

и укрылись в городе-крепости. Затем гавань перегородили цепями и приготовились сражаться на крепостных стенах.

Эвпатор высадился на острове, стал лагерем и небольшими силами пехоты, бывшими в его распоряжении, атаковал с суши. Однако защитники города отразили нападение. Митридату пришлось начать осаду и ждать подкреплений. То и дело происходили стычки на стенах. Родосцы понемногу осмелели. Они держали корабли наготове, чтобы навредить Митридату, если представится случай.

Случай представился быстро. Однажды мимо гавани проплывало грузовое судно понтийцев. Осажденные выпустили против него бирему. На помощь судну помчались боевые корабли понтийцев. Тогда родосцы тоже вывели флот. Завязалось морское сражение. Митридат, казалось, теснил врага, однако родосцы вполне могли быть довольны исходом боя: они пробили таранами и потопили несколько кораблей понтийцев. Одну триеру они даже захватили и привели в гавань.

Эвпатор тоже претерпел неприятности в этом бою, причем от своих. В сутолоке на флагманский корабль, где он находился, нечаянно навалилось союзное хиосское судно и повредило борт. Флагман дал течь. Позже царь наказал рулевого и помощника штурмана, а к морским способностям хиосцев проникся презрением.

На этом события не закончились: шесть родосских кораблей под началом наварха (адмирала) Дамагора снова вышли из гавани. Митридат послал против них эскадру в 25 судов (вероятно, более мелких, чем родосские). До наступления темноты Дамагор уходил мористее. Когда же пали сумерки, он резко повернул на врага, совершил нападение и потопил два царских судна...

Наконец корабли доставили к Митридату из Кавна пешее войско с запасами продовольствия, осадными машинами и снаряжением. Сильный ветер занес их прямо к родосскому порту. Родосцы тотчас вышли из гавани и несколько судов сожгли и потопили. Всего погибло около 300 понтийцев, так что урон не был катастрофическим, но моральная победа оказалась на стороне защитников острова.

Митридат стал готовиться к штурму города с суши и моря. Явно подражая древнему царю Деметрию Полиоркету, кото-

рый когда-то вел эпическую осаду Родоса, понтийский базилевс построил самбуку — огромную башню с катапультами, баллистами и гастралетами; везли самбуку на двух кораблях.

Перебежчики указали на место, где городская стена была ниже, — на холме, у храма Зевса. Ночью царь велел раздать части войска штурмовые лестницы, а другую часть посадил на корабли. Под страхом смерти солдатам приказано было действовать в полном молчании до тех пор, пока на холме не загорится огонь, что будет сигналом к началу штурма.

Однако, несмотря на меры предосторожности, сторожевые посты родосцев заметили идущих на штурм. Чтобы оповестить город о нападении, дозоры зажгли огонь. Солдаты Эвпатора сочли, что это и есть обещанный сигнал с холма. Все закричали — и те, что несли штурмовые лестницы, и те, что подплывали к гавани на кораблях. Со стен им ответил громовой рев родосцев. Горожане были готовы к отражению штурма. Последовал беспорядочный бой в сумерках. На рассвете не достигшие своей цели понтийцы вернулись в лагерь.

Теперь особые надежды Митридат стал возлагать на самбуку, которую подвели к стене возле храма Исиды. Самбука обрушила на родосцев тучу стрел, дротиков, камней. Вокруг нее суетилось множество мелких судов, переполненных до отказа солдатами, готовыми к штурму. Однако и здесь понтийцев ждала неудача: самбука рухнула — вероятно, ее разрушили метательные орудия осажденных, хотя официальная легенда гласит, что из храма Исиды вырвался огонь и сжег вражескую машину. Рациональный Аппиан этому сообщению не верит, но тем не менее его приводит.

После этого Митридат снял осаду Родоса и перенес действия на континент, решив захватить последние из оставшихся в руках римлян города в своем тылу. Первым делом он явился к городу Патары в Ликии и, чтобы построить осадные машины, приказал вырубить росшую по соседству священную рощу Латоны. После этого ему приснился страшный сон, смысл которого был в том, что не следует осаждать город. Греки воспринимали такие вещи очень серьезно. Поэтому царь прекратил осаду и даже бросил на месте материал для осадных машин.

Вторжение в Грецию

Война продолжалась. Знакомый нам дипломат Пелопид переквалифицировался в военного и по приказу царя остался добивать ликийцев. Архелай с небольшим войском переправился в Грецию. Ему поручалось склонить эту страну к дружбе с Митридатом или покорить силой. Главное — выбить оттуда римлян. Сам Эвпатор занялся набором и обучением новых войск. В это же время был раскрыт устроенный против него заговор — римская агентура не сидела сложа руки.

Архелай направился к Делосу и после сражения захватил остров. Перебив здесь 20 000 римлян (цифру дает Аппиан), он передал Делос Афинам. Колыбель античной демократии уже давно превратилась в маленькое зависимое от Рима государство. Вторжение понтийцев дало шанс Афинам возвыситься и — как знать! — вновь обрести господство над значительной частью Греции. Митридат не возражал. Очевидно, этому предшествовали тайные переговоры между царем и афинским ареопагом — советом старейшин. Так что Делос был подарен Афинам не просто так.

На Делосе еще со времен афинских морских союзов хранились священные деньги. Архелай отправил их опять же в Афины. Сопроводжать драгоценный груз доверено было афинянину Аристиону — человеку удивительной судьбы: философ-эпикурец, он был продан в рабство, освобожден, преподавал эпикурейскую философию, затем втерся в доверие к Митридату. Аристион ловко воспользовался ситуацией. Явившись с деньгами, он подкупил афинских политиков и захватил власть, провозгласив себя тираном города (88 год до н. э.). Сторонников римлян он частью перебил, частью отправил в Понт к Митридату. Так Афины превратились в сателлита Понтийского царства. Правда, афинский порт Пирей оказал сопротивление, и туда сбежались римляне и афинская оппозиция. Но это были мелочи. Цель была достигнута — Афины выступили против римлян.

После этого в Греции вспыхнуло большое антиримское восстание. К Архелаю присоединились несколько греческих областей — в том числе Ахайя и Беотия (исключение составил

крохотный городок Феспий, который понтийцы немедленно осадили). Одновременно Митридат послал другое войско под началом стратега Метрофана для захвата Средней Греции и островов. Метрофан опустошил Эвбею, разграбил Деметрияду и Магнесию в Фессалии. Кроме того, был захвачен город Скиаф, куда понтийцы свезли свою добычу. По сути, это был крупный пиратский набег.

Тем не менее успехи полководцев Митридата были так велики, что их попросили о помощи недобитые в Союзнической войне италийцы. Они предложили Митридату высадиться на Апеннинском полуострове. Но Эвпатор трезво оценил свои силы. Точнее, их отсутствие. К тому же сами италийцы уже почти прекратили сопротивляться римлянам. Взвесив все это, Митридат решил не ввязываться в опасную авантюру.

И правильно сделал: вскоре выяснилось, что римляне вовсе не утратили способности драться. Против полководцев Митридата выступил римский патриций Бруттий Сура — помощник наместника Македонии Гая Сентия. У берегов Фессалии произошла морская стычка. Римляне потопили большой корабль и малое быстроходное судно понтийцев, перед этим на глазах Метрофана взяв их на абордаж и перебив команду. Сам Метрофан тоже едва не попал в руки врага, но благодаря попутному ветру ему удалось бежать и скрыться от преследования.

Затем Бруттий взял Скиаф и забрал сложенную там добычу. Захваченных в городе рабов он казнил, а свободным отрубил руки, чтобы им неповадно было впредь помогать понтийцам. Дождавшись в Скиафе подкреплений — Гай Сентий прислал ему, по свидетельству Аппиана, из Македонии тысячу человек «конных и пеших», — Бруттий пошел в Беотию и у Херонее встретился с Архелаем и Аристионом. Сражение между римлянами, с одной стороны, и греками и понтийцами, с другой, длилось три дня, пишет Аппиан. Но ни одной из сторон не удалось одержать верх.

Плутарх дает другие сведения об исходе битвы при Херонее. По его словам, понтийцев оттеснили от города. «Оказав упорное сопротивление Архелаю, который подобно бурному потоку несся по Беотии, и выдержав при Херонее три битвы, Бруттий задержал его и вновь оттеснил к морю». Впрочем,

храброму римлянину (Плутарх называет его человеком замечательной отваги и ума) в итоге пришлось отступить. Но во все не из-за того, что Архелай вернулся. Бруттий ушел, чтобы освободить путь другому полководцу — великому и победоносному Сулле.

Даже неспециалисту понятно, что в этом случае мы имеем дело с изложением римской версии событий — римляне крайне неохотно говорили о своих поражениях и часто приписывали себе немислимые победы. Так и на этот раз. Посему более правдивым следует признать рассказ Аппиана.

После битвы при Херонее на помощь Архелаю пришли отряды из Лаконики и Ахайи. Скорее всего, именно это и заставило Бруттия, который не хотел вступать в новую битву с превосходящими силами врага, ретироваться из Беотии.

Почему же наместник Македонии Гай Сентий не выслал новые подкрепления? Он вел в это время тяжелую войну с фракийцами. Те большими силами напали на Македонию и Эпир, и Сентий оказался зажат между Архелаем и фракийскими племенами. Кажется, в этой войне участвовал будущий предводитель восстания рабов — юный тогда Спартак из фракийского племени медов.

Воспользовавшись трудным положением Сентия, сын Митридата Ариарат VIII, царь Каппадокии, переправился на Балканы, вторгся в Македонию с востока и без труда захватил значительную часть страны, в том числе крупные полисы Филиппы и Абдеры.

Римскому наместнику Сентию кое-как удалось отразить нападение союзников Митридата — фракийцев — с севера и остановить Ариарата на востоке. Но на юге, в Греции, дела складывались хуже. Бруттий двинулся к Пирею в надежде там отсидеться, но Архелай опередил его и захватил Пирей с находящимися в порту кораблями. Бруттий вынужден был отступить и уйти в Македонию.

С другой стороны, можно рассматривать происходившее и так, что Бруттий сознательно выигрывал время. Пока Архелай со своей небольшой армией маневрировал в Аттике и Беотии, на Балканы переправился из Италии Луций Корнелий Сулла с пятью легионами (весна 87 года до н. э.). В его распоряжении имелось 30 000 солдат. Численность войск Архе-

лая не известна. Однако солдат у него было явно меньше, чем у Суллы. К тому же Архелай понес потери в столкновениях с Бруттием. Свежая армия римлян находилась в очень выгодном положении. Сулле предстояло завоевать почет и славу в этой войне.

Пирей и Афины

Сначала Сулла с войском явился в Эпир, затем — в Фессалию. Этолийцы и фессалийцы оказали ему помощь людьми, деньгами и продовольствием. Те и другие сформировали отряды всадников. У самих римлян дело с кавалерией обстояло плохо.

Когда Сулла решил, что людей собрано достаточно, он двинул легионы в Беотию. Беотийцы тотчас переметнулись на его сторону, и лишь несколько городов остались на стороне Митридата. В их числе были свободолюбивые Фивы.

Архелай попытался задержать авангарды Суллы, но в битве у Тильфосской горы потерпел поражение и ушел в Аттику. После этого Фивы сдались римлянам и попытались откупиться людьми, деньгами и продовольствием. Греки были уже не те, что прежде. Ни о каком организованном сопротивлении Риму они не думали.

Сулла сформировал из греков вспомогательные отряды и быстро проследовал в Аттику. О том, чтобы сражаться с ним в открытом поле, не было больше речи. Тиран Аристион заперся в Афинах, Архелай засел в Пирее. Оба надеялись на помощь Митридата.

Сулла предусмотрительно разделил силы (благо их было достаточно), чтобы атаковать противника сразу во многих местах. Один его отряд под началом Луция Гортензия занял Фессалию и вошел в Македонию. Другой под командой Мунация расположился у эвбейского города Халкиды, чтобы воспрепятствовать атакам понтийцев с моря. Сам Сулла, оставив отряд около Афин, вплотную занялся Пиреем — ему нужен был порт, чтобы обеспечить армию продовольствием.

Стены города, сделанные из больших четырехугольных камней, которые трудно пробить и разрушить, возвышались

до сорока локтей. Построил их еще Перикл во времена могущества Афинского морского союза.

Сулла торопился, потому что из Италии то и дело приходили донесения о происках врагов. Он не исключал того, что ему придется покинуть театр военных действий, и решил захватить оба города без длительной подготовки. Однако его ждала неудача. Понтийцы и каппадокийцы, составлявшие гарнизоны Афин и Пирея, сражались отчаянно и умело.

Несколько раз Сулла бросал легионеров на приступ, добивался частных успехов, но блицкриг ему не удался. Наконец, утомленный сражениями, он приказал сооружать осадные орудия и отвел значительную часть войск в Элевсин и Мегары. Кроме того, посоветовавшись с инженерами, он решил подвести к стенам Пирея земляную насыпь.

Плутарх пишет, что только на работах по сооружению осадных машин ежедневно были заняты 10 000 пар мулов. Леса для них не хватало — каменистая почва Афин рождала слишком мало деревьев. И Сулла приказал вырубить священные рощи Академии и Лицея. Этот человек повиновался только рассудку и был совершенно равнодушен к греческим культурным ценностям. Для победы все средства были хороши. Сулла приказал разрушить Длинные стены — фортификационные сооружения, с V века до н. э. соединявшие Афины и Пирей, — а камни употребил для строительства насыпи против Пирея. Рабочих, оборудование, железо и катапульты он получал в основном из Фив.

Нуждаясь в средствах, Сулла послал за деньгами в Эпидавр, в святилище бога Асклепия, и в Олимпию. Дельфийским амфиктионам (городам — членам священного религиозного союза) он написал, что сокровища Аполлона лучше бы перевезти к нему. Так они, мол, будут целее. Даже если он и воспользуется деньгами для нужд армии, то позже возместит взятое в прежних размерах. Затем он отправил в Дельфы своего друга грека-фокейца Кофиса, чтобы тот принял по весу каждую ценную вещь. Кафис решил спасти сокровища и написал Сулле из Дельф, что, мол, находящаяся в храме кифара, посвященная Аполлону, зазвучала сама собой. Вероятно, бог гневается на самоуправство Суллы. Луций Корнелий насмешливо написал в ответ: неужели Кафис не понима-

ет, что своим пением Аполлон выражает веселье, а не гнев? Пусть поскорее везет сокровища — бог таким образом выражает удовлетворение, что они попадут в надежные руки. И великое святотатство свершилось. Чтобы понять чувства греков, можно вообразить, что захватчики разграбили, например, собор Св. Петра в Риме или храм Василия Блаженного в Москве.

Все, однако, понимали, что при малейшем сопротивлении Сулла заберет ценности силой, причем в гораздо большем объеме. Сулла же сохранял лицо, ведь храмы, если подойти к делу формально, расставались с золотом добровольно. С помощью этого цивилизованного грабежа он обеспечил армию всем необходимым.

В греческом стане наблюдался разброд. В осажденном Пирее нашлись, например, два раба, которые сообщали римлянам обо всех действиях осажденных. Для этого они избрали остроумный способ: прикрепляли послания к свинцовым шарам, которые метали пращами. Эти рабы сообщили, что понтийская пехота собирается напасть на строителей насыпи и одновременно конница ударит римлянам во фланги.

Сулла спрятал в засаде большой отряд и напал на неприятеля, совершившего вылазку, когда тот меньше всего этого ждал.

Насыпь быстро поднималась кверху. Архелай отправил гонцов за подмогой на острова Эгейского архипелага. Он вооружил даже корабельных гребцов и выставил их на стены, из чего видно, что людей у него было совсем мало. Хотя источники, написанные по донесениям римлян, на которые обычно опираются историки, говорят, разумеется, обратное.

В одну из ночей понтийцы сделали очередную вылазку и сожгли одну из двух римских «черепаш», предназначенных для штурма стен. Погибли все осадные орудия, расположенные внутри нее. Но дней через десять Сулла соорудил другую «черепашу».

Вскоре после этого к Архелая пришла помощь. Прибывшими морем подкреплениями командовал стратег Дромихет, судя по имени — фракиец. Он высадился в Пирее и поступил под начало Архелая.

Архелай решил, что теперь он вправе взять инициативу в свои руки. По его приказу понтийская пехота ринулась на

врага из ворот. Среди траншей и осадных орудий закипело сражение. За солдатами Архелая шли факельщики, готовые жечь римские катапульты и другие осадные машины.

Долгое время исход сражения был неясен. Отступали то одни, то другие. В какой-то момент римляне не выдержали и стали отходить, но легат Суллы — Луций Лициний Мурена — бросился в бой, заставил легионеров повернуть назад и возглавил контратаку. Все это было подробно описано в мемуарах Суллы. Но, к сожалению, текст их до нас не дошел, остались лишь ссылки у античных авторов.

В этот момент к полю битвы прибыл спешно вызванный еще один римский легион, который был занят вырубкой лесов Академии. Легионеры-дровосеки с ходу ринулись в бой. С ними пошли в атаку штрафники. Солдаты Архелая были опрокинуты; по римским источникам, понтийцы потеряли около 2000 человек.

Сам Архелай не сдавался до последнего. Он сражался в гуще врагов, ободрял своих, но в конце концов остался почти один и был отрезан от ворот. Ему бросили со стены веревку. Храбрый стратег вскарабкался по ней и ушел буквально из-под носа врага.

После этого сражения Сулла восстановил в правах всех штрафников как искупивших вину кровью, а прочих легионеров наградил деньгами.

Наступила зима. Подходил к концу 87 год до н. э. Афины и Пирей не сдавались.

Сулла отвел своих солдат в Элевсин. Там ему в голову пришла новая идея. Он решил отгородиться от Пирея рвом, чтобы вражеская конница не могла нападать на его лагерь.

Архелай, воспользовавшись передышкой, принялся восполнять потери. По морю ему доставлялось все необходимое: люди, оружие, припасы. Правда, афиняне, не имевшие выхода к морю в отличие от тех, кто засел в Пирее, испытывали серьезные лишения. В городе иссякали запасы зерна, многие голодали.

Сулла понимал, что ключ к успеху — господство на море. Флота он не имел. Поэтому отправил гонцов на Родос с просьбой прислать корабли. Но на острове не было кораблей в нужном количестве. Тогда Сулла отправил с диплома-

тической миссией в Египет и Сирию бывшего при нем римского аристократа Луция Лициния Лукулла, который должен был выпросить боевые корабли у местных царей. Но и миссия Лукулла особого успеха не принесла. Сулла так и не получил флота. Пришлось рассчитывать исключительно на сухопутные войска.

Пока Сулла искал возможность обрести флот, Архелай сделал попытку доставить афинянам обоз с продовольствием. Предприятие готовилось втайне. Однако в ход событий опять вмешались двое уже упоминавшихся рабов, которые продолжали извещать Суллу о планах Архелая. Римляне устроили засаду и захватили обоз.

Одна неудача потянула за собой другую. Митридат послал на выручку Архелая отряд наемников под командой прославленного Неоптолема — героя боспорских войн. Но его настиг у Халкиды легат Суллы Мунаций и наголову разбил. Погибло до полутора тысяч понтийцев. Еще больше попало в плен. Это случилось в тот же день, когда люди Суллы подкараулили обоз с хлебом, идущий в Афины.

Несколько дней спустя Сулла предпринял ночной штурм Пирея. Отряд солдат неслышно подобрался к стене, приставил лестницу и взобрался наверх. Первый солдат, оседлавший стену, получал, по римскому обычаю тех лет, от полководца так называемый крепостной венок из чистого золота. Один подвиг — и жизнь удалась. Если тебя не зарежут на крепостной стене...

Римлянам удалось перебить ближайшую стражу. Часть понтийцев впала в панику и бежала со стен. Завязалась беспорядочная ночная резня. Но понтийцы все-таки сумели справиться с силами и бешеным натиском сбросили римлян со стены. Римский офицер, командовавший операцией, был заколот насмерть, так и не получив крепостного венка.

Архелай решил развить успех и вывел солдат за ворота. Понтийцы добрались до римской «черепахи» и едва не сожгли ее. Над машинами уже занималось пламя, когда явился Сулла с главными силами римлян. Упорное сражение продолжалось всю ночь. Но в конце концов Сулла отстоял «черепаху».

Архелай вернул воинов в город, но привел в действие башню, которую соорудил против римских машин. Расположен-

ные на башне катапульты и баллисты принялись обстреливать римлян. Те не оставались в долгу. Сулла ввел в действие супермощные катапульты, которые выпускали сразу по двадцать свинцовых ядер. С их помощью удалось перебить много народу и лишить устойчивости башню Архелая. Понтийский стратег приказал оттащить ее от стен внутрь города для починки.

Тем временем голод в Афинах сделался нестерпимым. Плутарх рисует душераздирающие картины. Медимн пшеницы (52 с половиной литра) стоил тысячу драхм. Люди оборвали цветы ромашки, росшие вокруг Акрополя. Из них варили супы. Также для этой цели использовались кожаные сандалии и лекифы — мешочки для масла. Все это не мешало тирану Аристиону, по словам Плутарха, проводить дни и ночи в попойках, пирушках и плясках. Впрочем, кое-что тиран делал правильно. Дабы удержать город, он задабривал наемников и подымал боевой дух у тех, кто мог и хотел сражаться. Остальные граждане бывшего преподавателя философии интересовали мало. Верховной жрице, которая попросила немного пшеницы, он прислал перцу. А членов городского совета и жрецов, умолявших сдать город и заключить соглашение с Суллой, приказал разогнать лучникам.

Вдруг Сулла получил новую весточку от предателей из Пирея. Те извещали, что ночью Архелай повторит попытку переправить в Афины конвой с продовольствием.

Однако все было не так просто. Архелай уже давно подозревал, что кто-то в городе извещает римлян о его планах, и принял меры. Хлеб в Афины он отправил, но поставил у ворот отряд солдат с факелами, чтобы напасть на римские осадные машины и сжечь их.

Предприятие удалось обоим. Сулла захватил обоз. Архелай — сделал вылазку и сжег часть орудий и башен. Римлянам пришлось начинать сначала.

Митридат делал все что мог, чтобы поддержать Архелая. Поняв, однако, что посылки в Пирей солдат и припасов для победы недостаточно, базилевс решил действовать с другой стороны. Он послал подкрепления своему сыну Ариарату VIII, который командовал македонской армией. Тот снова напал на Македонию, разбил в сражении римского наместника Гая

Сентия и захватил страну. «Поручив ее сатрапам», как пишет Аппиан, Ариарат VIII двинулся маршем на юг, чтобы сразиться с Суллой и освободить осажденные им города. Но по дороге внезапно заболел и умер. Есть версия, что Ариарат был отравлен собственным отцом. Это совершенно невероятная гипотеза. Если принять ее, следует заметить, что Митридат выбрал самый неудобный момент для расправы. Если он подозревал сына в намерениях захватить трон, то почему убил его до, а не после сражения с Суллой?

Еще более странно поведение понтийского войска. После смерти Ариарата VIII оно повернуло назад. Поход против Суллы не состоялся. Почему? Мы не знаем, какие именно обстоятельства остановили понтийцев. Может быть, они не ладили с варварами... Например, с иллирийцами или фракийцами, угрожавшими с севера? Но так или иначе, момент для удара по римлянам был упущен.

Сулла же продолжал осаду городов. Вокруг Афин он выстроил множество маленьких укреплений — редутов, окопов, брустверов — и тем самым блокировал город со всех сторон.

В Пирее римский полководец закончил возведение насыпи и стал двигать по ней машины. Дело шло медленно. Архелай воспользовался этим. Он посылал людей подкапывать насыпь. Та начала оседать. Но римские инженеры вовремя заметили неладное. Насыпь была восстановлена. Заодно были обнаружены подземные ходы, по которым люди Архелая выходили из города. Этими ходами воспользовались сами римляне, решившие сделать подкоп под стену Пирея, но в подземелье столкнулись с понтийцами. В кромешной тьме завязалась рукопашная, в которой кромсали своих и чужих.

Пока шла схватка под землей, римляне подвели к стене по насыпи тараны и принялись бить по ней, одновременно начав обстрел из катапульт. Часть стены в конце концов рухнула, и за ней обнаружилась деревянная передвижная башня с понтийскими катапультами внутри. Сулла приказал обстрелять ее зажигательными снарядами и послал солдат с лестницами на штурм.

Вокруг башни закипел бой. Со стороны римлян сражались лучшие легионеры. Им удалось поджечь башню и отбросить понтийцев.

Сулла атаковал без передышки, бросал в сражение когорту за когортой. Римляне нападали с двух сторон: часть солдат бросилась в пролом, а другая карабкалась на стены по лестницам, которые римляне заготовили в избытке из древесины, добытой в священных рощах.

Сулла лично возглавил атаку. Он то приободрял солдат, то грозил им — и кричал, что в этот час решается судьба всей осады, надо лишь поднажать. Это была чистая правда.

Но и Архелай сражался мужественно, стремясь отбросить римлян за стены. Понтийцы снова и снова бросались в контратаки.

С той и другой стороны воины проявили чудеса храбрости. Римляне не продвигались ни на шаг и несли чудовищные потери. Опасаясь потерять свою армию, Сулла приказал трубить отбой. Потрепанные когорты отошли назад. Страшный штурм был отбит.

Понтийцы той же ночью принялись восстанавливать упавшую часть стены. Изнутри были возведены новые укрепления в виде полумесяца. Узнав об этом, Сулла немедленно атаковал свежие стены — он надеялся их разрушить, пока кладка еще сырая. Но это решение стало ошибочным: легионеры оказались зажаты в узком месте. Понтийцы обстреливали их со всех сторон, благо полукружие стены предоставляло для этого прекрасную возможность.

Римляне опять отступили. После этого штурма Сулла отказался от мысли взять Пирей и сосредоточился на блокаде Афин, где дела были совсем плохи. Там уже были отмечены случаи людоедства. Сулла приказал в дополнение к мелким укреплениям обвести город рвом, чтобы ни одна живая душа не могла выйти из взятого в кольцо города.

В этот момент, по словам Плутарха, афиняне наконец уговорили тирана Аристиона пойти на переговоры. Зная этого философа-эпикурейца, можно предположить, что он хотел просто выиграть время.

К Сулле пожаловали трое послов тирана, которых Плутарх пренебрежительно называет его «собутыльниками». Они повели речи, вспоминая о подвигах Тесея, греко-персидских войнах и славном прошлом Афин. Холодный политик, Сулла остался равнодушен к этим излияниям. Он лишь сказал по-

слам, что послан в Афины не учиться, а усмирять изменников. После этого «собутыльники» были отправлены восвояси.

Вскоре Сулле донесли, что афиняне недостаточно хорошо охраняют подступы к стене у квартала Гептахалка. Он живо заинтересовался этим донесением и ночью посетил это место. Об этом он сам писал в «Воспоминаниях», коими воспользовался Плутарх.

Был предпринят внезапный штурм. Первым на стену взобрался легионер Марк Атей. Ему преградил путь греческий воин. Атей обрушил на его шлем такой удар, что сломался меч. Однако легионер нашел какое-то оружие и остался драться до тех пор, пока не подоспели товарищи. Римляне ворвались в город и хлынули в кварталы, подавляя всякое сопротивление. Сам Сулла вступил в Афины в полночь. Под рев букцин и труб он шествовал по улицам. Его сопровождали радостные крики солдат, которым было позволено грабить и убивать всех без разбора. Опьяненные кровью и насилием, легионеры носились с обнаженными мечами по городу.

Афины впервые терпели такой разгром. На жалость Суллы рассчитывать не приходилось. В ходе гражданской войны он даже Рим брал штурмом, хотя это считалось в римском народе едва ли не святотатством. Что уж говорить о каких-то Афинах?

Убитых не считали. Впечатлительные греки утверждали, что кровь выплеснулась за стены и хлынула в пригороды. Даже почти через двести лет, во времена Плутарха, население города не восстановило численности и во многих местах сохранялись следы штурма.

Лишь когда в ноги Сулле бросились с мольбой о пощаде все архонты, пресытившийся кровью римский полководец произнес несколько слов в похвалу древним афинянам и сказал, что помилует живых ради мертвых. Так 1 марта 86 года до н. э. пали Афины.

Впрочем, один очаг сопротивления в городе еще оставался. Неукротимый Аристион удалился с дружиной в Акрополь, и римлянам ничего не оставалось, как начать новую осаду. Перед тем как запереться в Акрополе, тиран сжег деревянный театр Диониса — Одеон. Это был предусмотритель-

ный шаг. Суллу лишали строительных материалов для осадных дел.

Римский полководец, однако, предпочел предоставить решение вопроса времени. Аристион стойко держался, но началась жара, и осажденные вынуждены были сдаться, поскольку воды в Акрополе не хватало. Плутарх утверждает, что в тот же день, точно в насмешку, набежали облака и хлынул ливень. Это довольно распространенная легенда о разного рода осадах. Но так или иначе, руины Афин и нетронутый Акрополь оказались в руках римлян. Оставалось взять Пирей.

Аристиона Сулла казнил вместе со всей его свитой. Также выпустили кишки всем, кто занимал какую-либо официальную должность во время тирании. Остальных полководец великодушно пощадил. Судя по рассказам о гекатомбах трупов, под амнистию попали немногие.

Взятие Акрополя принесло немалые барыши. Оттуда вывезли 40 фунтов золота и около 600 фунтов серебра.

Сулла бросил все силы на штурм Пирея. До полководца дошли слухи, что Митридат готовит на выручку осажденным новую армию. В дело шло все: стенобитные орудия, «черепахи» и катапульты. Под прикрытием «черепах» легионеры стали рыть подкопы под стены. Другие обстреливали защитников, мешая им высунуться. То и дело кто-то из понтийцев падал вниз, пораженный стрелой или пулей (мы, разумеется, говорим о свинцовых пулях, выпущенных из пращей). Наконец римлянам удалось подкоп под полукружье новой стены, и стена рухнула. Однако Архелай предвидел возможность этого и выстроил в этом месте дополнительные укрепления.

Но Суллу уже было не остановить. Он проводил на укреплениях день и ночь. То и дело обращаясь к солдатам, римский полководец говорил, что им осталось сделать одно последнее усилие — а впереди ждет добыча. Сами солдаты тоже стремились вперед, презирая смерть и усталость. Ими овладел какой-то немыслимый порыв. И дело не только в добыче. Их влекла жажда славы и ненависть к врагам.

Архелай был потрясен этим напором. Когда римляне в очередной раз прорвали его оборону, он, чтобы не потерять все, решил спасти хотя бы часть и отступил в хорошо укреплен-

ный припортовый район Пирея. Сулла по-прежнему не имел флота и не мог взять врага в клещи.

Архелай удерживал порт, надеясь, что Сулла сам оставит Аттику из-за недостатка продовольствия. Говоря о том, что было дальше, источники немного противоречат друг другу, но эти противоречия незначительны. Более логично описание Аппиана. Ему мы и будем следовать.

Архелай узнал, что ему на помощь движется из Македонии крупная понтийская армия под командованием стратега Таксила. Нервы у Архелая не выдержали: он погрузил войско на корабли и высадился в Фессалии. Хотя заметим, что, возможно, дело вовсе не в слабых нервах понтийского полководца. Не исключено, что, как предполагает Моммзен, он просто исполнял приказ, полученный от Митридата.

В Фессалии Архелай собрал мелкие гарнизоны, остатки разбитых римлянами понтийских войск и отправился на соединение с Таксилем. При встрече Таксил признал его верховенство, а сам, опустившись на ступеньку ниже, стал командовать скифскими подразделениями в армии. Возможно, он и сам был скифом.

Понтийцы закрепились в Фермопилах. Видимо, войско их было немногочисленно, потому что Архелай всеми силами убеждал Таксила, что ни в коем случае нельзя принимать открытого боя с римлянами, а следует маневрировать. Но наши источники (Плутарх и Аппиан) в один голос говорят, что варварская армия была «огромна». Она, мол, насчитывала 110–120 тысяч солдат.

Пока Архелай маневрировал, Сулла сжег Пирей. Этот город доставил ему больше хлопот и стоил бóльших жертв, чем Афины. Поэтому римлянин безжалостно расправился с ним. Он разрушил арсенал, верфи и вообще не пощадил ни одно из прославленных строений. Для эллинов этот город был частью их истории. Для Суллы — ненужным с военной точки зрения пунктом, который выгоднее уничтожить, чем удерживать. К тому же у Суллы не было солдат, чтобы оставить здесь гарнизон. Наконец, не было главного: флота.

После этого римский полководец двинулся в Беотию, где дал войскам короткий отдых.

Битва при Херонее

В понтийских частях, сражавшихся на Балканах, царил разброд. Там служили фракийцы, скифы, фригийцы, вифинцы, галаты, каппадокийцы, греки-наемники. Каждый национальный отряд имел собственного военачальника. Все вместе они подчинялись Архелаю, но делали это без охоты и не всегда. Так, Дромихет со своими фракийцами и Таксил со скифами без приказа оставили удобные позиции при Фермопилах и ушли на равнину Фокиды. Что легко объяснимо. Скифы — конные стрелки. Сражаться в ущелье им было несподручно.

Сулла пополнил войско греками-добровольцами. Тем не менее и после этого у него было всего 15 000 пехоты и 1 500 конницы. Остальные погибли во время осады Пирея, сидели в оставленных гарнизонах или же оказались рассредоточены в Греции. Например, в Фессалии действовал корпус Гортензия. Помимо римлян в него входили также греки и македонцы из числа тех, кто сохранил преданность римлянам. Гортензий пошел на соединение с Суллой.

Здесь Аппиан проговаривается. После ритуальных рассуждений о численном превосходстве понтийцев (напомню, некоторые авторы пишут даже о 250-тысячной армии Митридата) он пишет, что их армия больше чем втрое превосходила римлян. То есть насчитывала 46—48 тысяч солдат. Вот это похоже на правду! Учтем, что войска Архелая были раздроблены. Вероятно, у него осталось при Фермопилах 20 тысяч бойцов или чуть меньше.

Чтобы не оказаться один на один со всей римской армией, Архелай тоже отвел свои полки от Фермопил и неподалеку от Херонее соединился со скифами и фракийцами. Все это были исторические места, славные многочисленными сражениями. Пользуясь тем, что неприятель без боя сдал Фермопильский проход, Сулла также спустился на равнину, где соединился с подошедшим Гортензием.

В понтийской армии продолжался разлад. Таксил и Дромихет выступали за немедленное сражение. Они полагались на численный перевес. Архелай выступал решительно против. Его не слушали. Решено было драться.

Плутарх описывает красочную картину, которую увидели римляне. Сверкание оружия, богато украшенного золотом и серебром, «яркие краски скифских и индийских одеяний» — все это волновалось и двигалось, как причудливые морские волны.

Вид большой и разноцветной вражеской армии привел легионеров в замешательство. Варвары потешались над римлянами, а те впали в оцепенение. Легионеры устали: слишком много боев выпало на их долю за последние месяцы. А врагов было больше. Сулла с трудом подавлял бешенство. Он хотел вести легионеров в атаку, но не решался гнать их в бой силой.

Но именно это промедление, растянувшееся на несколько дней, и обернулось удачей для римского военачальника. Враги, которые и без того были не очень послушны вождям, перестали соблюдать боевой порядок. Разношерстное войско Архелая, Таксила и Дромихета рассыпалось, единое командование перестало существовать, каждый отряд стал действовать, как ему вздумается.

Плутарх вдруг сообщает, словно проговаривается, что к началу сражения с Архелаем осталась лишь небольшая часть понтийских воинов. Прочие разбрелись «на расстояние многих дней пути» от лагеря. Выходит, Архелай остался с несколькими полками против всей римской армии?

Скифы ушли грабить окрестные города, святилища и деревни. Фракийцы от них не отставали. Сулла же выжидал. Его легионы стояли на берегу реки Кефис. Он приказал отвести русло реки, чтобы укрепить лагерь. Солдаты исступленно работали два дня. Нерадивых Сулла наказывал. На третий солдаты сами попросились в бой. Сулла заметил, что слышит это не от желающих сражаться, а от не желающих работать. Впрочем, добавил он, если вы на самом деле хотите боя — идите туда!

Полководец указал на разрушенный город, раскинувшийся на скалистом холме. Это были развалины Парапотама — города, уничтоженного македонцами в давнюю эпоху царя Филиппа II (IV век до н. э.). Холм располагался у слияния рек Асс и Кефис. Здесь можно было держать оборону, не опасаясь обхода со стороны неприятеля. А Сулла, как видно, очень этого опасался — ведь значительную часть неприятельской армии составляли мастера конного маневра скифские всадники.

Архелай разгадал план римлян и направил к холму полк «медных щитов» — греческих гоплитов. Но легионеры оказались проворнее, заняли холм и оттеснили воинов Архелая. Тогда тот решил выманить римлян на равнину, где мог использовать преимущества конницы, и повел солдат к Херонее, которая приняла сторону римлян. Часть херонейцев даже служила в римском войске. Они умоляли Суллу не допустить разрушения их маленькой родины. Для защиты Херонеи Сулла послал легион под началом военного трибуна Авла Габиния.

Видя, что его вновь опередили, Архелай вернулся в район холма и возвел там полевые укрепления. Место, где он разбил шатры, позже долгие годы звалось Архелаем.

При этом, однако, посланный Архелаем отряд занял возле Херонеи скалистую возвышенность под названием Турий.

Аппиан сообщает, что понтийцы выбрали не самое удачное место для боя. За спиной у них были горы, которые затрудняли отступление и ограничивали позицию. Так что все войско сразу ввести в бой не представлялось возможным. Возможно, опытный вояка Сулла просто переиграл их своими маневрами. Наверняка об этом было подробно рассказано у Тита Ливия в соответствующих главах его труда, да и в мемуарах самого Суллы. Но до нас эти сочинения не дошли. Есть поверхностный рассказ Плутарха и отрывок из сочинения Аппиана. Но этих источников недостаточно, чтобы понять детали.

Видимо, Турий запирала выход в долину, где находился сам Архелай. Поэтому римлянам было крайне важно его захватить. Тут, как по заказу, к Сулле явились два местных жителя, Гомолих и Анаксидам, и сообщили, что знают тропинку, идя по которой можно оказаться на вершине Турия, над головой у ничего не подозревающих воинов Архелая, обрушить камни на головы понтийцев и согнать их на равнину.

Сулла дал им солдат и велел браться за дело, а сам выстроил легионы у подножия возвышенности.

Легионеров на Турий повел военный трибун Эриций. Он удачно выполнил задание. Появившись над головами врагов, римляне атаковали с яростным криком. Понтийские воины обратились в бегство. Они неслись вниз по склону, натываясь на собственные копья и сталкивая друг друга со скал. Римляне

поражали понтийцев в не защищенные доспехами спины. По словам Плутарха, legionерам удалось истребить 3000 врагов.

Увидев смятение неприятеля, Сулла атаковал неприятельский фланг, где стояли понтийские серпоносные колесницы. Их возникшие упустили момент для наступления и бездарно погибли.

Есть ощущение, что бой происходил на большой площади, но словно разбился на десятки небольших сражений.

Понтийцы, стоящие у Турия, ввели в бой фалангу. В ее состав входили рабы-греки, которым Митридат подарил свободу. Против римлян, своих поработителей, они сражались с предельным энтузиазмом и отражали все их атаки. Но Сулла приказал обстрелять фалангу зажженными стрелами и добился того, что она потеряла свою плотность. После этого legionерам удалось рассеять фалангитов.

Архелай все это видел, но прийти на помощь фаланге не мог. Дорогу ему преградили Гортензий и Гальба. Понтийский полководец лично атаковал их во главе своей конницы, причем часть войск отправил в обход, чтобы окружить римлян. Гортензий разгадал этот маневр и растянул фронт. Тогда Архелай и ударил в центр его позиции, надеясь разорвать ряды римлян. Под яростным натиском Гортензий стал отступать к холму. Понтийцы мало-помалу оттесняли его от основных сил римлян и угрожали взять в кольцо.

Узнав об этом, Сулла бросил правое крыло, где бой с понтийцами еще не начинался, и с частью войска поспешил на помощь Гортензию.

Архелай разгадал маневр римлян по поднявшейся пыли. Он оставил Гортензия в покое и атаковал правый фланг римлян. В авангарде понтийской армии шли тяжеловооруженные гоплиты.

Маневры понтийского полководца озадачили Суллу. Он не мог понять, где нужнее его когорты и куда нанести главный удар, тогда как от его решения зависели как судьба кампании, так и собственная жизнь. Проиграй Сулла битву — и конец всему.

Наконец Сулла решил, что следует вернуться на правый фланг, который продолжал держаться под ударами Архелая. Плутарх говорит, что его сопровождала одна когорта пехоты.

Аппиан дополняет: и вся римская конница. Римляне атаковали с ходу. Одновременно на понтийцев напали бывшие в засаде две римские когорты, и ситуация разом переменялась. В считанные минуты Архелай был разбит и бежал без оглядки.

Тайна победы, в сущности, заключалась в том, что понтийцев было меньше, чем римлян. К тому же они занимали крайне невыгодное положение на поле боя. Архелай, как мы видим, был способный стратег. Но Сулла переиграл его по всем статьям — и в тактике, и в стратегии, и в оперативном планировании. Его тактическому и оперативному искусству следует воздать должное.

Обратившись в бегство, понтийцы оказались притиснуты к отвесным скалам. Многие прибежали к лагерю, где уже находился Архелай. Он закрыл перед беглецами ворота и велел поворачивать против неприятеля. «Они охотно повернулись», — пишет Аппиан. Стало быть, храбрости этим солдатам было не занимать. Но для победы этого недостаточно. Нужна организация, а ее не было. Без военачальников, не узнавая своих военных значков, не имея возможности выстроиться в боевой порядок, они были перебиты. Кто-то пал от ударов врагов, а кто-то — был затоптан своими. Нет сомнения, что это сражение, особенно его завершающую фазу, Архелай провел бездарно. Он попусту погубил много людей и стал виновником окончательного разгрома своей армии.

Оставшиеся в живых вновь бросились к лагерным воротам. Воины посылали проклятия тому, кто их запер, кричали, что гибнут из-за предательства товарищей, которые отказываются впустить их в спасительный лагерь.

Вероятно, эти вопли подействовали на Архелая, и он приказал отпереть створки. В полнейшем беспорядке воины хлынули внутрь. Но следом за ними, на их плечах, туда ворвались и римляне. Увидев это, Архелай бежал через противоположные ворота и несясь, не останавливаясь, до самой Халкиды. Так закончилась битва при Херонее.

Аппиан сообщает, что Архелай понес громадные потери. В Халкиде он едва собрал десять тысяч солдат — жалкие остатки армии. Что касается римлян, то утверждается, что Сулла лишился пятнадцати легионеров, «из которых двое опять поправились».

Сообщение о потерях — снова очевидная ложь. Возможно, впрочем, несколько вариантов. Первый: сообщение Суллы об упорной битве — ложно. В таких битвах, как описанная выше, никто не мог бы потерять только тринадцать человек убитыми. Второй: сражение действительно было упорным, но участвовало в нем не больше сотни воинов с каждой стороны. Тогда данные о потерях римлян обретают какой-то смысл. Третий, самый вероятный: сведения о римских потерях — такой же пропагандистский миф, как и байки о громадной армии понтийцев. Возможно, Сулла просто не хотел говорить о жестоких потерях... Сколько римлян погибло? Вероятно, счет шел на тысячи.

Но как бы то ни было, победу Сулла одержал.

Репрессии

В руках Суллы оказалось огромное количество пленных, оружия и другой добычи. Он сжег все ненужное, принес жертвы во славу богов. Затем дал войску короткий отдых — прийти в себя и залечить раны. А сам с легковооруженными воинами двинулся добивать Архелая. Сулла рассчитывал, что после битвы при Херонее боевой дух понтийцев сломлен.

Но выяснилось, что он совсем не знает понтийского полководца. Архелай потерял солдат, но не волю к победе. Он по-прежнему господствовал на море. Пользуясь этим, понтиец разъезжал вдоль побережья, грабил местность и наказывал греков, которые переметнулись на сторону Рима. Аппиан презрительно пишет, что Архелай стал больше похож на морского разбойника, чем на полководца.

Не утратил волю к борьбе и сам Митридат Эвпатор. Еще никто в Риме не мог предположить, что впереди десятилетия борьбы с ним. Аппиан фантазирует, что известие о поражении при Херонее вызвало у Митридата страх, «как обычно бывает при таком событии». Последняя оговорка означает, что оно вызвало бы страх у самого Аппиана или, например, у Плутарха. Но правители и политики сделаны из другого теста. Тот же Аппиан сообщает, что Эвпатор «со всей поспешностью начал собирать новое войско».

Ответственность за поражение при Херонее лежала на Митридате как главнокомандующем вооруженными силами державы. Очевидно, именно он принял решение дать битву, вместо того чтобы отсиживаться в крепостях. Да и приказ Архелаю покинуть Пирей тоже исходил, скорее всего, от Митридата. Это, во всяком случае, не противоречит ходу событий.

Мы видим, что Эвпатор не стал перекладывать ответственность за разгром на кого бы то ни было. Например, на Архелая. Поэтому нельзя согласиться с оценкой Моммзена, который характеризует Митридата как непостоянного, вспыльчивого и коварного «султана». Эвпатор был расчетливый политик и способный стратег. По размаху своей дипломатической деятельности он не уступал, например, Ганнибалу. А вот крупными полководческими талантами не блистал.

Кстати заметим, что почти во всех его войнах непосредственно на местах командовали сыновья, стратеги и придворные. Сам Митридат оказывался на поле боя и брался за оружие лишь в крайних случаях (позже мы до таких случаев дойдем). Он предпочитал руководить общим ходом боевых действий, находясь где-нибудь в глубине своих владений. Это ни в коей мере не связано с трусостью. Все источники говорят, что Митридат Эвпатор был исключительно смелым человеком. Вероятно, такой стиль начальствования он считал наиболее эффективным.

Себе он вменял в обязанность собирать войско и оберегать державу от развала, что в известной степени значило выискивать и карать любую измену, которая могла повлиять на устойчивость его владений.

Потерпев первые поражения, Эвпатор в качестве превентивной меры прикончил нескольких вельмож, которых давно подозревал в склонности к измене. Особенно жестоко он обошелся с галатскими тетрархами. Вызвав к себе тетрархов под каким-то предлогом, Эвпатор без всякой жалости велел убить их вместе с женами и детьми. Подробности — у Аппиана. «Одни из них, — пишет он, — были убиты из засады подосланными убийцами, другие погибли в одну ночь на пиру; Митридат считал, что ни один из них не сохранит ему верности, если приблизится Сулла».

В галатские города базилевс ввел понтийские гарнизоны и превратил страну галатов в обычную сатрапию. Что же до имущества казненных вождей, то оно было конфисковано в пользу царской казны. Наместником в Галатии стал полководец Эвмах. Но власть его продолжалась недолго. Вскоре галатская знать восстала, вооружила народ и начала войну с оккупантами. Понтийцев выгнали из страны. Таким образом, можно сказать, что, уничтожив тетрархов, Митридат совершил большую ошибку, ибо не получил того, чего хотел.

Одновременно с галатами репрессиям подверглись жители острова Хиос. На островитян царь затаил зло с тех пор, когда во время морской битвы у берегов Родоса хиосский корабль едва не потопил его собственный корабль. Были, вероятно, и другие причины для царской неприязни, но мы о них не знаем.

Первым делом Митридат конфисковал имущество тех жителей Хиоса, которые бежали к Сулле. Затем через специально посланных эмиссаров навел справки о том, кто является на острове сторонниками римлян. Возможно, были составлены какие-то списки.

На остров были направлены солдаты. Ими командовал понтийский стратег Зенобий. Под предлогом, что он ведет солдат в Элладу, Зенобий остановился на Хиосе и ночью захватил укрепления островной столицы. Утром через глашатаев хиосцам было предложено созвать народное собрание. Когда граждане собрались, Зенобий сообщил им, что царь подозревает на острове заговор в пользу римлян. «Но если вы сдадите оружие и передадите заложников, подозрения исчезнут», — закончил понтиец свое выступление.

Видя, что сопротивление бессмысленно, жители острова выполнили условия. Зенобий сказал, что регламентировать дальнейшие отношения будет письменный приказ Митридата, который огласят в ближайшие дни.

Письмо действительно вскоре доставили. В нем утверждалось, что хиосцы по-прежнему ведут тайные переговоры с Суллой. Вспоминался также случай с хиосской триерой, протаранившей царский корабль. Митридат, похоже, все более убеждался, что тот эпизод был не случаен.

В конце письма говорилось, что за покушение на жизнь царя и сношения с Суллой виновные будут наказаны смертью.

А все остальные жители острова — штрафом в 2000 талантов. Последний пункт наводит на мысль, что Митридат просто хотел поправить свои финансовые дела. После неудачи при Херонее надо было снаряжать новое войско, а наемники стоили дорого. Крупный штраф позволил бы нанять несколько когорт хороших солдат.

Хиосцы вознамерились отправить к Митридату посольство, но Зенобий не позволил. Пришлось им покориться судьбе. С плачем и стонами, чтобы расплатиться с царем, даже отдали женские украшения и вынули драгоценности из храмов. Тем не менее Зенобий заявил, что золота мало. Он согнал граждан в театр, окружил здание воинами с обнаженными мечами и стал требовать дополнительной дани. Ему ответили, что все ценное уже собрано. Тогда всех знатных граждан арестовали, погрузили на корабли и отправили в ссылку на берега Черного моря.

Следующим на пути карательного отряда Зенобия лежал Эфес. Часть его жителей также, как было заявлено, впала в грех измены. Начальником города в то время был Филопемен, получивший эту должность как отец царской наложницы Мониимы. У горожан он вызывал стойкую неприязнь и имел все основания опасаться за свою жизнь.

Когда Зенобий подошел к городу, эфесцы предложили ему оставить оружие у ворот и войти внутрь с небольшим отрядом. Зенобий выполнил эти условия. Затем он встретился с Филопеменом и узнал от него о настроениях горожан. Вместе они предложили гражданам явиться на собрание — то есть все шло по той же схеме, что и на Хиосе.

Эфесцы попросили перенести собрание на другой день. Ночью их предводители провели совещание и решили поднять восстание. Действовали быстро. Еще до рассвета Зенобий был схвачен, брошен в тюрьму и там убит. После этого было извлечено из арсенала и распределено между гражданами оружие, а на городские стены поднялись наскоро сформированные караулы.

Так Митридат получил еще одного врага. По примеру Эфеса против Митридата восстали жители Тралл и еще нескольких городов — видимо, тех, где были сильны проримские партии.

Митридат послал войско против отпавших городов. С мятежниками, которые попадались в руки, он приказал не церемониться. Начались казни. В то же время Эвпатор пытался сохранить авторитет вождя эллинизма. Поэтому он провозгласил свободными греческие города и объявил об уничтожении их долгов. Метеки — иностранцы, постоянно жившие в этих городах, но не имевшие многих прав, — получили право гражданства. Рабы — вольную.

Эти меры сразу дали положительный результат. Если недавно греческие города были на грани восстания, то теперь все изменилось. Аппиан с некоторым осуждением пишет, что рабы и метеки верно служили Митридату и были его опорой. Это и не удивительно: те и другие прекрасно знали, что своим новым положением обязаны именно ему.

Действия Митридата оказались воистину революционными. Он не просто возвысил униженных. Он ликвидировал барьеры между городами-полисами, каждый из которых имел свое гражданство. Теперь освобожденные греки чувствовали себя не гражданами маленького мирка, ограниченного городскими стенами, а жителями единой страны. На такое не пошел даже Александр Македонский, великий революционер и разрушитель устоев. На это не решились цари Селевкиды — их громадная держава оставалась нагромождением городов-государств, племен, конфедераций со своими законами, уставами, гражданством, иногда — собственной монетой и полусамостоятельной внешней политикой. Митридат пошел дальше всех. К сожалению, все это делалось в условиях тяжелой войны с беспощадным противником. Этот противник не давал времени на раздумья и бил наотмашь.

Смелые социальные реформы Митридата пришлось не по нраву многим придворным. Против царя возник заговор. В него вошли греки — близкие друзья и приближенные Эвпатора. Известны их имена. Это Миннион и Филотим из Смирны, Клисфен и Асклепиодот с Лесбоса. Но они не смогли договориться, и Асклепиодот донес на своих товарищей. Чтобы не было сомнений, доносчик устроил встречу заговорщиков. А за спинкой одного из лож, на которых они возлежали за чашей вина, спрятался верный человек Митридата. Речи заговорщиков не вызывали сомнений: планируется убийство

царя. Эвпатор отдал приказ арестовать предателей; все они умерли в страшных мучениях.

Иногда приходится слышать о подозрительности Митридата. Но, как видим, она имела под собой веские основания. Каждый неверный шаг мог стоить царю жизни.

После расправы с главными заговорщиками начались аресты их единомышленников в разных греческих городах. Скорее всего, участники заговора на местах принадлежали к числу зажиточных «уважаемых» людей. Шокированные социальными реформами, они ждали римлян как освободителей, но, не дождавшись, решили действовать самостоятельно.

В одном только Пергаме люди Митридата арестовали, как сообщает Аппиан, 80 человек, «составивших подобный заговор». Всего же, по подсчетам Аппиана, «по доносам, в которых каждый указывал своего врага, казнили 1600 человек». Заметим в скобках, что это сравнительно не так много. Это не знаменитые проскрипции Суллы, когда римляне убивали сограждан по спискам без суда и следствия. Следовательно, можно сделать вывод, что Митридат не поддавался эмоциям и не дал репрессиям выйти из-под контроля, и это в определенном смысле говорит в его пользу.

Битва при Орхомене

До Луция Корнелия Суллы дошли неприятные новости. В Италии свершился политический переворот. Власть взяли сторонники популяров («народников», популистов, «демократов» — называть можно по-разному). Вождями этой партии были злейшие враги Суллы — Гай Марий и Корнелий Цинна. Они объявили Суллу вне закона и устроили выборы консулов. Ими стали Цинна и Луций Валерий Флакк. Последний по решению народного собрания получил войско и поспешил на Восток. Войско это должно было сражаться с Митридатом. Причем отдельно от Суллы. Однако Сулла предполагал, что война с Митридатом — только прикрытие. На самом же деле популяры послали армию на Восток, чтобы уничтожить его, своего главного врага.

Он бросил все и выступил навстречу Флакку в Фессалию. И тут же получил сообщение, что в его тылу высадилась новая понтийская армия под началом стратега Дорилая. «Численностью не уступающая прежней», — добавляет Плутарх, хотя ниже говорит, что в новом войске было 80 тысяч солдат (эту же цифру приводит Аппиан). Прежняя армия насчитывала, по версии Плутарха, как мы помним, 120 тысяч солдат. Проще поверить авторитету Моммзена, который пишет о «неисчерпаемых» источниках людских ресурсов Митридата, чем заниматься какими-либо подсчетами. Тогда, кстати, и необходимость в подсчетах сама собой отпадет.

Конечно, сам факт высадки крупной, по всем меркам, понтийской армии все же имел место. Может быть, она насчитывала 30—40 тысяч солдат. Да еще у Архелая, пишет Аппиан, оставалось 10 тысяч войска. Впрочем, мы приводим эти цифры лишь в качестве одной из версий.

Поскольку Сулла ушел драться с Флакком, Архелай и Дорилай снова захватили Беотию. Возник вопрос, что делать дальше. Архелай придерживался прежней тактики: нужно, говорил он, опираться на укрепленные города и изматывать римлян. Дорилай, еще не видевший врага, предлагал немедленно атаковать, не считаясь с плохой управляемостью своего разноплеменного войска. Архелай указывал на недавний разгром понтийцев при Херонее. «Пустое, — отвечал Дорилай. — Там не обошлось без предательства».

Теперь, после раскрытия крупных заговоров в греческих городах, было удобно все свалить на предателей — если выражаться греко-римской терминологией, «врагов народа». Словом, уроки из недавнего поражения извлечены не были.

Тем временем Сулла вернулся в Беотию и разбил лагерь у Орхомена. Римский полководец решил сначала уничтожить понтийскую армию, а потом уже разбираться со своими согражданами.

В окрестностях Орхомена разбил лагерь и Архелай. Значительную часть его войска составляла конница, а местность была очень удобной для конного боя. Вокруг раскинулась красивейшая равнина. Она простиралась до беотийских болот, в которые впадала небольшая речка Мелан.

Ознакомившись с местностью, Сулла приказал легионерам рыть рвы. Он хотел отрезать врага от равнины и оставить ему один путь отхода — через болото. Между прочим, строительство полевых укреплений и рытье рвов на поле боя были открытием Суллы. Впоследствии его часто использовали византийцы, но повсеместным оно стало только с употреблением пороха.

Архелай разгадал маневр врага и бросил против него конницу, толком даже не успев развернуть войско. Понтийцы смяли римлян, преодолели недорытые рвы и бросились преследовать землеройные команды.

За рвами Сулла выстроил легионеров в боевом порядке. Понтийцы их стремительно атаковали. Римский строй дрогнул. Пехотинцу всегда трудно преодолеть психологический шок, когда на него мчится лавина всадников. Сулла, в полном вооружении, на коне, — метался между своими когортами, сыпал угрозами, требовал сражаться. Тщетно. Дрогнул один манипул, другой... Строй заколебался, и легионеры обратились в бегство. Тогда Сулла, соскочив с коня, выхватил из рук бежавшего солдата значок легиона и воскликнул: «Римляне, здесь я найду смерть! А вы запомните: на вопрос, где вы предали своего императора, вам придется ответить — при Орхомене!» Императорами называли в то время военных вождей.

Прокричав эти вошедшие в историю слова, Сулла в сопровождении отряда телохранителей помчался навстречу врагу. Видя это, легионеры повернули назад, и вскоре римское войско восстановило свои порядки. Лихая кавалерийская атака понтийцев захлебнулась.

Отбив нападение, Сулла отвел легионеров в лагерь для отдыха. Затем вновь приказал рыть ров перед неприятельским лагерем, и Архелаю, чтобы помешать этому, пришлось опять атаковать. Правда, теперь битва оказалась не такой спонтанной. Понтийцев поддерживали пехота и лучники, да и наступали воины в полном порядке. Атаку возглавлял пасынок Архелая — Диоген.

Легионеры контратаковали и приблизились к понтийским лучникам настолько, что те не могли сделать выстрела. Они выхватывали из колчанов пучки стрел и действовали ими,

словно холодным оружием. В жестокой схватке Диоген был убит, и понтийцы отступили в свой лагерь.

По словам Аппиана, в двух сражениях этого дня Архелай лишился 15 000 человек. Десять тысяч из них составляла конница.

Сулла был уверен, что победа близка. Боясь, как бы Архелай не ускользнул, он расставил ночью у понтийского лагеря сторожевые посты. Наутро римляне продолжили работы по рытью рва. Понтийцы в последний раз попробовали им помешать, но опять были отброшены. Римляне преследовали неприятеля до самого лагеря.

Сулла стал убеждать войско последним усилием закончить войну, говоря, что понтийцы уже неспособны противостоять римскому оружию.

Понтийские военачальники убеждали своих солдат держаться. Наконец протрубили боевой сигнал, и две армии сошлись в рукопашной. Кровь лилась рекой. И те, и другие демонстрировали чудеса храбрости. В конце концов легионеры разрушили угол укрепленного вала и, защищая себя щитами с боков и сверху, пошли «черепашей» на врага. Римлянин Базилл, легат одного из легионов, первым вошел в лагерь Архелая, заколол могучего понтийца, бывшего перед ним, и повел за собой боевых товарищей.

Это словно послужило сигналом к избиению понтийцев. Они частью сдавались в плен, частью искали спасения в бегстве, устремившись к болотам и озерцу, находившимся неподалеку. Тот, кто не умел плавать, шел ко дну, тщетно взывая о помощи на «непонятном варварском языке», как выражается Аппиан. Убитых было так много, что болота оказались завалены трупами. Плутарх утверждал, что даже в его время в беотийской трясине находили «варварские» стрелы, шлемы, обломки панцирей и мечи.

Понтийцы потерпели новое страшное поражение. Архелай же опять сохранил жизнь. Он укрылся в болоте, пробрался к морскому берегу, раздобыл суденышко и уплыл в Халкиду. Туда полководец принялся стягивать уцелевшие отряды своего войска.

На другой день Сулла раздал награды. Базилл получил золотой венок, отличившиеся легионеры — денежные награды.

Затем римляне принялись грабить и разорять Беотию в отместку за колебания ее жителей, принимавших в зависимости от обстоятельств то сторону римлян, то сторону их врагов. Наказав тех, кто сомневался в силе римского оружия, Сулла отбыл в Фессалию и там зазимовал.

Здесь к нему прибыли гонцы от Архелая с предложением мира. Римский полководец охотно пошел на переговоры. В это время он пребывал мыслями в Италии, где истребляли его сторонников, был разорен его римский дом, а его самого объявили вне закона. Словом, мир с понтийцами представлялся Сулле желанным — надо полагать, он уже строил планы, как вернется в Италию и накажет своих врагов.

Посредником на переговорах был делосский купец Архелай, пишет Плутарх. Впрочем, из дальнейшего текста видно, что это сам понтийский полководец Архелай переоделся купцом и прибыл на встречу с Суллой.

Свидание состоялось на морском берегу у Делия, близ святилища Аполлона. Первым говорил купец. Он предложил римскому полководцу взятку. Митридат уйдет из Европы, но оставит за собой Малую Азию. Взамен он готов дать Сулле денег и воинов. С ними храбрый римлянин может отплыть в Италию и расправиться со своими врагами-«демократами».

Сулла быстро разгадал, кто перед ним на самом деле, и прямо посоветовал Архелая предать Митридата и самому занять трон, а флот выдать римлянам. В этом случае Архелай станет другом и союзником римского народа.

Наверняка римляне обставили бы воцарение Архелая десятком условий, выполнив которые он в конце концов превратился бы в вассального царька пары городов. И был бы очень скоро убит их жителями, которые не простили бы ему предательства и ограбления собственной страны в пользу римлян. Сделка слабого с сильным невозможна. Это прекрасно понимал Митридат. Это знал и Архелай. На этот раз он отказался предать своего государя, о чем и сказал Сулле.

Сулла — в изложении Плутарха — ответил: «Так, значит, ты, Архелай, каппадокиец и раб, или, если угодно, друг царя-варвара, не соглашаешься на постыдное дело даже ради таких великих благ, а со мною, Суллою, римским полководцем, смеешь заводить разговор о предательстве. Будто ты не

тот самый Архелай, что бежал от Херонеи с горсткой солдат, уцелевших от стодвадцатитысячного войска, два дня прятался в Орхоменских болотах и завалил все дороги Беотии трупами своих людей!»

После этого, пишет Плутарх (явно со слов Суллы), Архелай, «простершись ниц, умолял Суллу прекратить военные действия и примириться с Митридатом». Оставим на совести Суллы рассказ о том, как его храбрый противник ползает на коленях перед представителем высшей расы.

Далее Сулла предложил условия мира: Митридат уходит из Азии и Пафлагонии, отказывается от Вифинии в пользу Никомеда, а от Каппадокии — в пользу Ариобарзана, выплачивает римлянам 2000 талантов, передает им 70 кораблей, оснащенных для войны медными таранами. Сулла закрепляет за Митридатом прочие владения и объявляет его другом и союзником римского народа.

Архелай эти условия принял. По свидетельству Аппиана, понтийский полководец стал выводить гарнизоны из греческих городов. Относительно прочих условий мира он запросил согласия Митридата, а сам остался заложником при Сулле, который через Фессалию и Македонию двинулся с остатками армии к Геллеспонту. При этом почетному пленнику оказывались «все знаки уважения», пишет Плутарх. Когда близ города Ларисы Архелай заболел, Сулла заботился о нем, как об одном из своих легатов. Это внушает подозрения, пишет Плутарх, что Херонейская битва «не была честной». В доказательство историк привел несколько деталей. Главная из них — в том, что Сулла подарил понтийскому полководцу обширные земельные владения на Эвбее.

В своих «Воспоминаниях» Сулла защищал себя и Архелая от таких обвинений. Так что неясно, был ли дар Архелая вообще. А если был, правильнее предположить, что римский полководец таким образом выразил свою благодарность за посредничество на переговорах.

Явившись на север, Сулла разграбил местные племена: дарданов, энетов, синтов. Первое племя хорошо известно, оно издавна жило к северу от Македонии — в нынешней Боснии и Сербии. Вторые два, вероятно, обитали где-то рядом.

Все это были арийские народы, союзные Митридату. Сулла принудил их к миру.

Теперь он стоял у ворот Малой Азии.

Наступление Фимбрии

Почему Архелай и Митридат пошли на мирные переговоры? Во-первых, лучшие понтийские войска были разбиты в нескольких сражениях Суллой. Во-вторых, против Митридата уже выступила вторая армия римлян. Ею командовал Флакк. Одним из легатов у Флакка был Гай Флавий Фимбрия — человек коварный, беспринципный и отчаянный. Так как Флакк был неопытен в военном деле, то Фимбрия быстро взял начальство в свои руки. Чтобы понять логику событий, придется возвратиться немного назад.

Этой армии сначала сопутствовала неудача. Когда переправлялись из Брундизия, налетел шторм, и корабли были раскиданы бурей. Часть их наткнулась на эскадру, которую Митридат предусмотрительно выслал к италийским берегам, и понтийцы уничтожили несколько кораблей.

Флакк быстро вызвал ненависть собственных солдат. Аппиан пишет, что он был жесток в назначении наказаний и корыстолюбив. То есть, вероятно, отменял выговоры за взятки. Войско от него отвернулось, а части, посланные в Фессалию, перешли на сторону Суллы.

Начались свары и в самом лагере Флакка. Однажды на привале между Фимбрией и квестором (казначеем) армии произошел спор. Они обратились к Флакку, чтобы тот рассудил их. Флакк вынес решение в пользу квестора. Фимбрия разозлился и пригрозил, что оставит армию и вернется в Рим. Флакк с трудом успокоил его. Обстановка накалялась, авторитет командующего падал. Вероятно, среди легионеров всюду действовали шпионы и агитаторы Суллы, которые способствовали брожению.

Несколько позже Флакк увел войска подальше от Суллы в Македонию, затем в Византий и оттуда переправился в Малую Азию. Он боялся, как бы все легионеры не переметнулись на его сторону.

В Малой Азии армия Флакка высадилась неподалеку от вольного греческого города Халкедона. Власти в Халкедоне были настроены проримски. Флакк лично отправился к ним на переговоры, надеясь договориться о союзе и взаимодействии. Войско на это время он оставил, обойдя Фимбрию, под командой своего легата Ферма. Фимбрия это обидело. Он устроил войсковое собрание, взбунтовал легионеров и обещаниями склонил их на свою сторону. Солдаты провозгласили его своим вождем. На этом основании Фимбрия отобрал у Ферма ликторские связки и присвоил империум — военную власть.

Флакку доложили о бунте, когда он подъезжал к Халкедону. Тот поспешно вернулся к войску. Между ним и Фимбрией началась перепалка. Солдаты поддержали Фимбрию. Флакк понял, что может лишиться жизни, и попытался скрыться. Он спрятался в каком-то частном доме, а ночью, избежав встречи с посланными Фимбрией солдатами, бежал в Халкедон. Но и там оказалось небезопасно. Пришлось бежать дальше. Наконец он укрылся в большом городе Никомедии, но Фимбрию это не остановило. Он явился под стены Никомедии со всеми силами. Граждане города не посмели сопротивляться разгневанной солдатне и распахнули ей ворота. Фимбрия ворвался в Никомедию, нашел Флакка, который пытался спрятаться в колодце, и убил. Аппиан сетует, что «человека, бывшего консулом римского народа» устранил «человек, бывший частным лицом и последовавший за ним по его дружескому приглашению».

Фимбрия отрубил Флакку голову и бросил ее в море, а тело оставил без погребения. Покончив с бывшим другом, он окончательно объявил себя предводителем войска.

Понтийскими полками в Азии командовал Митридат Младший — один из сыновей Эвпатора (спустя пару лет этот молодой принц организует заговор против отца и поплатится за это жизнью).

Фимбрия оказался талантливым полководцем. Он разбил Митридата Младшего в нескольких сражениях и проложил путь в хорошо укрепленную крепость Пергам, где сидел сам Эвпатор. Источники не сообщают подробностей кампании. Это показательно. Плутарх и Аппиан опираются в основ-

ном на «Воспоминания» Суллы. Поэтому его роль невероятно раздута, потери преуменьшены, подвиги — преувеличены.

Солдаты Фимбрии мемуаров не писали, а Сулла не имел интереса возвеличивать конкурента. Потому мы ничего не знаем о подвигах фимбрианцев.

По тем свидетельствам, которые сохранились, складывается впечатление, что легионеры Фимбрии не щадили никого, грабили все на своем пути и превратили Малую Азию в кровавый ад.

Вот один случай. Перейдя в Азию, Фимбрия стал преследовать сторонников Митридата. Земли тех, кто поддерживал понтийского царя, мятежник подвергал дикому разгрому. Наконец он осадил Илион — город на месте древней Трои. Жители города сумели послать гонца к Сулле и позвали его на помощь. Тот обещал явиться с войском. А пока просил передать Фимбрии, чтобы тот отступился от города: жители, мол, сдались Сулле. Услышав об этом, Фимбрия похвалил илионцев за то, что они стали друзьями римлян. И тотчас потребовал впустить его в город: «Я ведь тоже римлянин!»

Растрогавшись, Фимбрия напомнил, что илионцы вообще родственники римлянам. Ведь именно отсюда когда-то отплыл в Италию троянец Эней, потомки которого основали Рим.

У «родичей» хватило глупости открыть ворота. Легионеры ворвались внутрь, принялись избивать всех подряд, подожгли дома. Гонцы, которые ездили к Сулле, были отысканы и подвергнуты жестоким пыткам. Многие пытались спастись в храме Афины. Фимбрия сжег их вместе с храмом. Он срыл стены Илиона и лично обошел пепелище, проследив, чтобы от древнего города ничего не осталось. Аппиан сетует, что город испытал худшие беды, чем во времена Агамемнона, мрачно шутит напоследок, что Илион погиб от руки «родственника». Это лишь один случай зверств Фимбрии, но, судя по всему, не единственный.

Сулла тоже был далеко не ангелом, но соблюдал видимость закона; к тому же он был тонким политиком: никогда не разорял зажиточные слои, если они проявляли лояльность, и наказывал в основном чернь. Фимбрия и его люди резали всех без разбора. Главным для них было обогащение. Все они по-

нимали, что рано или поздно придет расправа за убийство консула. Поставив себя вне закона, они жили по принципу «хоть день, да мой». Вытряхивали богачей до последней монеты, насиловали девушек, устраивали кровавые забавы. Никто не знал, как остановить это шествие смертников.

Их стал опасаться даже сам Митридат. Его войска были разбиты, Фимбрия наступал, в сатрапиях воцарился хаос. Вот тогда-то Эвпатор и запросил мира. Видимо, Архелаю были предоставлены самые широкие полномочия.

Заметим, что Митридат правильно выбрал персону для переговоров — Суллу, а не Фимбрию. С Суллой можно было иметь дела. К тому же это был единственный римлянин на Востоке, который имел хоть какие-то полномочия. Суллу считали бунтовщиком римские «демократы». Но Фимбрия был изменником с любой точки зрения: он убил консула-«демократа» и враждовал с Суллой. К тому же Митридат, помирившись с Суллой, автоматически сталкивал его с Фимбрией, а значит, спасал свое государство, лишённое войск.

Была ли опасность, что Сулла выдвинет непомерные требования? Вряд ли. Эвпатор прекрасно знал, что римский полководец желает мира, чтобы иметь возможность вернуться в Италию. Было ясно, что после замирения с Понтом он обратится против своих врагов в Италии. В результате, надеялся Митридат, римляне перережут друг друга в гражданской войне и сил для немедленного покорения Понта у них не останется. Между прочим, так и случилось.

Эвпатор делал все, чтобы выиграть время. Он мужественно сражался как политик и дипломат, пытался выговорить приемлемые условия. Например, хотел сохранить Пафлагонию. Сулла проигнорировал это требование. Надо отдать должное римскому полководцу: он умел соблюсти государственные интересы и проявить твердость.

Митридат попытался блефовать. Он велел передать, что получил бы гораздо больше, если бы договорился с Фимбрией. «Фимбрия, — рассердившись, заметил на это Сулла, — понесет наказание. А сам я перейду в Азию и тогда посмотрю, нужно ли заключать мир с Митридатом или лучше вести войну до победы».

Так говорит об этом эпизоде Аппиан. Плутарх расписывает его еще более яркими красками. «А я-то думал, — кричит Сулла у Плутарха, — что он поклонится мне в ноги, если я оставлю ему правую его руку, которою он погубил столько римлян».

Плутарх говорит, что Архелай попросил отпустить его к Митридату под честное слово, чтобы он мог уговорить царя принять все условия мира. Сулла поверил и отпустил, а сам в это время напал на страну медов — еще одного фракийского союзника Митридата. Меды были разбиты. Сулла вернулся в Македонию. Подле города Филиппы его поджидал Архелай, который к тому времени вернулся из Понта. Посол-полководец сообщил, что все улажено, но Митридат просит Суллу о личной встрече. Сулла согласился.

Сам Митридат в это время находился в Пергаме. К его владениям приближался Фимбрия. Плутарх пишет, что Эвпатор оставил Пергам и укрылся в Питане. Там его Фимбрия и осадил.

К счастью, Питана имела выход к морю. Митридат собрал в гавани большой флот и наладил снабжение своей осажденной армии морским путем. Фимбрия оказался бессилен против понтийцев, как прежде Сулла при осаде Пирея.

Тогда римский мятежник стал искать поддержки Луция Лициния Лукулла. Тот как раз вернулся в Малую Азию после своей неудачной миссии в Египте.

Приключения Лукулла

Напомним, что Сулла послал Лукулла в Египет за флотом еще в то время, когда продолжалась осада Афин и Пирея. В море на Лукулла напали пираты. Сам он спасся, но сопровождавшие его суда были захвачены. Наконец Луций Лициний торжественно сошел на берег в Александрии. Навстречу ему вышел весь египетский флот в великолепном убранстве. Фараон Птолемей IX Латир (Бородавка — его прозвали так за бородавку, которая красовалась на царственном носу) предоставил ему кров и стол в своем дворце. Ранее туда не допускался ни один иноземный полководец. Владыка Египта осы-

пал гостя подарками. Предложил совершить поездку по Нилу и посетить Мемфис. Словом, обхаживал Лукулла как родного.

От путешествия по Египту Лукулл отказался. Он, мол, при- был не разглядывать местные красоты, но как государствен- ный деятель. Его цель — переговоры о важных делах.

Тогда фараон прислал ему целых 80 талантов серебра — весьма крупную сумму. История умалчивает, чего он добивал- ся при помощи этой взятки. Скорее всего, речь шла о каких-то территориальных приобретениях.

Лукулл отклонил подарок и стал требовать военной помо- щи против Митридата. От этого, в свою очередь, уклонился Латир. Он предоставил римлянину морской конвой до Ки- пра, а на прощание подарил перстень, украшенный смараг- дом «огромной цены», как пишет Плутарх. Лукулл и тут от- казывался, но фараон заметил, что на перстне нанесено его царственное изображение. Лукулл принял дар, чтобы не рас- сориться с Птолемеем окончательно и не стать жертвой его козней на море.

В свободных греческих городах на юге Малой Азии римля- нин кое-как набрал эскадру. Те из них, что поддержали Ми- тридата, римляне называли пиратскими городами. Те же, что пошли на сделку с Лукуллом, получили звание добрых друзей. Хотя грабежами на море занимались те и другие.

Пираты хотели подкараулить Лукулла на Кипре и устроили засаду, но Лукулл распространил слух, что намеревается зази- мовать на острове, приказал готовить зимние квартиры и про- довольствие, а корабли вытащил на берег. Пираты успокоились. Но как только подул попутный ветер, хитрый Лукулл прика- зал спустить суда на воду и на полной скорости вышел в море. Знать, эскадра его была невелика, коли он так боялся пиратов.

Он благополучно достиг Родоса, получил здесь еще не- сколько кораблей и отправился в Эгейское море, уговорил изменить Митридату граждан Коса и Книда, а затем сразил- ся на море с самосцами, но без большого успеха. После этого напал на Хиос и очистил остров от войск Митридата. Заодно освободил Колофон, а тамошнего тирана Эпигона — видимо, вождя городской черни — захватил в плен.

Немудрено, что Фимбрия захотел склонить Лукулла на свою сторону. Предложение было заманчивым. Если бы уда-

лось запереть Митридата в Питане с суши и моря, царь оказался бы в полной власти римлян, а Фимбрия превратился бы в героя. Ведь получалось бы тогда, что именно он нанес Митридату решающее поражение и закончил войну! Если бы Эвпатора удалось провести в триумфе по улицам Рима, Гаю Фимбрию могли простить даже мятеж и убийство консула. Это был последний шанс для бунтовщика.

Но Лукулл остался верен Сулле. Он не хотел иметь ничего общего с гнусным преступником. Фимбрия получил отказ, и Митридат смог уплыть, «смеясь над Фимбрией и его войском», как пишет Плутарх. Позже Лукулл разбил часть флота Митридата в морском сражении у мыса Лект в Троаде. Затем ему доложили, что на острове Тенедос стоит еще одна понтийская эскадра. Ею командовал знаменитый Неоптолем — покоритель Боспора. Состоялось жестокое сражение.

Сохранилось описание схватки флагманских кораблей. Корабль Лукулла вел опытный кормчий Дамагор с Родоса. Неоптолем стремительно атаковал на своем флагмане, оснащенном мощным медным тараном. Дамагор успел подставить под удар корму. Неоптолем раскрошил ее, но при этом не повредил подводной части римского флагмана, и тот остался на плаву.

В дальнейшем, после жаркой схватки, потеряв многие корабли, понтийцы отступили. Эта победа фактически открыла Сулле дорогу в Азию. На море ему больше не могли помешать.

Сулла выступил на Херсонес Фракийский, дабы затем переправиться через Геллеспонт в Азию. Обеспечивать переправу его армии было поручено Лукуллу.

Дело Митридата было проиграно. Теперь против него в Азии действовали две римские армии — Суллы и Фимбрию. С тем большей настойчивостью понтийский царь добивался мира.

Дарданский мир

Встреча понтийского царя и Луция Корнелия Суллы состоялась в Троаде.

Войска сошлись на равнине. В распоряжении Митридата их было не очень много — лучших воинов он потерял в сраже-

ниях. Правда, Плутарх пишет обратное. Что касается Суллы, то он прибыл в сопровождении четырех когорт пехоты и двухсот всадников. Оба вождя вышли вперед в сопровождении немногочисленных телохранителей.

Сулла начал с вопроса, принимает ли царь условия мира, которые согласованы с Архелаем. Эвпатор молчал, и Сулла насмешливо бросил: «Просители говорят первыми — молчать могут победители».

Тогда униженный Митридат стал защищаться. Он обладал опытом словесных баталий, любил и умел говорить. К тому же делал все, чтобы сохранить лицо. Он говорил о былом союзе с римлянами, о тех обидах, которые ему нанесли. Подобную речь мы приводили выше в изложении Юстина, поэтому хорошо можем представить аргументацию. Говорил понтийский базилевс также о войне, пытаясь одни события приписать воле богов, а вину за другие свалить на римлян. Во всем виноваты римские политики, которые брали взятки от Никомеда, Ариобарзана и самого Митридата и ловко стравливали этих царей между собой...

Сулла перебил его, сказав, что много слышал от других о красноречии Митридата, а теперь и сам убедился нем — «ведь даже держа речь о таких подлых и незаконных делах, он без всякого труда находит для них благовидные объяснения» (Плутарх).

Изобличив царя в совершенных жестокостях, Сулла еще раз спросил, будут ли выполнены условия, договоренность о которых достигнута через Архелая.

Митридат понял, что напрасно тянет время. Сулла не вернется в Италию до тех пор, пока не закончит войну почетным для римлян миром.

Царь сказал, что выполнит все условия. Тогда Сулла, по обычаю, обнял его, поцеловал, а затем приказал привести царей Ариобарзана и Никомеда. Оба деятеля плелись в обозе Суллы в ожидании, когда им возвратят престолы. Здесь же состоялось примирение с ними Митридата.

Наконец, отдав в распоряжение Суллы 70 боевых кораблей и 500 лучников, Эвпатор отбыл в Понт. Малая Азия более не принадлежала ему. Владения базилевса вновь сократились до узкой полосы земли на северо-востоке Малой Азии. Правда,

в его распоряжении оставались заморские земли — Колхида, Боспор, Горгиппия (нынешняя Анапа), Синдика на Кубани, Ольвия на Днестре. На дворе стояла осень 85 года до н. э. Подписанный мир получил название Дарданского. К этому времени Митридат Эвпатор правил Понтийским царством уже 36 лет.

Наказание Фимбрии

Заклучив мир, Сулла немедленно взялся за наказание Фимбрии. Он приблизился к его войску на расстояние двух стадий и разбил лагерь. Затем потребовал, чтобы мятежник передал ему войско, которым командует незаконно. Гай Фимбрия с насмешкой ответил, что Сулла тоже командует незаконно. Тогда Сулла применил против него свои фирменные приемы: стал рыть рвы, чтобы ими окружить врага, блокировать его и вынудить к бою в неудобных условиях. Таким образом дважды были разбиты понтийцы в последней кампании.

Одновременно шла идейная обработка противника. В лагерь фимбрианцев ходили шпионы, велись тайные переговоры с солдатами и офицерами. Легионеры Фимбрии прекрасно понимали, что находятся в незавидном положении. Многие, бросив все, бежали к Сулле.

Войско Фимбрии постепенно превращалось в банду. Дисциплина отсутствовала. Всеми владел страх перед возмездием. В воздухе витала идея сдать Фимбрию и тем если не заслужить прощение, то хотя бы отсрочить собственную гибель. Когда Фимбрия созвал своих вояк на совещание, легионеры прямо в лицо ему стали кричать, что не станут воевать со своими согражданами — то есть с Суллой и его людьми. Фимбрия потерял самообладание. Разорвав на себе тунику (рубашку), он упал в ноги солдатам и стал просить поддержать его, но ничего не вызвал у них, кроме чувства брезгливости. Затем он принялся обходить палатки офицеров — сулил деньги, просил повторно принести клятву на верность и вроде бы с кем-то даже — путем подкупа — достиг согласия.

Созвали новое собрание. Верные Фимбрию люди настаивали, чтобы центурионы, трибуны и легаты поклялись ид-

ти с ним до конца. Каждого решили выкрикивать поименно. И прежде всего тех, кто получил от Фимбрии взятку. Первым крикнули Нония, который воевал с Фимбрией бок о бок всю малоазийскую кампанию и считался его главным соратником. Но Ноний вдруг пошел на попятную и отказался принести клятву — наверное, испугавшись настроения войска. А может, просто выбрав удачный момент для предательства. Фимбрия выхватил меч и пригрозил убить Нония, но струсил и бросил меч обратно в ножны.

Легионеры разошлись, так и не принеся клятв. Неугомонный Фимбрия тут же нашел сметливого раба и предложил ему — в обмен на свободу — под видом перебежчика проникнуть в римский лагерь и убить Суллу.

Раб, однако, провалил задание. Он действительно добрался до Суллы — благо перебежчиками его лагерь буквально кишел, — но промедлил, был схвачен телохранителями и во всем сознался. Войско Суллы исполнилось гнева и всячески поносило Фимбрию.

Тот подошел к самому рву перед лагерем Суллы и вызвал своего противника на переговоры. Сулла, демонстрируя пренебрежение, отправил вместо себя одного из офицеров, Публия Рутилия Руфуса. Но мятежник проглотил обиду. Фимбрий стал умолять о прощении. Ссылался на свою молодость и как следствие — глупость. Руфус пообещал, что Фимбрию отпустят в Италию. Пусть убирается из Азии и возвращается на родину — его не тронут.

Но что ожидало мятежника в Риме после убийства Флакка? Судебное разбирательство и смертная казнь.

Поняв, что шансов остаться в живых нет, Фимбрия после этого разговора отбыл в захваченный им Пергам. Там, в храме Асклепия перед алтарем, он попытался покончить с собой ударом меча, но неудачно. Рана оказалась не смертельной. Тогда он попросил раба довершить дело. Тот выполнил поручение: зарезал господина, а потом сам покончил самоубийством.

После этого солдаты Фимбрии перешли на сторону Суллы.

Сулла приказал устроить мятежнику погребение. Этим он выгодно отличается от своих римских врагов, которые бросали трупы его сторонников непогребенными.

Новый порядок

Одному из своих людей, Куриону, Сулла приказал идти в Вифинию и Каппадокию, чтобы восстановить там на престолах Никомеда и Ариобарзана. Затем обстоятельно написал обо всем сенату, как будто его и не объявляли врагом народа.

С восстановлением Никомеда все сложилось удачно. А вот с Ариобарзаном — нет. Каппадокийцы его ненавидели. Да и Митридат вел себя хитро. Под разными предложениями он удерживал часть Каппадокии за собой, тянул время и ждал отъезда Суллы. Вероятно, он опирался на симпатии части каппадокийских аристократов, которые предпочитали подчиниться Митридату, а не Ариобарзану. Сулле было некогда разбираться с этими мелочами. Ариобарзан получил сильно урезанные владения и шаткий престол.

Затем Сулла взялся устраивать азиатские дела. Хиосцам, ликийцам, родосцам и вообще всем, кто помогал ему в войне, он даровал свободу. Рабам, которых освободил Митридат, — приказал вернуться к своим господам. Многие не повиновались. Да и часть городов продолжала сопротивление. Между рабами и свободными происходила резня по разным поводам. По сути, шла гражданская война. Митридат посеял ветер, а теперь Сулла пожинал бурю. Но был он человеком деловым. Поэтому снес стены городов, которые не желали подчиняться римлянам, а их жителей продал в рабство. Сторонники Митридата подвергались разным экзекуциям. Таким образом, Сулла убивал двух зайцев: избавлялся от политических противников и пополнял казну за счет продажи самих противников в рабство.

Сколько полегло народу в этой резне? Сколько утратило свободу, как много было сломано судеб? Никто не знает. Римляне вели счет только собственным жизням. Расправы с азиатами никого не волновали.

Сулле срочно нужны были деньги для продолжения гражданской войны в Италии. Не стесняясь, он облагал города контрибуциями. Для взимания поборов направлялись легионеры. Города уклонялись от выплат, солдаты «применяли на-

силе», как скупно говорит Аппиан. Если раньше Сулла пытался казаться умеренным и справедливым, чтобы завоевать симпатии, то теперь не знал жалости.

В общей сложности контрибуция, которую должны были заплатить азиатские города, составила умопомрачительную сумму в 20 000 талантов.

Разоренные войной города не имели возможности заплатить и занимали деньги под огромный процент. В роли ростовщиков выступали римские деловые люди, которым покровительствовал Сулла. Горожане закладывали театры, гимназии, укрепления, гавани и другое общественное достояние. Когда деньги наконец были собраны, «несчастьями была исполнена Азия до предела», — не выдержав, пишет Аппиан.

В довершение бедствий на побережье стали нападать пираты. Вероятно, в морские разбойники ушли бывшие воины Митридата, многие рабы, а еще наемники, что остались без дела. Они обосновались в Киликии и на островах Архипелага и оттуда совершали вылазки в провинцию Азия. Их набеги оказались столь удачны, что пиратская республика разрослась и стала настоящим бичом средиземноморской торговли. Пираты появились даже у берегов Италии. Кончилось тем, что они парализовали снабжение Рима хлебом из Африки и Сицилии, которые тогда считались житницей Римской республики.

Таков был неожиданный исход Первой Митридатовой войны. Можно сказать и так, что победителями в ней оказались... пираты. На глазах Суллы они захватили острова Наксос, Самос, Самофракию, город Клазомены. В одном только самофракийском святилище разбойники нашли сто талантов золота.

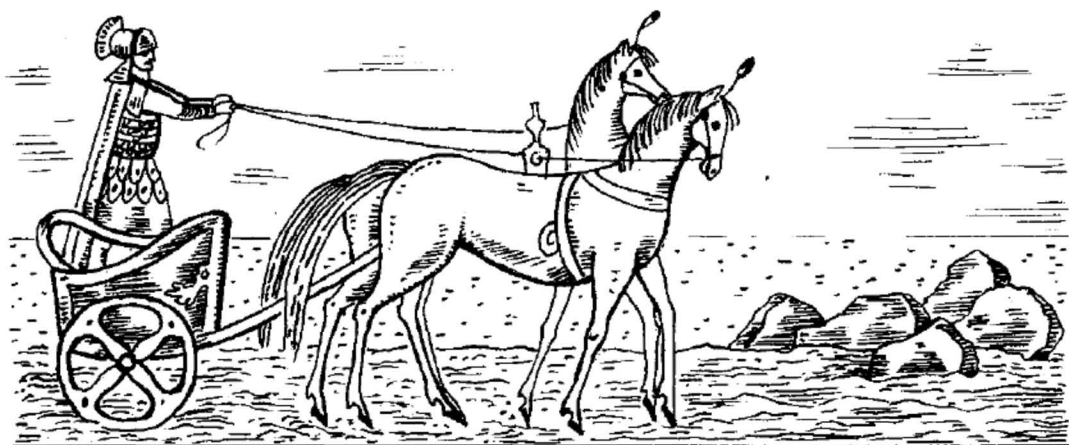
Сулла не имел сильного флота, чтобы расправиться с пиратами. Не было у него и времени: «демократы» в Италии убивали последних его сторонников. Промедлить — означало дать им время закрепиться в Италии. Это никак не входило в планы Суллы, и он отбыл в Италию — навсегда, оставив разграбленную Азию погруженной в «управляемый хаос».

Часть вторая

Понтийская трагедия

Глава 1 Восстановление царства

Вторая война

Малоазийскими делами сначала распоряжался Лукулл. Плутарх его превозносит — он пишет, что Лукулл показал себя не только бескорыстным, но и человечным.

Насчет бескорыстия можно поспорить. После азиатской кампании Лукулл вернулся в Италию богачом. Насчет мягкости — тоже. Сулла отбыл на родину для ведения гражданской войны. Лукулл без сомнений расправлялся с теми, кого тот не успел наказать. Например, с митиленцами, которые когда-то выдали Митридату на казнь римского магистрата Манья Аквилия.

Лукулл, говорит Плутарх, собирался обойтись с митиленцами «мягко», то есть, вероятно, получить выкуп и головы предводителей антиримской партии. Митиленцы заартачились. Тогда Лукулл осадил город. Но осада шла неудачно, и полководец пошел на хитрость. Он притворно отступил, укрывшись в засаде неподалеку. У митиленцев хватило глупости выйти из города и явиться за поживой в опустевший

римский лагерь. Воины Лукулла вышли из засады, перебили 5000 человек, захватили множество пленных и богатую добычу. Такими методами он расправлялся со всем населением Малой Азии.

Когда усмирение непокорных завершилось, Сулла, уже одолевший в Риме «демократов» и присвоивший себе звание диктатора, вызвал Лукулла к себе. Новым наместником в Азии стал Мурена — тоже креатура Суллы, алчный и честолюбивый человек. Он сразу стал прикидывать, как добить Митридата. Однако понтийский царь оказался ему все же не по зубам. Митридату осталось править еще двадцать лет. За эти годы неукротимый потомок перса Отана нанесет немало поражений римским войскам.

Проблем после войны у Эвпатора было много. Начались заговоры. В одном из них оказался замешан сын царя — Митридат Младший. Не исключено, что за спиной заговорщиков стояли римляне. Как бы то ни было, их вовремя раскрыли и казнили. Эвпатор не пощадил собственного сына.

Тогда же против Митридата VI восстали независимо друг от друга Боспор и Колхида. Их жители не хотели разделять с понтийским царем ответственность за поражения в далеких краях. Предстояло выплатить огромную дань римлянам — колхи и боспорцы решили: пусть Митридат платит один.

Оба восстания поддержал Мурена. Он «издевательски», как пишет Аппиан, искал повода для вмешательства во внутренние дела Понта, чтобы уничтожить Эвпатора. В распоряжении Мурены были, правда, всего два легиона бывших фимбрианцев. Но он возлагал надежды на «пятую колонну» в самом Понтийском царстве.

Митридат пошел усмирять Колхиду. Колхи без особой борьбы сложили оружие и попросили поставить царем сына Эвпатора. Просьба была удовлетворена. Однако Митридат заподозрил, что сын изначально был в сговоре с повстанцами и захотел отложиться от отца. Такое вполне вероятно. Тем более что рядом имелся римский «друг», готовый помочь принцу добиться свободы в борьбе с отцом-тираном. Разобравшись в ситуации, Митридат схватил сына, заковал его в золотые цепи, а через некоторое время казнил.

Против боспорцев он задумал морскую экспедицию. Началось строительство огромного флота. Из всех уголков страны собирали войска. Вербовали наемников. Размах приготовлений заставлял предполагать, что мобилизацию ведут на все случаи жизни: не только против Боспора, но и против римлян, если это потребуется.

В самом Понте тоже не все было спокойно. Митридат поссорился с Архелаем, заподозрив, что Архелай подкуплен римлянами. Доброжелатели заронили в душу Митридата сомнения насчет Херонейской битвы — не проиграл ли ее Архелай намеренно? Наконец, Архелая стали обвинять в том, что он предложил римлянам на мирных переговорах больше, чем нужно.

Полководец прекрасно понимал, чем грозят подобные обвинения. В стране, которая представляет военный лагерь, — расправа короткая. К тому же не исключено, что Архелай действительно вел тайные переговоры с римлянами. Так или иначе он не стал дожидаться разбирательства и бежал к Мурене, после чего превратился в яростного врага Митридата. Выслуживаясь, понтийский предатель выдал Мурене все военные секреты своего господина и побуждал римлян скорее напасть на Понт.

Римский наместник не нуждался в таких уговорах. Он и сам жаждал войны. Повод искать было не надо. Ведь Митридат оставил за собой часть Каппадокии вопреки условиям мира. И Мурена без лишних слов вторгся в Каппадокию, а оттуда напал на понтийский город Коману. Город был захвачен, а в нем взят богатый храм. Эвпатор немедленно отправил послов, которые выразили недоумение: почему римляне ведут войну, если заключен мир? Мурена в свою очередь изумился. Договор? Лично он никакого договора не видел.

Это была правда. Имели место устные договоренности. Сулла поручился честным словом, что выполнит свою часть условий и удалится из Азии. Клятву он сдержал, но на его полководцев она не распространялась. Митридат стал жертвой римского вероломства.

Конечно, никакие письменные договоры не могли удержать римлян от провокаций, если уж они решились на войну. Но это не меняет главного: Митридат совершил крупную

ошибку, ограничившись устными договоренностями и не закрепив их документально.

Мурена закрепился в Каппадокии и стал совершать оттуда набеги на понтийские земли. Так началась Вторая Митридатова война. На дворе стояла зима 83 года до н. э.

Митридат отправил в Рим к Сулле послов с жалобой на поведение Мурены. Последний уже разграбил 400 деревень, собрал большую добычу и вернулся домой, переправившись через реку Галис.

Через некоторое время к Мурене прибыл посол сената Калидий. Этот человек сделал заявление в присутствии легионеров и греческих туземцев, что сенат, мол, велит воздерживаться от нападения на Митридата, потому что с ним заключен мир. Вроде бы инцидент исчерпан? Но после этого Калидия видели мирно беседующим с Муреной. Разведчики доложили Митридату об этих частных разговорах, сразу после которых Мурена повторил вторжение в понтийские земли. Было очевидно, что в тайных инструкциях Мурене предложили прощупать силы Митридата, и если возможно — разбить возрождающееся войско понтийского царя.

Митридат прекратил переговоры. Он велел верному Гордию напасть на римские деревни к западу от реки Галис. Гордий забрал множество рабочего и вьючного скота, похватал простых людей и даже легионеров из войска Мурены. Словом, набег имел полный успех. Затем каппадокиец вернулся на восточный берег реки и стал лагерем, препятствуя Мурене переправиться через нее.

Полк Гордия был лишь авангардом понтийского войска. Позади шла главная армия под началом самого Митридата. Возле своего дома царь предпочитал воевать сам.

Мурена переправился было через Галис, но подошедший Митридат разбил его и отбросил за реку. Затем Эвпатор, в свою очередь, перешел Галис, преследуя отступавшего неприятеля. Мурена укрылся на хорошо защищенном холме. Понтийцы штурмовали его и нанесли римлянам большие потери. Мурена бежал с остатками войск во Фригию. Он двигался горными тропами под стрелами преследующих врагов, пытаясь только сохранить жизнь. Ему с трудом удалось спасти малые крохи побитых легионов.

Молва о блестящей победе Эвпатора быстро разнеслась повсюду. После того как полководцы Митридата были несколько раз биты в предыдущей войне, военный успех самого царя произвел большое впечатление. Греки из тех, что были обижены римлянами, снова стали видеть в понтийском базилевсе своего спасителя.

Митридат заставил бежать из Каппадокии все гарнизоны Мурены и присоединил эту страну к своему царству. Никчемный Ариобарзан опять эмигрировал. Без помощи римлян он был не в состоянии удержаться на престоле.

Митридат в честь победы принес жертву, как пишет Аппиан, Зевсу-Воителю. Не скрывается ли под именем этого бога Митра?

Жертву приносили на холме, который был увенчан высокой деревянной конструкцией. Митридат и его дети принесли на вершину дрова и сложили их в круг. Затем внутри круга выложили дровами еще один; получился как бы зрачок (Солнце — глаз Митры). На самый верх Митридат возложил молоко, мед, вино, масло и «всякие курения». А на равнине приготовил угощение для гостей: хлеб и приправы. Аппиан пишет, что подобного рода церемонии практиковали древние иранцы. И вправду, нечто похожее описано у Геродота в его «Музах».

Костер, разложенный на вершине, был подожен. Аппиан утверждает, что огонь видели за тысячу стадий (стадия — 185 метров). Затем начался пир.

Трудно сказать, что означала эта церемония. Вероятно, войну насмерть. Недаром же Аппиан называет бога, которому приносили жертву, Зевсом-Воителем.

К тому времени до Суллы дошли вести о поражении Мурены. Он только что покончил со смутами внутри страны, перерезав многие тысячи сограждан в ходе, и не имел ни сил, ни желания для новой большой войны.

Он отправил в Азию верного соратника — Авла Габиния. Тот вез Мурене приказ: прекратить военные действия и не нарушать договор. Условие мира было одно: чтобы Митридат вернул Каппадокию Ариобарзану. Мурена не возражал.

После разговора с Муреной Габиний отправился к Митридату. Понтийский царь тоже был согласен. Мир скрепили браком. Митридат выдал замуж за Ариобарзана свою четырехлетнюю дочь. Но отправилась в Каппадокию она не одна, а с войском, которое, скорее всего, возглавлял неизменный Гордий. То есть по факту Митридат все же захватил Каппадокию. Разница была лишь в том, что теперь он гарантировал личную безопасность Ариобарзану. А римлянам позволил сохранить лицо. Вторая война с римлянами закончилась полной победой Митридата (82 год до н. э.).

По случаю мира и свадьбы Эвпатор устраивал мощные пиры. Он «угощал всех и назначал денежные награды за лучшие тосты», пишет Аппиан. Один только Авл Габиний чувствовал себя чужим на этом празднике жизни, сидел с угрюмой физиономией и не прикасался ни к чему. Рим был унижен.

Митридат и Серторий

Пользуясь миром, Эвпатор вплотную занялся делами Боспора, который, как мы помним, сделал попытку от него отложиться. Понтийские войска под началом Неоптолема высадились в Крыму и застали там крайне сложную ситуацию. В страну с севера и востока вторглись некие племена — вероятно, это были остатки скифов и прикубанские народы.

Подробности войны с ними опять не известны. Ясно лишь, что понтийцам удалось разбить врага в нескольких битвах. Неоптолем закрепился на Крымском полуострове. Его войска вошли в столицу Боспорского царства — Пантикапей. Напомню, Неоптолем приходился братом ставшему предателем Архелаю. Но был вне подозрений и верно служил Митридату. Никакие репрессии его не коснулись.

Царем Боспора в 81 году до н. э. стал сын Митридата Махар. Однако до полного подавления мятежа было еще далеко. Боспорцев продолжали поддерживать окрестные племена. Среди них были ахеи, жившие между Горгиппией (Анапой) и Колхидой. Аппиан считает их родственниками древних ахейцев. Возможно, так и было. Видимо, на Кубани следует

искать прародину многих знаменитых арийских народов, например синдов или тех же ахейцев.

Ахеи попытались переправиться в Крым через Боспор Киммерийский (Керченский пролив). Ближайшей их целью был Пантикапей. Однако Неоптолем вовремя атаковал варварские суда и сорвал переправу. Это было очень важно, так как корпус Неоптолема явно уступал численностью противнику. Пантикапей удалось отстоять. Следующие несколько месяцев Неоптолем использовал, чтобы пополнить войска. Возможно, к нему подошли какие-то подкрепления из Понта.

Дождавшись зимы, варвары напали снова. Теперь они попытались перейти Боспор Киммерийский по льду, но в этом не преуспели. Неоптолем вывел против них всю свою армию и выиграл «ледовое побоище». Особенно отличилась понтийская конница. После этого он добил восставших боспорцев и полностью восстановил контроль Понта над Боспором.

Одновременно Митридат попытался ударить на Кубань из Колхиды. Но поход против ахеев и других прикубанских племен закончился для Эвпатора плачевно. Сначала пришлось идти по буйным субтропическим лесам, затем по степи и наконец гоняться за врагами в прикубанских плавнях. «Потеряв две трети войска в сражениях, от мороза и засад», констатирует Аппиан, царь возвратился обратно. Он тотчас отправил послов в Рим для того, чтобы прощупать почву и продлить мир, потому что нуждался в передышке для восстановления численности своих поредевших войск. Это произошло уже после смерти Суллы, в 78 году до н. э.

Ариобарзан тоже действовал. Его люди встречались в Риме с сенаторами, предлагали взятки и склоняли влиятельных людей к тому, чтобы они помогли Каппадокии освободиться от понтийской зависимости. Обо всем этом Митридату доносили верные люди.

Однако после смерти диктатора дела Рима пришли в упадок. Повсюду были разброд и шатание. Страна находилась на пороге новой гражданской войны. Ссориться с Митридатом римляне сочли нецелесообразным.

Эвпатор чуял слабость римлян, но сам был недостаточно силен. Поэтому он решил наказать каппадокийцев чужими руками. К этому времени его зять и союзник Тигран Вели-

кий значительно расширил границы Армении — он захватил Верхнюю Месопотамию, затем уничтожил Сирийское царство Селевкидов, отбросил парфян, утвердился в верховьях Евфрата. Все это происходило, пока Митридат вел тяжкие войны с Римом.

Эвпатор в очередной раз предложил Тиграну напасть на Каппадокию. Тот не заставил себя упрашивать. И Каппадокия опять была основательно разорена.

Аппиан пишет, что Тигран вывел оттуда 300 000 человек, которых поселил в новой столице — Тигранокерте. Но более вероятно, что массовый угон произошел гораздо раньше: города не возводят так быстро. Во всем остальном историк, похоже, точен. Каппадокия действительно подверглась очередному армянскому погрому. Римляне наблюдали происходящее, но ничего не предпринимали. После этого в Малой Азии четыре года царили мир и покой. Митридат особого внимания к себе не привлекал и постепенно наращивал силы.

В очередной раз равновесие было нарушено в 74 году до н. э. Умер вифинский царь Никомед IV. То ли по собственной почину, то ли под нажимом римлян он завещал свое царство Римской республике. Так римские владения неожиданно оказались под боком у Митридата.

Это совпало по времени с очередной гражданской войной в Риме. Римский военачальник Квинт Серторий взбунтовал Испанию, собрал на Пиренеях сенат, мобилизовал легионы и повел войну против «оптиматов», как называли аристократических соратников Суллы. Сертория поддержали иберийские и кельтские племена, населявшие Пиренейский полуостров.

В поисках союзников Серторий начал переговоры с Митридатом. Эмиссары Сертория — Луций Магий и Луций Фанний — прибыли в Понт и посулили Эвпатору власть над всей Малой Азией, если он нападет на «оптиматов». Эти льстецы уподобляли Митридата Пирру, а Сертория — Ганнибалу. Если двое столь великих людей объединятся между собой, алчному Риму — конец. Странно было слышать такие речи от двух римлян.

Осторожный Эвпатор направил своих людей в Испанию, чтобы те на месте разобрались, стоит ли сотрудничать с Серторием.

Серторий торжественно ввел посланцев Митридата в свой сенат и начал переговоры. Сенаторы пообещали отдать Эвпатору Пафлагонию, Фригию, Галатию, Азию, Вифинию. Правда, Серторий возразил им, сказав, что он не против передачи Митридату Вифинии и Каппадокии, тем более что ни та, ни другая никогда не входила в состав Рима. Но Азия должна остаться за Римом, поскольку досталась ему наизаконнейшим путем по завещанию последнего пергамского царя.

Митридат был изумлен, когда ему донесли об этом. Царь сказал придворным: «Какие же требования предъявит Серторий в случае победы, если теперь, загнанный к самому Океану, устанавливает нам границы?..»

Тем не менее на переговорах удалось достигнуть соглашения. Понтийские дипломаты приняли все условия Сертория. В конце концов, глупо было отказываться от предложенных уступок. Договорились, что Серторий пришлет полководца и нескольких военных советников в Понт. Митридат высоко ценил выучку и боевую тактику римлян и хотел обучить часть своих солдат сражаться по римскому образцу.

Со своей стороны Эвпатор обещал прислать в Испанию внушительную сумму в 3000 талантов, а также 40 кораблей.

Еще одним его союзником стали пираты, обосновавшиеся в Киликии, на греческих островах и на Крите. Значительную часть их составили понтийские моряки, участвовавшие в прошлой войне. Кроме того, как уже говорилось, в пираты уходили беглые рабы, которых Сулла пытался вернуть хозяевам, сочувствующая понтийцам городская чернь и прочие сторонники Эвпатора. Немудрено, что искатели удачи откликнулись по первому зову царя.

Советники из Испании прибыли в Понт достаточно быстро. Главным из них Серторий назначил Марка Вария — одноглазого вояку, который ненавидел сторонников Суллы и готов был сражаться против них бок о бок с врагами Рима. Варием его называют Аппиан. Согласно Плутарху, полководца звали Марк Марий. У одного из наших авторов в текст вкралась описка; в итоге мы не знаем имени военачальника, но большинство историков пишет — Марий. В качестве военных советников отправились также двое Луциев — Луций Магий и Луций Фанний.

Вскоре после этого Митридат решился на третью войну с римлянами. Она стала для него последней. Эвпатор потерял в ней престол и жизнь, но сама гибель царя была освещена блеском славы.

А имелся ли у него выход? Эвпатор прекрасно видел, какова цена римским обещаниям. Понимал, что лишь только римляне уладят внутренние дела, они возьмутся за него и уничтожат Понтийское царство. Представилась возможность нанести превентивный удар. Почему бы и нет? Смерти царь не боялся. Но, как истинный митраист, стремился к победе над врагом, если была хотя бы ничтожная возможность.

И вот маленький Понт начал новую войну против огромной Римской республики. Это выглядит так, как если бы современные турецкие города Трабзон и Синоп, расположенные на территории, которую когда-то занимал Понт, напали на Италию и Грецию и стали одерживать победу за победой.

Глава 2 Третья война

Подготовка к войне

Третья Митридатова война началась в 74 году до н. э. В этом же году на Везувий бежали из Капуи 78 римских гладиаторов, которых возглавлял знаменитый фракиец Спартак. В Италии занялось пламя мощного восстания. Оно вылилось в настоящую войну с рабами, которая длилась несколько лет. Рим и вправду едва не погиб.

Еще раз признаем, что Митридат выбрал очень удачный момент для начала военных действий. Да и подготовился он хорошо. Недаром Третья Митридатова война, несмотря на то что Рим в конце концов сумел противопоставить понтийскому царю весьма серьезные силы, длилась целых десять лет.

Подготовка Эвпатора к военным действиям подробно описана античными авторами. Понимая, что борьба пойдет на смерть, он хотел предусмотреть все детали. Остаток лета 75 года до н. э. и всю следующую зиму Митридат заготавливал лес, строил корабли, запасал оружие. Не забыл и о продовольствии. Он собрал 2 миллиона медимнов хлеба. Вероятно, ос-

новным поставщиком зерна было Поднепровье. Плутарх говорит, что мечи он приказал ковать «по римскому образцу», то есть взял за образец гладиусы, состоявшие на вооружении у легионеров. Готовили длинные щиты-скутумы, которые хорошо защищали тело, а коней подбирали хорошо выученных. Помимо обычной кавалерии царь вооружил 100 серпоносных колесниц.

Велась основательная дипломатическая работа. Царь договорился о союзе с горцами-халибами, жившими к востоку и югу от Трапезунда, и с Тиграном Армянским. Скифы и тавры в степном Крыму находились в зависимости от Понта, поэтому прислали войска по первому требованию. Митридат помирился с кубанскими ахеями, а попутно смог перетянуть на свою сторону и другие тамошние племена: гениохов и белых суров. Удалось найти общий язык с сарматами. Жившие по Днепру «царские» сарматы (вероятно, это роксоланы) вступили с Эвпатором в союз и поставляли ему наемников. Присоединились еще два сарматских племени: языги и кораллы. На Дунае друзьями понтийцев были фракийцы и бастарны, с которыми Митридат сносился давно и откуда получал наемников. Образовалась мощная коалиция. Но ее поджидала беда всех коалиций — несогласованность действий.

По сведениям Аппиана, Эвпатор собрал крупную армию — 140 000 пехоты и 16 000 конницы (не считая носильщиков, проводников, купцов, маркитантов). Думается, эта цифра все же завышена, даже если предположить, что она включает не только полевые войска, но и гарнизоны в Боспоре, Колхиде, Ольвии. При наличии столь многочисленной армии возникают три проблемы: снабжение, вооружение и оплата. Первые два вопроса были успешно решены: оружие заготовлено, хлеб запасен на годы вперед. Проблема оплаты наемников разрешилась через систему союзов. Это значит, что вышеперечисленные племена не брали с Митридата денег или почти не брали, а сражаться готовы были за одну лишь добычу. Но тогда возникает следующий вопрос: насколько заселены были сам Понт, а также вассальные и союзные области: Боспор, Колхида, Приднепровье, Кубань? Другими словами, способны они были выставить сотысячную армию? Особенно если учесть, что часть войск следовало оставить для

обороны собственных рубежей? Точного ответа на эти вопросы нет и не будет.

Главными полководцами Митридата были Диофант, который прославился первой боспорской экспедицией, Таксил, известный нам по сражениям в Македонии, и Гермократ. Военным флотом из 400 кораблей командовал Аристоник.

Митридат провел маневры флота, совершил жертвоприношение Зевсу-Воителю, а в честь Посейдона бросил в пучину двух белых коней. После этого решил, что к войне все готово.

Жребий брошен

Боевые действия начались весной 74 года до н. э. одновременно в Европе и Азии. На Балканах римлян атаковали фракийцы и дарданы. Римский наместник Македонии Скрибоний Курион отразил их нападение и перешел в контратаку. Македония была спасена для римлян, хотя ни дарданы, ни фракийцы им не покорились.

В Иллирии наместник Косконий уже два года вел упорную войну с местными племенами. Если про дарданов мы точно знаем, что их нападение связано с Митридатовой войной, то про иллирийцев таких сведений нет. Однако, учитывая грандиозный размах дипломатии Эвпатора, было бы странно, если бы он обошел вниманием иллирийцев, которые уже воевали с Римом.

Второй театр военных действий располагался на Пиренеях. Римляне сосредоточили там крупные силы под началом выдающегося полководца Гнея Помпея Магнуса (Великого). За год до этого он потерпел от Сертория поражение, был тяжело ранен и едва не попал в плен. Однако все быстро поменялось. Сертория задавили числом. Римляне стали покидать Квинта и переходить на сторону Помпея. Им не нравилось, что армия Сертория становится все более испанской, а сам он превращается в «варварского» царя. Помпей начал наступление на Сертория. Впрочем, эта борьба продолжится еще пару лет, прежде чем Серторий будет предан своими и убит, а его армия — капитулирует.

Третий фронт — Малая Азия. Здесь войска Митридата перешли в наступление против римлян. Понтийские стратеги Таксил и Гермократ вторглись в Пафлагонию.

К войску на границу прибыл сам Митридат. Он произнес речь, чтобы вдохновить солдат и объяснить цели войны. Царь начал свое выступление, прославляя предков и восхваляя себя, сказал, что сделал маленькое Понтийское царство крупной державой и ни разу, командуя войсками, не потерпел поражения от римлян. А поражения от римских полководцев терпели его несчастливые военачальники. Затем в его речи прозвучали любимые обвинения римлян во взяточничестве и жадности. Под гнетом этих гнусных людей стонет вся Италия и Греция, говорил Эвпатор.

О последнем договоре с римлянами Митридат сообщил, что римляне не желают оформить его письменно. А все для того, чтобы выждать момент и вновь напасть на Понтийское царство. Вину за начатую войну Митридат всецело возложил на римлян (хотя напал первым; однако не будем судить базилевса строго, он верно оценивал ситуацию и всего лишь нанес превентивный удар). Он сказал, что готов сражаться до полной победы, для которой есть все предпосылки. Армия Понта сильна, у нее в достатке оружия и прочего снаряжения. К тому же римляне отвлечены двумя серьезными войнами. В Испании сражается Квинт Серторий. В самой Италии начался бунт — речь шла о восстании Спартака.

По Аппиану, завершил он свою речь следующим образом: «Разве вы не видите, — сказал он, — показывая на Вария и на обоих Люциев, — что лучшие из них — враги своему отечеству и союзники нам?»

«Сказав так и воспламенив свое войско, — пишет Аппиан, — царь напал на Вифинию». Наместником этой римской провинции был Марк Аврелий Котта. Вероятно, талантливый финансист, в военных делах он оказался человеком неопытным. Не принимая сражения, Котта бежал в Халкедон, и Вифиния досталась Митридату без боя. Ограбленный римлянами народ с радостью перешел на сторону понтийского царя.

Митридат двинулся вслед за Коттой к Халкедону. Котта даже не попытался остановить грозного царя Понта. Сопровождение оказал начальник морских сил при Котте некто Ру-

тилий Нуд. Он, сняв людей с кораблей, занял укрепленные пункты на равнине перед Халкедоном, но был выбит оттуда понтийцами и ретировался к воротам города. У ворот началась толкотня. Лучники Митридата принялись расстреливать римлян, и, как пишет Аппиан, «ни одна стрела не пропала даром». Стражники в панике захлопнули створки и заперли их на засов. Рутилия Нуда и его офицеров подняли вверх на ремнях. Рядовые, оставленные перед запертыми воротами на растерзание понтийцам, погибли.

Блокада

Корабли Эвпатора в тот же день прорвали заграждения у входа в халкендонскую гавань. Понтийцы напали на стоящие там суда с ополовиненными, волею Рутилия Нуда, командами. Шестьдесят римских кораблей были захвачены, еще несколько — сожжены. Котта и Нуд, бессильные что-либо сделать, наблюдали из крепости за этим разгромом.

Римлян в этот день, по сведениям Аппиана, погибло 3000 человек, в том числе сенатор Луций Маллий. Плутарх называет другую цифру римских потерь — 4000 человек. Митридат потерял два десятка воинов-бастарнов, которые шли впереди. Вероятно, были и другие потери, но их нельзя назвать значительными. Большая часть убитых римлян даже не участвовала в сражении: их просто перестреляли.

Пока шел бой под Халкедоном, корпус под началом стратега Гермократа выдвигался для осады другого важного пункта на пути в Европу — города Кизика. Кизик оказывал помощь Халкедону и препятствовал проходу понтийских кораблей.

В Риме не на шутку встревожились. Азиатские провинции опять могли отпасть. Все понимали, сколь опасен Митридат. Был риск, если позволить ему вторгнуться на Балканы, что Римская республика вообще развалится и погибнет. Нужно было во что бы то ни стало разобщить сколоченную им коалицию и разбить каждого из ее членов поодиночке. Поэтому, несмотря на опасность со стороны Сертория, Спартака, дарданов и иллирийцев, решено было сформировать еще одну армию и направить ее на восток для войны с Митридатом.

Среди римских аристократов возникло соперничество: идти в качестве командующего на богатый Восток для многих казалось заманчивым. Больше всех хлопотал Луций Лициний Лукулл, бывший соратник Суллы. И в конце концов с помощью своих обширных связей, благодаря взятке, он добился, чтобы его назначили наместником Киликии — эта вакансия освободилась после смерти предыдущего губернатора. После этого уже не составило труда провести через народное собрание другое решение — чтобы именно ему, Лукуллу, поручили вести Третью Митридаатову войну. Подобное рвение объяснялось не только честолюбием. Война приносила громадную выгоду римским полководцам. К тому же удачливый командующий мог претендовать на диктаторскую власть в Риме, как показал пример Суллы. Этот пример будет маячить перед глазами всех видных военных вождей эпохи — от Помпея до Цезаря.

Луций Лициний Лукулл набрал один легион в Италии, еще два — за ее пределами и с этими силами прибыл в Малую Азию. Здесь он присоединил расквартированные в регионе два бывших легиона Фимбрии. К тому времени фимбрианцы совершенно разложились, и Лукуллу предстояло заново учить их порядку и дисциплине. Его советником был Архелай — бывший полководец Митридата. Несомненно, этот деятель принес большую пользу Лукуллу. Во-первых, он курировал «политическую разведку», вербовал для римлян сторонников среди понтийцев и вел подрывную работу. Во-вторых, знал местность, в которой немало повоевал, и, следовательно, мог и в самом деле дать ценный практический совет.

Местные города бурлили. Все опять ждали Митридата как освободителя. Еще чуть-чуть — и вспыхнуло бы восстание в его пользу. Но прибытие римской армии резко изменило ситуацию. Греки притихли. Все еще помнили экзекуции, которые учинили Сулла и его ученик Лукулл после Первой Митридаатовой войны.

Луций Лициний быстро замирил Азию. После этого форсированным маршем он прошел через весь полуостров, достиг Киликии и присоединил к своей армии еще два легиона. В итоге в его армии набралось 30 000 пехоты и 1600 кавалеристов. Если отрешиться от басен о невероятной численности

войск Митридата, то можно сказать, что это была довольно крупная армия. Лукулл намеревался выручить Котту, запертого в Халкедоне. Правда, некоторые офицеры советовали ему бросить неудачливого коллегу и ударить по тылам Митридата.

Перебежчик Архелай больше других настаивал на походе в Понт. Он заверял, что стоит Лукуллу появиться в Понтийском царстве, как все оно падет к ногам римлян. Лукулл на это остроумно ответил: «Я не трусливей обыкновенных охотников и не стану обходить зверя, чтобы напасть на его опустевшее логово».

Собрав легионеров, он произнес перед ними нравоучительную речь.

«Мы, — сказал он, — идем выручать Котту, потому что это наш товарищ. Я предпочту вызволить из рук варваров хоть одного римлянина, чем завладеть всем вражеским достоянием!»

Лукулл повел солдат по направлению к Халкедону и Кизику.

Дальнейшее описание войны у Аппиана и Плутарха несколько разнится. Первый обобщает события, второй развлекает читателя всякими диковинками и за счет этого сообщает больше деталей.

Лукулл и Котта

Митридат отправил навстречу Лукуллу четыре корпуса под общим началом Вария.

Став лагерем в виду вражеских войск, Лукулл был поражен их многочисленностью (Аппиан дает очередную фантастическую цифру в 300 000 солдат, собранных Митридатом). На самом деле под командой Вария было 40 000 пехоты и 5000 конницы. Но все-таки понтийская армия численно превосходила римскую.

Кроме того, Лукулл был шокирован тем, что увидел вместо варварской орды стройные манипулы и когорты, вооруженные на римский манер. Как мы помним, Митридат потратил много сил, чтобы модернизировать войско. Психологический

эффект был велик. Лукулл впал в уныние и стал уклоняться от боя.

Военный инструктор Митридата — Марк Варий — считал себя на пороге победы. Плутарх пишет, что он обладал сильным влиянием на царя. Когда Варий въезжал в захваченные города Пафлагонии и Вифинии, «Митридат уступал ему первенство и следовал за ним, добровольно принимая облик подчиненного». Похоже, Марк был решительным человеком. И милосердным: по словам Плутарха, он всюду даровал захваченным городам вольности и свободу от налогов. Все это делалось именем Сертория. Измученные поборами, коррупцией и жестоким отношением, жители азиатских провинций готовы были буквально молиться на своих освободителей.

Варий стремился дать решающее сражение и всячески вынуждал к нему Лукулла. Враги сошлись 20 августа 74 года до н. э. «Это случилось во Фригии, — пишет Плутарх, — около места, которое называют Отрия». Лукуллу не оставалось ничего иного, как принять вызов Вария. В противном случае тот просто осадил бы римлян в их лагере.

Войска уже готовились биться, пишет Плутарх, «как вдруг, совершенно внезапно, небо разверзлось и показалось большое огненное тело, которое несло вниз, в промежуток между обеими ратями; по виду оно более всего походило на бочку, а по цвету — на расплавленное серебро». Всякие знамения и приметы — излюбленные вещи Плутарха. На сей раз он описывает шаровую молнию.

Враждебные армии сочли это плохим предзнаменованием и разошлись в разные стороны. Понтийцы отошли к Халкедону, где столкнулись с войсками Котты. Вдохновленный Котта атаковал понтийцев. В битве участвовали также крупные силы из Кизика. Но Митридат (или Варий?) опять доказал, что умеет командовать и сражаться. Он принял бой и учинил римлянам и их союзникам разгром. Котта потерял 16 000 человек из своей 20-тысячной армии. Его флот был уничтожен полностью. Доля кизикенцев в этих потерях составила 4000 пехоты и 10 боевых кораблей.

Тем временем к Халекдону подошли легионы Лукулла. Десятого сентября 74 года до н. э. он разбил лагерь напротив понтийцев.

Лукулл действовал по методу великого Суллы — отделился от армии Митридата рвами и перерезал пути подвоза припасов. От пленных Лукулл знал точное число воинов врага и сколько продовольствия они имеют. Без труда вычислив, что запасов еды противнику хватит дня на четыре, Лукулл решил не спешить с битвой и взять Митридата измором. Тот, поняв, что рискует попасть в весьма сложную ситуацию, решил отвести войска и форсированным маршем направился к Кизику. Он выступил темной и ненастной ночью, а на рассвете уже расположился под городом, у горы Адрастии.

Лукулл последовал за ним. Он разместился лагерем возле деревни под названием Фракия. Она господствовала над дорогами, по которым Митридат получал продовольствие. Своим приближенным Лукулл пообещал одолеть неприятеля вообще без боя и, как мы скоро узнаем, слово сдержал.

Кизик расположен на узком перешейке. Блокировать его Митридату не составляло труда. Но узость перешейка создавала дополнительные трудности и для самих понтийцев: их тоже было легко отрезать от снабжения. Что и решил сделать Лукулл. Выставив на дороге заслоны, он велел собрать в окрестностях все съестное, до последнего зернышка, и свезти в свой лагерь.

В это время Митридат стал жертвой нового предательства. Серторианец Луций Магий решил перебежать к Лукуллу, но прежде хотел заслужить у римлян прощение. Он снесся с Лукуллом и стал на него шпионить, а Митридату советовал заняться Кизиком и не обращать внимания на римлян. Два легиона Фимбрии, заверял изменник, уже готовы перейти на сторону Понта. Следовательно, после взятия Кизика с Лукуллом можно будет справиться без особых проблем.

Митридат промедлил, а Лукулл в это время укрепился на своих позициях. Эвпатор оказался в ловушке.

В тупике

Царь окружил Кизик с суши, занял флотом пролив, отделяющий город от материка, и повел осаду. Кизикенцы храбро защищались. Они ничего не знали о местонахожде-

нии Лукулла, хотя и видели вдалеке его лагерь. Однако хитрые понтийцы сделали все, чтобы уверить их, что это мидийские и армянские войска, присланные Тиграном Великим на помощь базилевсу!

Осажденные были в ужасе от того, какое множество врагов окружает их. Многие говорили, что даже если бы Лукулл пришел на выручку, то не смог бы одолеть столь большую армию.

Однако разведка Лукулла, которую возглавлял изменник Архелай, не сидела сложа руки. В Кизик проник агент Архелая, Демонакт, и сообщил, что Луций Лициний стоит в двух шагах и это его лагерь виден со стен Кизика. Горожане не поверили. Они сочли, что Демонакт просто хочет поднять их боевой дух. Начались колебания — не сдать ли?

Но тут явился еще один вестник — мальчик, вероятно, тоже агент Архелая, — сумевший просочиться через боевые порядки понтийцев. Его спросили, где Лукулл. Мальчик решил, что над ним подшучивают. Когда выяснилось, что горожане ни о чем не догадываются, юный гонец засмеялся и показал рукой на лагерь Луция Лициния Лукулла. Так что горожане наконец поверили, что их положение не так уж и плохо.

Эвпатор готовился к решающему штурму. Он окружил город рвами, а гавань отделил двойной стеной, воздвиг много насыпей, изготовил большое количество осадных машин, башен и «черепак» для таранов — словом, действовал в лучших традициях школы Деметрия Полиоркета — признанного авторитета в области осадного искусства.

Прежде чем отправить воинов на штурм, царь велел подвести к стенам 3000 пленников из Кизика. Простирая руки, они молили сограждан сдать город. Стратег Писистрат, командовавший обороной Кизика, приказал ответить, что пленным следует терпеливо переносить свою участь, раз уж они позволили врагу захватить себя.

Митридат начал атаку с моря. Он направил против оборонявшихся плавучую башню, которая держалась на двух кораблях. Башню удалось придвинуть к стене и перебросить с нее мост. По нему в город успели ворваться несколько понтийцев. Однако кизикенцы сбросили их со стены. В башню принялись метать огненные снаряды, и понтийцы отвели ее от берега.

Почти в одно время с этим Эвпатор двинул по суше осадные машины. Кизикенцы попали в тяжелое положение, они были вынуждены защищаться сразу во многих местах. Тем не менее они держались. На вражеские «черепахи» осажденные бросали сверху огромные камни, петлями отклоняли удары таранов или ослабляли их силу, опуская перед ними плетеные корзины. Словом, проявили чудеса храбрости и находчивости.

Тем не менее к вечеру понтийцы пробили часть стены, и, хотя ночью защитники города заделали пролом, было ясно, что долго им не выстоять. Утром Митридат собирался повторить приступ.

Но внезапно налетела сильнейшая буря. Она повредила часть осадных машин и даже повалила одну башню. Советники стали наперебой уговаривать царя снять осаду города, который «находится под защитой богов». Аппиан пишет, что кизикенцы на радостях вылепили из хлеба корову, чтобы принести ее в жертву Зевсу — покровителю города. Но тут вдруг «черная корова приплыла к ним из моря и, пройдя через запоры гавани, вбежала в город и сама совершила путь в святилище и стала у жертвенника». В общем, ясно, что боги и в самом деле покровительствовали городу. «Приплывшую» корову закололи, сожгли кишки, а мясо отварили и устроили пир.

Однако упорный Эвпатор уходить не желал и все знамения отверг. По его приказу воины соорудили новые осадные машины, подкопами расшатали стены и башни. Но войти в город им все равно не удавалось.

Царь сражался с двумя врагами. Первый враг — это люди, их Митридат был в состоянии победить. Второй враг — голод. Против него царь оказался бессилён. Его кавалерия приходила в негодность, поскольку от бескормицы дохли кони. Плутарх утверждает, что в понтийском войске доходило до людоедства. О том же пишет Аппиан.

Тем временем Лукулл не стремился к внешнему блеску и просто работал на результат. Он методично продолжал блокаду. Попутно римский военачальник продолжал разорять окрестности и брать населенные пункты, не желавшие подчиняться римлянам. Один из городков оказал особо яростное сопротивление, и Лукулл решил ударить по нему самыми бое-

способными частями, для чего отвел их с перешейка. Этим немедленно воспользовался Митридат, который уже понял, что попал в западню и искал случая из нее выбраться.

Как только разведка донесла, что заслон на дороге ослаблен, царь решил вывести из-под Кизика конницу. Ей было приказано уходить в Вифинию вместе с обозом и небоеспособными частями пехоты. Шли круглым путем — в Троаду, надеясь таким образом обмануть римлян. Дело было зимой, неожиданно выпал нечастый в этих краях снег.

Узнав о бегстве противника, Лукулл повернул свои отряды обратно, дал людям отдохнуть несколько часов после ночного марша и ранним морозным утром пустился в погоню во главе всей своей кавалерии и десяти когорт пехоты (6000 солдат). Остальные воины остались сторожить Митридата.

В небе клубились тучи, пошел снег — сначала небольшой, затем всё сильнее и сильнее. Римляне попали в снежную бурю. Легионеры выбивались из сил и отставали, но сам Лукулл упорно продолжал преследование врага. Римляне настигли ничего не подозревавших понтийцев у реки Риндак, которая впадает в Пропонтиду километрах в пятидесяти восточнее Кизика. Легионеры с ходу напали на врага, устроили дикую резню, взяли добычу и множество пленных. В римском, как мы знаем, часто преувеличенном исчислении они захватили 15 000 понтийцев. Римлянам досталось 6000 лошадей, множество вьючного скота и верблюдов.

Отправив ради спасения, а на деле оказалось на погибель конницу и обоз, понтийский царь сам стал искать пути отступления. Чтобы отвлечь внимание Лукулла, он ударил по его тылам, сняв для этой цели людей с кораблей. Операцией командовал наварх Аристоник. Но опять римлянам помогла измена, и Аристоник был схвачен. На его корабле Лукулл захватил войсковую казну в 10 000 золотых. Деньги пришлось весьма кстати для выплаты жалованья легионерам.

Аппиан пишет, что наступившая зима мешала снабжать понтийские войска с моря. Сильно штормило. Отрезанная на перешейке армия погибала. Никто не убирал трупы, стала распространяться зараза. Армия умирала и разлагалась, как тяжело больной человек, — без всяких боев.

Митридат понимал, что дело проиграно. Он разделил войско и начал отступление от Кизика. Впрочем, это вовсе не означало, что Эвпатор готов был отдать римлянам стратегическую инициативу. У него возник дерзкий план, граничивший с авантюрой. Царь посчитал, что лучшие римские войска сражаются вне Италии — одни в Испании под началом Помпея, других возглавляет Лукулл. Митридат задумал погрузить солдат на корабли, высадиться на Апеннинах и, соединившись с гладиаторами Спартака, идти на Рим. План был достоин самого Ганнибала.

Но соратники отговорили базилевса от его осуществления.

Авантюра

С частью войск Митридат пошел на запад, разграбил город Приап в Троаде, а затем эвакуировался по морю на остров Парос, находящийся в 240 километрах от Крита.

Другая часть армии, менее поворотливая, попыталась прорваться сушей в Лампсак. Лукулл преследовал ее и настиг на переправе через реки Эсеп и Граник, которые сильно разлились от дождей. Полководец опять взял «множество» пленных и перебил 20 000 солдат противника. Если же считать потери понтийцев целиком, вместе с нестроевыми, сообщает Плутарх, то они достигают трехсот тысяч человек. Страсть римлян к преувеличениям воистину не знает предела.

После этого Лукулл вступил в Кизик, где полководца ждал восторженный прием. Граждане учредили в его честь праздник — так называемые «Лукуллии». Они справлялись на протяжении многих лет. Затем римский полководец двинулся вдоль Геллеспонта в Троаду.

Аппиан насчет битвы на речной переправе высказывается гораздо более осторожно, чем Плутарх, ограничиваясь замечанием, что римляне нанесли понтийцам урон. Вскоре мы узнаем, что «изрубленные» римлянами «300 000 понтийцев» благополучно прибывают в Лампсак.

Несомненно, армия Митридата сильно ослабела. Но это был вовсе не тот радикальный разгром, о котором Лукулл сообщил в Рим. Впрочем, стоит ли особенно винить Лукулла?

Он всего лишь хотел сохранить за собой командование в прибыльной войне. И действовал по правилам, которые были приняты в римском мире: в частности, многократно преувеличивал потери врага и преуменьшал собственные. Точно так поступал когда-то Сулла, а до него — другие полководцы. Римские военачальники хотели заработать авторитет и удержаться в должности: сенат поощрял только успешных вождей.

Лукулл осадил Лампсак. Но Митридат послал эскадру («корабль», преуменьшает Аппиан) и вывез гарнизон вместе с населением из-под носа у римлян — тоже на Парос. Лукулл словно получил щелчок по носу. Эвпатор оставался энергичен и силен, его рано было сбрасывать со счетов.

Одновременно с осадой Кизика разворачивались события в Каппадокии и на юге Малоазийского полуострова. Кампанию здесь начал один полководец — понтиец Диофант (не нужно путать его с Диофантом — покорителем Боспора, о котором мы рассказали выше; это его тезка), а продолжил — другой, Эвмах. «Быстро пройдя по всей Фригии, — сообщает Аппиан, — он убил многих римлян с женами и детьми»; затем напал на галатов, но неудачно. После вторгся в Суровую Киликию, подчинил ее и здесь нашел массу союзников, поскольку киликийские пираты боготворили Эвпатора. Для многих из них он был когда-то царем и начальником. На сторону понтийцев перешли также горные племена — исавры и писиды. Правда, один из тетрархов Галатии, Дейотар, собрал войско и внезапно напал, атаковав понтийцев на марше и нанеся им большой урон. Впрочем, Каппадокия осталась за понтийцами.

Митридат не оставлял мысли о вторжении в Италию, а пока вел морскую войну. Для начала его флот блокировал Перинф и Византий. Сам Эвпатор высадился на Херсонесе Фракийском. Однако действия в этом районе не принесли успеха.

Стратеги — советники царя — увидели в этом лишнее подтверждение, что вторжение в Италию невозможно. Аргументы их были просты: какой смысл идти на такой риск, когда даже на Балканах ничего сделать не удалось? Надобно оборонять Понт, а не искать приключений.

Советников легко понять. В Понте у них были семьи, богатства. Они хотели защищать свое добро от посягательств римлян, не понимая, что лишь стратегия асимметричных ударов может спасти их жизнь и дать шанс сохранить имущество.

Только обороняясь, они были обречены.

Гибель Вария

Только один человек из советников Митридата настаивал на высадке в Италии. Это был Марк Варий. Он брался возглавить десант и разжечь на Апеннинах пламя гражданской войны.

После долгих совещаний решили: сам базилевс остается воевать против Лукулла, оборонять Понт и Вифинию, а Варий плывет в Италию.

Эвпатор дал ему 10 000 отборных воинов и 50 кораблей. Этим корпусом командовали трое — сам Марк Варий, евнух Дионисий и Александр из Пафлагонии. Вскоре они уже захватывали острова в Эгейском море. Идея была выйти римлянам в тыл, овладеть островами Архипелага и перерезать римские коммуникации, а затем плыть в Италию. Сам Митридат Эвпатор с большей частью армии отбыл морем в Никомедию.

Лукулл наверняка знал о планах по высадке Вария в Италии; чем объяснить иначе, что он принял командование морскими силами. Это показывает, как серьезно римский полководец относился к «сумасбродному» плану Митридата. Часть флота Луций оставил себе, а часть отдал под команду навархов. Он даже отложил вторжение в Понт, сосредоточив главные силы против Вария. Митридат получил передышку. Правда, она оказалась короткой, потому что римлянину сильно повезло. Но — обо всем по порядку.

Лукулл повсюду разослал свои корабли, чтобы тревожить врага на побережье. Его наварх Триарий взял Апамею и произвел избиение ее жителей. Апамейцам не помогло и то, что они сбежались под защиту храмов. Другой флотоводец, Барбас, взял город Прусиаду в Вифинии, а затем занял Никею, воспользовавшись тем, что гарнизон Митридата бежал при виде римлян.

Сам Лукулл действовал в Ахейском заливе неподалеку от Илиона. Однажды разведчики заметили в море понтийские пентеры, плывшие к острову Лемнос. Этой эскадрой командовал Исидор, грек на понтийской службе. Лукулл перехватил его в Ахейском заливе и одни пентеры захватил, а другие уничтожил.

Захваченные в плен моряки сообщили потрясающую новость. Оказывается, Исидор шел на соединение с понтийскими навархами Варием, Александром и Дионисием, которые находились совсем рядом, на Лемносе или неподалеку от него.

Лукулл собрал все морские и сухопутные силы, какие только могли оказаться у него в распоряжении, и отправился на поиски Вария. Он нашел его корабли в гавани небольшого островка близ Лемноса. Почти сразу завязался бой. Понтийцы подтянули корабли вплотную к берегу и стали обстреливать римлян. Те несли потери, но сами нанести урон противнику не могли. Римляне находились на качающихся палубах, а понтийцы — практически на твердой земле.

Но так продолжалось до тех пор, пока наконец римлянам не удалось высадиться на сушу и ударить по Варию с тыла. Поняв, что дело плохо, понтийские моряки принялись рубить якорные канаты, чтобы как можно скорее уйти в открытое море. Но корабли Лукулла не давали им сделать это: они таранили вражеские суда и пускали ко дну.

Лукулл отдал своим воинам строгий приказ: не убивать «одноглазых». Это приказание не имело ничего общего с милосердием. Марк Варий был кривой на один глаз. А у римлян считалось важным захватить противника живым, чтобы насладиться зрелищем его казни. Поэтому столь распространены были среди них самоубийства — многие сводили счеты с жизнью, чтобы не доставить врагам радости наблюдать их страдания.

Марк Варий пытался спрятаться в какой-то пещере вместе с евнухом Дионисием и Александром. Когда показались враги, Дионисий выпил яд и умер на месте. Вария и Александра захватили живыми, но если Александра сохранили живым для триумфа, то Варию же, дабы он сполна он претерпел перед смертью поношение и позор, придумали какую-то небывалую казнь. Аппиан молчит о ней. Сообщает лишь, что даже

в его время туристам показывали жертвенник, медную змею, лук, стрелы и панцирь, обвязанный повязками, как воспоминание о страданиях Марка. Лукулл о поимке и казни Вария доложил сенату, причем обвязал свою докладную записку веткой лавра, как было принято при больших победах.

Для Митридата смерть Вария была большей потерей, чем гибель целой армии. Марк оказал ему множество ценных услуг, создал армию и спланировал вокруг себя римлян, враждебных Лукуллу. После его гибели многие римляне стали переходить на сторону Лукулла, считая дело Митридата проигранным. Теперь о вторжении в Италию можно было забыть.

Вскоре последовало еще одно поражение Эвпатора. Легат Лукулла — Триарий — перехватил у острова Тенедос крупную эскадру Митридата, которая состояла из кораблей, вернувшихся из Испании, и критских пиратов. Весь этот флот, последняя надежда Митридата властвовать на море, был захвачен или пошел на дно.

Таким образом, Митридат едва ли не полностью лишился кораблей в Эгейском море. Пиллюлю не могло подсластить даже то, что на сторону понтийского царя перешел со своим войском крупный малоазийский город Гераклея, который долгое время поддерживал римлян, а те оплатили ему, приравняв к сборщикам налогов.

Покончив с Варием, Лукулл обратился против самого Эвпатора. Он рассчитывал настигнуть царя еще в Вифинии. Для этого была отряжена еще одна эскадра — под началом наварха Вокония. Тот получил приказ запереть Митридата в Никомедии.

Однако царь почуял опасность, а Воконий вел себя беспечно. Он увлекся местной религией и пожелал пройти обряд посвящения в таинства, связанные с самофракийскими богами плодородия Кабирами, чьим символом был фаллос. Вероятно, связанные с таинствами мистерии включали в себя экзотичные оргии — они-то и привлекли римского вояку. Пока Воконий пребывал в религиозно-эротическом экстазе, Митридат посадил войско на корабли, покинул Никомедию и ушел на восток. Подоспевшему к городу Триарию оставалось только сожалеть об упущенной возможности одним ма-

хом завершить бурную историю царствования понтийского базилевса.

А Митридат, покинув Никомедию, попал в бурю. Подобного рода бедствия очень любят описывать античные авторы, причем «хоронят» чужих воинов в таких случаях десятками тысяч. Видимо, нечто похожее мы видим в случае с Митридатом.

Аппиан сообщает, что царь лишился 10 000 человек и шестидесяти кораблей. Плутарх, склонный сгущать краски, пишет: «Все взморье еще много дней было усеяно обломками кораблей, которые выбрасывал прибой». Такую же сцену кораблекрушения мы видим в его жизнеописании Пирра, после чего все десятки тысяч утопленников как ни в чем не бывало действуют против римлян и карфагенян. Размеры катастрофы, постигшей Митридата, также наверняка преувеличены.

Ясно, правда, что царский флагман был разбит бурей и Эвпатор вынужден был перебраться на легкое судно морских разбойников, которые — вопреки опасениям приближенных царя — благополучно доставили его в столичную Синопу.

Кабиры

Из Синопы царь переехал в Амис и стал рассылать послов, искать деньги, пополнять армию и приводить в порядок разбитые легионы. Кстати, в этот город еще после Первой Митридатовой войны сбежалось много афинян. Все они жаждали отомстить римлянам и верно служили Митридату. Впоследствии греческий полководец на понтийской службе Каллимах (не исключено, что тоже афинянин по происхождению) будет храбро защищать город от Лукулла.

Одно посольство Митридата отправилось в Армению к Тиграну Великому. Второе — в Боспор, где правил сын Митридата — Махар. Эвпатор просил помощи у того и другого. Третий посол, Диокл, поехал к скифам и сарматам с богатыми дарами и золотом. Однако до холодных берегов Днепра этот дипломат не добрался: он свернул с намеченного пути и перебежал с деньгами к Лукуллу.

Римский полководец победоносно прошел по Вифинии, Пафлагонии и через Галатию вступил в Понт. Митридат отступил в крепость Кабиры, которая лежала на востоке страны в предгорьях Кавказа. Войск при нем почти не было. Имевшиеся отряды царь рассредоточил по городам и крепостям, чтобы задерживать римлян перед каждым населенным пунктом. Помочь собственным крестьянам он не мог. Сельские жители разбегались кто куда.

В начале похода Лукулл терпел недостаток в съестных припасах, но пришло остроумное решение. Полководец приказал «тридцати тысячам» (цифра Плутарха) галатов следовать за легионерами и каждому тащить по медимну зерна для прокорма войска.

Римляне с лихвой вознаградили себя за лишения, когда достигли наконец Понта. Это была богатая и многолюдная страна, совершенно не тронутая «цивилизацией» в лице римских ростовщиков. Легионерам было где разгуляться. Лукулл так нажился, грабя владения Митридата возле Амиса и понтийской Евпатории, что «рабы стали продаваться по четыре драхмы, а бык по одной», пишут Аппиан и Плутарх. Подразумевается, что это очень дешево. Менее ценную добычу вообще бросали или уничтожали, поскольку покупателей не находилось, а тащить ее с собой не хватало ни телег, ни рук.

Разграбив благодатные понтийские долины и разрушив множество деревень, рядовые легионеры стали роптать, что Лукулл избегает городов, где была главная пожива. Особенно это казалось им странным теперь, когда армия Митридата фактически не существовала.

Лукулл же не хотел тратить на осаду городов силы, поскольку считал, что прежде следует уничтожить Митридата, и пропускал ворчание легионеров мимо ушей, а зря. Впоследствии это привело к бунту. Такими вещами, как солдатское недовольство, пренебрегать нельзя.

Офицеры тоже упрекали полководца — в медлительности. Он, мол, занят разорением вражеской земли, вместо того чтобы найти и добить Митридата. Высказывались опасения, что Эвпатор соберет свое рассеянное войско, пополнит его новобранцами и ударит по римлянам. Но этого, собственно, Лукулл и хотел.

Вот как выглядит ход его мыслей в изложении Плутарха: «Это-то мне и нужно, я медлю с умыслом: пусть царь снова усилится и соберет достаточные для борьбы войска, так, чтобы он оставался на месте и не убегал при нашем приближении. Или вы не видите, что за спиной у него беспредельные просторы пустыни, а рядом — Кавказ, огромный горный край с глубокими ущельями, где могут найти защиту и прибежище хоть тысячи царей, избегающих встречи с врагом. К тому же от Кабир всего несколько дней пути до Армении, а в Армении царствует Тигран, царь царей, который со своей ратью преграждает парфянам дорогу в Малую Азию, а греческие городские общины переселяет в Мидию, который завладел Сирией и Палестиной, а царей из рода Селевка предает смерти и уводит в неволю их жен и дочерей. И такой человек — родственник, зять Митридату! Уже если тот прибегнет к его защите, он не оставит его в беде и начнет с ними войну. Как бы нам, торопясь выгнать Митридата из его владений, не связаться на свою беду с Тиграном! Ведь он уже давно ищет предлога для войны с нами, а где же он найдет лучший, чем помочь в беде царственному родичу? К чему нам добиваться этого, зачем учить Митридата, к чьей помощи прибегнуть в борьбе против нас? Зачем загонять его в объятия Тиграна, когда он сам этого не хочет и считает за бесчестие? Не лучше ли будет дать ему время собрать собственные силы и снова воспрянуть духом — ведь тогда нам придется сражаться не с мидянами и армянами, а с колхами, тибаренами и каппадокийцами, которых мы много раз бивали!»

Итак, благоразумный политик не хотел ввязываться в новую войну. Правда, он все же пошел на поводу у легионеров и осадил Амис. Другой римский корпус блокировал город Темискиру, которую называли родиной амазонок в память о каком-то древнем предании. При этом Синопа — столица Понта — осталась в стороне.

Осада Амиса велась очень вяло, хотя, конечно же, когда она началась, никто не думал, что все затянется на несколько лет. Под Темискирой дела, казалось, шли быстрее, но результат получился тот же. Легионеры вновь применили все рецепты Полиоркета: передвижные башни, валы, подземные ходы. Жители отчаянно сопротивлялись. Подземные хо-

ды были вырыты столь широкие и разветвленные, что в них происходили стычки. Со временем горожане придумали гораздо менее затратные способы обороны: они пускали в подземелье то медведей, то диких пчел. Легионеры пасовали перед изобретательностью врага.

Митридат, прочно обосновавшийся в Кабирах, на краю царства, помогал осажденным продовольствием, оружием, людьми и сам собирал войско. В конце концов у него оказалось 40 000 пехоты и 4000 конницы.

Эвпатор приступал к кампании 73 года до н. э. с новыми надеждами. В Италии все сильнее разгоралась война гладиаторов под предводительством Спартака. Опытные бойцы-гладиаторы, привыкшие глядеть в глаза смерти, сумели создать настоящую армию, сражавшуюся на римский манер и вооруженную по римскому образцу. Правда, четкой программы у повстанцев не было. Они бродили по Италии с женами и подругами, громили усадьбы и армии, но опасность для Рима была велика. Если бы Митридат уничтожил римские легионы в Азии, он мог бы считать себя в безопасности. У Римской республики не было сил для того, чтобы набрать новую армию. Во всяком случае, до тех пор, пока в Испании сражался Серторий, а в Италии — Спартак. За это время многое могло измениться. Вот если бы только Митридату удалось отбросить Лукулла...

Весной 73 года до н. э. Лукулл поручил осаду Амиса Мурене Младшему (это был сын того Мурены, который вел неудачную Вторую Митридадову войну), а сам двинулся на Эвпатора.

Понтийский царь выставил сторожевые отряды, чтобы задержать Лукулла и просигналить огнями о его продвижении. Начальником этих разведчиков был человек по имени Феникс, понтиец царского рода. Когда Лукулл приблизился, он, как и было условлено, подал сигнал. А потом... сдался римлянам со всеми людьми. Почему и как это произошло, не известно. Может быть, его окружили. А может быть, взбунтовались солдаты. Или предатель Архелай вступил в переговоры с Фениксом и уговорил выбрать римскую «свободу» вместо понтийского «рабства». Митридату было нелегко сражаться, когда страна кишела изменниками.

Навстречу Лукуллу выступили полки под началом понтийского стратега Диофанта. Но и тут Митридата подстерегало предательство. В состоявшемся сражении на сторону римлян перешли двое — серторианец Луций Фанний, который давно снабжал врага информацией, и военачальник Метрофан, ветеран Первой Митридатовой войны, когда-то соратник Архелая. Очевидно, Архелай не терял времени и упорно вел разрушительную работу в верхушке неприятельской армии.

Лукулл разбил Диофанта, форсировал горы и спустился в долину, где стояла крепость Кабиры. Митридат двинул свою армию навстречу, перешел речку Лик и выстроил войско для битвы. Но вышло так, что пехота в битве участия так и не приняла и на поле боя схлестнулись конные части. Понтийским авангардом командовал храбрый Таксил, бывший завоеватель Македонии. Он сумел увлечь за собой часть фракийской конницы, воевавшей на стороне римлян, и это решило исход сражения.

Приключения этих фракийцев весьма характерны для тех бурных событий. Они сначала сражались за Митридата, затем попали в плен и изъявили желание служить римлянам. В битве при Кабирах фракийцы опять перешли к Митридату и ударили по римлянам.

Попавших в окружение римских всадников спас понтийский перебежчик по имени Олкаба, который вывел их тайными тропами. Аппиан считает его скифом, Плутарх называет дандарием (племя, жившее на берегах Азовского моря). Этот Олкаба некоторое время назад смертельно поссорился с Митридатом на глазах у всех и едва спасся бегством от грозного царя понтийцев.

Один из высокопоставленных офицеров Лукулла, начальник конницы Помпоний, был ранен в той битве и попал в плен. Его привели к Митридату. Аппиан излагает их диалог:

«Чем бы ты мог отблагодарить меня, если я не лишу тебя жизни?» — спросил царь.

«Если бы ты был другом Лукулла, то очень многим; если бы ты остался Лукуллу врагом, то я не буду даже советовать», — ответил Помпоний.

Митридат не причинил никакого зла пленнику. Он действовал согласно кодексу митраиста, которому следовало превыше всего ценить в людях верность и преданность.

После разгрома своей конницы Лукулл побоялся выводить на равнину пехоту. Он хотел обойти Митридата лесистыми перевалами, но понтийский царь всюду расставил заслоны и дозоры. Стычки следовали одна за другой, стороны прощупывали друг друга.

Лукулл топтался на месте.

Поражение

Но тут к Лукуллу привели нескольких греков. Старший из них, Артемидор, пообещал провести римлян через перевал в обход воинов Митридата — да еще в место, нависающее над Кабирами.

С наступлением ночи Лукулл велел, как обычно, развести костры, чтобы обмануть неприятеля относительно своих намерений, а сам тронулся в путь. На рассвете понтийцы увидели, что он разбивает лагерь прямо над ними.

Ни та, ни другая стороны не решались начать сражение. Но случилось так, что воины Митридата погнались за оленем. Наперерез им бросились римляне. Небольшая стычка переросла в сражение, в котором бились насмерть десятки людей. Победа оказалась на стороне царских воинов, которые обратили в беспорядочное бегство римских стрелков-велитов. Тогда когорты тяжеловооруженных легионеров потребовали у Лукулла вести их на битву. Они видели, как бежали велиты, и рвались в бой, чтобы защитить славу римского оружия.

Но Лукулл не решился рискнуть всей армией. Отступивших велитов он наказал тем, что велел им рыть большой ров вдоль ручья, текущего перед римскими позициями. Так он получил нечто вроде полевого укрепления.

Военные действия после этого протекали вяло, не считая того, что через ров и ручей стороны вели ожесточенную перестрелку. Однажды, правда, римляне совершили вылазку, и велиты, желавшие реабилитироваться в глазах Лукулла, обратили понтийцев в бегство. Но из своего лагеря выехал Митридат и стал укорять своих воинов, называть их трусами. Те повернули назад и загнали велитов в горы.

Митридат повсюду разослал известия об этой победе.

Но надежды его на благоприятное для Понта развитие событий были в это время связаны не только с успехами на поле боя. Скиф (или дандарий?) Олкаба на самом деле сохранил верность Митридату. Он проник в римский лагерь, чтобы убить Лукулла и положить конец войне.

Лукулл проникся к нему доверием, допускал его на военные советы, сажал обедать рядом с собой и даже сделал участником тайных совещаний. Однажды во время полуденного отдыха Олкаба прошел к палатке полководца и потребовал, чтобы его впустили к Лукуллу: дескать, он принес важные вести. На поясе у скифа висел обычный кинжал-акинак. Но слуги Лукулла тревожить сон полководца не стали; как пишет Аппиан, они «ответили, что для Лукулла самое важное сейчас быть здоровым».

Похоже, они заподозрили неладное. Олкаба почувствовал это, тотчас вскочил на коня и ускакал к Митридату. Покушение не удалось, но наверняка Олкаба сообщил Митридату многие тайны римлян.

Как бы то ни было, положение Лукулла постепенно ухудшалось. Все сильнее ощущался недостаток продовольствия, и он послал за хлебом в Каппадокию, которая — с отступлением Митридата в Понт — перешла в руки римлян, десять когорт под началом легата Сорнатия.

Узнав об этом, Митридат решил перехватить римский обоз и снарядил конный отряд. Но начальник этого отряда Менандр оказался плохим полководцем. Он встретил римский отряд в теснине и тотчас атаковал, несмотря на невыгодные для себя условия. Римляне успели перестроиться из походной колонны в боевой порядок. Началось правильное сражение, в котором римляне оказались сильнее. Лишь немногие понтийцы вернулись в свой лагерь. Митридату было от чего прийти в расстройство. Там, где он командовал лично, его воины побеждали. Но прочие понтийские военачальники либо оказывались бездарностями, либо предавали — они либо терпели позорные поражения, либо перебежали на сторону неприятеля.

Между тем Лукулл снарядил новую экспедицию за хлебом. Ее возглавлял Адриан. Митридат опять послал конницу, теперь под началом Менемаха и Мирона. Но никто из понтий-

ских всадников не вернулся назад — все они, согласно римским донесениям, которым в этом случае нельзя не верить, погибли в бою с легионерами. Митридат пытался скрыть от войска размеры этой беды. Но когда Адриан торжественно проследовал мимо его лагеря со множеством повозок, груженных продовольствием и прочими припасами, царь впал в уныние. Стало явным то, что он, наверное, понимал и раньше, но в чем не желал себе признаваться: его армия — это всего лишь разношерстное ополчение, плохо подготовленное к сражениям против римских головорезов.

Вышеописанные события позволяют нам высказать одно соображение. Скорее всего, значительную часть войска Митридата составляли крестьяне, бежавшие при появлении римлян из своих деревень; многие из них до этого никогда не держали в руках оружия. Лучшей частью армии являлась конница, но и с ней, как выяснилось, было не все в порядке.

Митридат решил отступить и посвятил в свои планы ближайших друзей, которые вместо того, чтобы заниматься делами службы, стали среди ночи вывозить из лагеря собственное имущество. У ворот произошла давка. Вьючные животные мешали друг другу. Шум разбудил солдат. Началась паника. Среди воинов ходили самые невероятные слухи о вторжении врага. Люди стали разбегаться во все стороны. Сейчас же объявились мародеры, начались драки за чужое добро, брошенное посреди лагеря. Сильные просто отбирали имущество у слабых. Никто никого не щадил. «Полководцу Дорилаю, у которого только и было, что пурпурное платье на плечах, пришлось из-за него погибнуть», — с грустью пишет Плутарх. Это был тот самый Дорилай, что храбро сражался в Беотии во время Первой Митридатовой войны. Тогда он избег смерти, чтобы нелепо погибнуть спустя полтора десятилетия от рук озверевшей солдатни. Попутно затоптали насмерть жреца Гермея, сопровождавшего армию в числе других полковых священников.

Сам Митридат, брошенный на произвол судьбы слугами, смешался с толпой и насилу выбрался из лагеря. Он даже не смог протолкаться к своим коням и бежал пешком. Позднее в толпе бегущих Митридата заметил придворный евнух

и уступил ему свою лошадь. Не случись этого, царь мог сгнуться в этой нелепой и страшной неразберихе.

Римляне быстро заметили панику в понтийском лагере и пошли в атаку. Лукулл приказал ничего не трогать в неприятельском лагере — только убивать. Правда, вскоре выяснилось, что алчность легионеров оказалась сильнее приказа вождя. Но на первых порах он сработал — началась резня. Римляне преследовали беглецов, убивали их и всюду искали царя. Митридат едва не попал им в руки, но, как пишет Аппиан, «те, которые вот-вот должны были захватить самого Митридата, ударив по клади одного из мулов, несшего золото, и увидав посыпавшееся золото, занявшись им, набросились на него и позволили Митридату бежать...»

Легионерам удалось захватить Каллистрата — ближайшего поверенного тайн царя. Лукулл, проезжавший мимо, приказал отвести его в римский лагерь живым — он надеялся узнать от него много интересного. Но легионеры обнаружили у понтийского вельможи на поясе кошелек с деньгами. Каллистрату немедленно выпустили кишки и стали делить деньги. В кошельке оказалось 500 золотых.

Армия Митридата перестала существовать. Сам базилевс и его ближайшие соратники разбежались кто куда. На дворе стоял июнь 72 года до н. э.

Гибель женщин

Всех, кто поддерживал Митридата, охватила паника, никто не верил в победу, эллинистические подданные понтийского царя соревновались в предательстве. Города Понта, большие и малые, сдавались один за другим. Римляне всюду брали огромную добычу, не стесняясь дочиста выгребать все ценное. Митридат правил богатым народом, и люди под его правлением умели приумножить богатство. Но теперь все рухнуло.

В том же 72 году до н. э. были разбиты балканские союзники Эвпатора — фракийцы, греческие города Причерноморья и бастарны. Наместником Македонии в то время был Марк Лициний Лукулл — родной брат Луция. Он нанес несколько

поражений фракийцам, вошел в Добруджу и разбил там племя бессов (тоже фракийское). Затем покорил греческие города на берегу Черного моря, а закончил кампанию на Дунае. После этого Марк Лукулл переправился на Апеннины и успел поучаствовать в разгроме Спартака. Короче, все союзники Митридата были разбиты, а подданные — захвачены и ограблены.

Однако были и такие люди в Понте, кто выиграл благодаря поражению Митридата. Римляне открыли тюрьмы Понта. На свободу вышли заподозренные в измене родственники царя, неблагонадежные вельможи и, как пишет Плутарх, «множество греков». Среди них были поборники «демократии» (то есть римской оккупации), личные враги Митридата и претенденты на трон (опять же римские креатуры) — например, Нисса, сестра Митридата. «Все они считали себя погибшими, — сообщает Плутарх, — и Лукулл мало сказать принес им избавление — он воскресил их и вернул к жизни». Вчерашние заключенные стали героями. Они сделались главной опорой Римской республики в Понте и, разумеется, изо всех сил прославляли римлян.

В сложившейся обстановке многие понтийцы вообще перестали ориентироваться — где правда, где ложь. Рушилось государство, а вместе с ним и привычный мир.

Легионеры приближались к городу Фарнакии. Когда-то он был основан дедом Митридата — Фарнаком на месте греческой колонии Керасунт. Поблизости от Фарнакии, в одном из имений, содержались жены и сестры Митридата. Узнав о приближении римлян, Эвпатор отправил в Фарнакию евнуха Бакхида с несколькими верными людьми. Они должны были избавить женщин от позора и насилия разнузданной солдатни. Бакхид получил от Эвпатора жестокий приказ: убить женщин и девушек, чтобы не достались врагу. Евнух все выполнил в точности: одних женщин отравили, других — задушили.

Среди погибших оказались две сестры царя, Роксана и Статира, засидевшиеся в девицах до сорока лет, а также две жены-гречанки: Береника с острова Хиос и Монима. О том, как царь взял в жены Мониму, мы вскользь говорили выше.

Брак этот не принес гречанке счастья. Она жила в тисках этикета словно в темнице, была лишена всех радостей жизни. Митридат находился то на войне, то на охоте, то в государственном совете. Жизнь его протекала в делах и заботах. Таким образом, вместо мужа Монима получила господина, которого видела очень редко. Это сильно угнетало женщину, но терзаться было поздно. Плутарх не преминул порассуждать по этому поводу о несчастливой судьбе свободной женщины, которая променяла все блага эллинской жизни на брак с варваром-понтийцем. Но Митридат был не меньший эллин и не большой варвар, чем какой-нибудь житель Афин. Женщины в «колыбели демократии», как известно, содержались в большой строгости: жили взаперти и были собственностью мужей, поскольку считалось, что сами они не способны отвечать за свои поступки.

Бакхид велел женщинам самим умертвить себя, выбрав способ, который каждая сочтет самым легким и безболезненным. Монима сорвала с головы царскую диадему (видно, она была на редкость честолюбива, коль скоро не снимала этот атрибут власти), обернула ее вокруг шеи (первые диадемы были не металлические, а шились из материи) и повесилась, но тут же сорвалась. «Плюнув на диадему, — пишет Плутарх, — царица-гречанка отшвырнула ее и подставила горло Бакхиду, чтобы тот ее зарезал. Евнух не заставил себя просить дважды».

Другая супруга царя, Береника, выбрала чашу с ядом, но, по Плутарху, «ей пришлось поделиться им со своей матерью, которая была рядом и попросила ее об этом. Они испили вместе, но силы яда достало только на более слабую из них, а Беренику, выпившую меньше, чем было нужно, отравы никак не могла прикончить, и она мучилась до тех пор, пока Бакхид не придушил ее».

Одна сестра Митридата — Роксана — вообще не хотела умирать. Она выпила яд с громкой бранью и отчаянными проклятиями. У другой сестры, Статиры, «не вырвалось ни одного злого или недостойного ее слова; напротив, она воздала хвалу своему брату за то, что, сам находясь в смертельной опасности, он не забыл позаботиться, чтобы они умерли свободными и избежали бесчестия».

«Лукуллу, — пишет Плутарх, — от природы доброму и человеколюбивому, все это доставило немалое огорчение». Огорчение не мешало, однако, римскому человеколюбиу грабить понтийские города, убивать и обращать в рабство тысячи людей и потакать солдатам, которые насильовали и бесчестили всех подряд.

Военная катастрофа Митридата практически совпала по времени с поражениями двух его западных союзников — Спартака в Италии и Сертория в Испании. В 72 году до н. э. Серторий был убит, и Испания вновь стала римской. Спартака разбил будущий триумвир Марк Красс. Вождь гладиаторов пал в бою. Римская республика была спасена.

На Востоке оставалось добить Митридата.

Две твердыни

Лукулл с главными силами двинулся далее на восток и дошел до Талавр. Базилевс бежал еще дальше, в город-крепость Коману. Не обошлось без приключений. По дороге царь едва не попал в плен к отряду галатов на римской службе, рыскавших в поисках добычи. Но все обошлось. В Комане Эвпатор принялся формировать новое войско, но смог собрать только 2000 всадников. Против крупной армии Лукулла это было ничто.

Римляне приближались. Часть войск Лукулл оставил для осады Кабир, а с остальными стал преследовать Митридата.

Понтийский царь пересек границу и бежал в Армению к своему зятю Тиграну Великому. Тот воевал в это время в Сирии — добивал последних Селевкидов, что еще держались в приморских крепостях Сирии. Конфликт с Римом совершенно не входил в планы армянского царя, и Митридат со своими проблемами оказался нежеланным гостем в Армянском царстве. Тигран даже не принял тестя. Выгнать его, однако, он тоже не мог.

Между тем Лукулл вышел на границу Великой Армении. Рисковать новой войной он пока не стал. Позади были беспокойные народы и непокоренные города. Между прочим,

еще держалась против римлян Синопа — столица Митридата. Сражался Амис.

Римский полководец решил сначала укрепить тылы, а уж потом разобраться с армянами. Он повернул на юг и захватил Малую Армению. Эта область уже давно принадлежала Понту. От Великой Армении ее отделяла река Евфрат. После этого Лукулл отправил к Тиграну легата Аппия Клавдия с требованием выдать Митридата.

А сам решил покончить с Синопой, жители которой не только храбро противостояли римлянам на суше, но и выходили в море, где топили римские корабли. Лукулл навалился на непокорный город всем войском. Когда все средства защиты были исчерпаны, синопляне сожгли все тяжелые корабли, сели на малые и быстроходные и бежали. Видимо, их убежищем стал хорошо укрепленный Амис.

Его защищал стратег Каллимах — искуснейший воин и верный Митридату человек. Он хорошо подготовил город к обороне — римлян встретил град камней из построенных по приказу Каллимаха метательных машин. Но там, где Лукулл встречал жесткий отпор и не мог действовать силой, он применял хитрость. От шпионов он узнал распорядок отдыха охранявших городские стены солдат и отправил легионеров на штурм во время смены караула. Римлянам удалось овладеть частью стены в ключевом пункте обороны. Сопrotивление после этого потеряло смысл, и Каллимах посадил своих солдат на корабли и поджег город, чтобы он не достался врагу.

Лукулл приказал легионерам тушить пожар. Однако его никто не послушал. Войско с криком, гремя оружием, бросилось на разграбление горящего города.

Пожар был, к счастью, затушен ливнем, который хлынул как из ведра. Как пишет Плутарх, «когда Лукулл на другой день вступил на пожарище, он молвил друзьям, что всегда завидовал удачливости Суллы, который захотел спасти Афины и спас их. “А я, — продолжал он, — хотел состязаться с ним в этом, но судьба уготовила мне славу Муммия!”»

Консул Муммий в 146 году до н. э. уничтожил Коринф, вывез оттуда сокровища, а людей продал в рабство. Эта расправа произвела тогда тяжелое впечатление на Грецию, незадолго

до этого «освобожденную» римлянами от македонской власти.

Лукулл, к его чести, приказал отстроить пострадавшие дома, ласково беседовал с горожанами и всячески демонстрировал лояльность.

Амис был афинской колонией. Много афинян бежало сюда после Первой Митридатовой войны. Все они не испытывали к римлянам дружеских чувств. Потому-то город и продержался так долго. Но теперь Лукулл приказал выдать каждому беженцу-афинянину 200 драхм, чтобы можно было вернуться на родину.

Откуда такая душевная теплота? Очевидно, Лукулл хотел расколоть сторонников Митридата. Он позиционировал себя как носителя высокой цивилизации и порядка, рассчитывал склонить на свою сторону весь эллинистический мир, а своего врага поставить вне этого мира.

После падения Амиса под властью Митридата остались только города на побережье Колхиды. Вероятно, туда и эвакуировал своих воинов Каллимах.

Но было еще Боспорское царство, которым правил сын Митридата Махар. Лукулл вступил с ним в переговоры и потребовал покорности. Махар прислал римскому полководцу золотой венок в знак дружбы и доброй воли.

Лукуллу оставалось договориться с Тиграном о выдаче Митридата, и война была бы победоносно окончена. Впрочем, миролюбие римского полководца вызывает серьезные сомнения. Он посылал к Тиграну не столько послов, сколько шпионов.

Пока шли переговоры, Лукулл уехал в провинцию Азия, где требовалось навести хотя бы видимость порядка. Плутарх рисует мрачную картину жизни провинции. Откупщики и ростовщики грабили жителей как хотели, вынуждали их продавать сыновей и дочерей в рабство. Города расставались с храмовыми сокровищами, общественными картинами и статуями, чтобы расплатиться с кредиторами. Всех должников ожидал один конец — неволя. Но перед этим их еще и пытали, вымогая сокровища.

Римляне все шире практиковали систему налоговых откупов. Откупщик-публикан вносил в римскую казну какую-то

сумму за тот или иной город. А потом выбивал с города в свою пользу вдвое-втрое больше. Если город не имел средств, чтобы расплатиться сразу, вслед за откупщиком являлся ростовщик. Он ссужал горожанам деньги под высокий процент, и те оказывались в долгах. Разорялись тысячи людей. Истощались целые провинции. Горстка римлян сколачивала сказочные состояния.

Лукулл как человек неглупый понимал, что эта система не только вызывает ненависть к римлянам, но и невыгодна с государственной точки зрения. Греки принесут гораздо больше денег, если сами станут богаты.

Лукулл запретил ростовщикам давать ссуду больше, чем под 12 процентов. При этом он ограничил сумму процентов размером самой ссуды. Наконец, ростовщик имел право только на четвертую часть доходов должника. Заимодавец, включавший проценты в сумму первоначального долга, мог не получить ничего. Не прошло и четырех лет, как благодаря этим мерам все долги были выплачены, а многие имения вернулись в собственность к прежним владельцам.

В Риме по этому поводу вспыхнул скандал. Предводители плебса и «демократы» стали обвинять Лукулла во всех смертных грехах, начиная с коррупции и заканчивая пренебрежением к интересам Рима. За спиной «демократов» стояли влиятельные ростовщики. Но внешне все выглядело как борьба за справедливость.

Уладив азиатские дела, Лукулл отправился на отдых в Эфес и принялся закатывать там пиры и празднества. Благодарные эфесцы учредили, в свою очередь, Лукулловы игры в честь «освободителя» от Митридата.

Игры играми, но Лукулл чувствовал, что ему пока нельзя возвращаться в Рим. Там его немедленно отдали бы под суд. Требовалась еще одна победоносная война. Она могла принести Риму новые барыши и поднять его репутацию в глазах римского народа.

Так было принято решение напасть на Армению. Повод имелся: Тигран Великий, армянский царь, отказывался выдать римлянам своего тестя Митридата.

Лукулл в Армении

Весной 69 года до н. э. римские легионы под командованием Лукулла внезапно перешли Евфрат и вторглись в Армению.

В Понте Лукулл оставил 6000 солдат под началом легата Сорнатия. Сам же взял 12 000 пехоты и 3000 конницы. Его легионы сократились больше чем вдвое за время войны.

Сей факт использовали влиятельные враги Лукулла в Риме. Проплаченные ими люди кричали на форуме, что Лукулл обезумел: он бросается из одной войны в другую вопреки интересам государства. Дескать, он хочет остаться главнокомандующим как можно дольше, чтобы извлечь наибольшую выгоду из этой должности.

Тиграна Великого вторжение римлян застало врасплох. Первые сообщения об этом армянский царь счел нелепыми слухами, с помощью которых враги хотят вызвать волнения в его царстве. Аппиан пишет, что человек, сообщивший о нападении римлян, был повешен как паникер; Плутарх говорит, что этому вестнику отрубили голову. В общем, наши авторы что-то слышали о реакции Тиграна, и затем каждый добавил детали в меру своей фантазии.

Но весть о римском вторжении оказалась правдой. Тигран тотчас послал одного из своих воевод, Митробарзана, чтобы задержать римлян. В его распоряжении было всего 2000 конницы. Другому полководцу, Манкею, была поручена защита столицы царства — Тигранокерта.

Лукулл разгромил конницу Митробарзана, а самого его убил. Легат Лукулла Секстилий осадил Тигранокерт и разрушил царский дворец, находившийся за пределами стен. Вскоре к городу подошел сам Лукулл с главными силами.

Эта новая война дала шанс Митридату если не спастись, то продлить жизнь. Тигран, до этого старавшийся дистанцироваться от тестя, объявил его своим союзником и советчиком. Митридат рекомендовал ему не ввязываться в открытое сражение с римлянами. Похоже, армянская армия была многочисленнее римской. А если в какие-то моменты превосходи-

ла ее, то незначительно, да и то за счет ополчения, которое, конечно же, не могло тягаться с закаленными в боях головорезами Лукулла.

Митридат предлагал лишить римлян возможности кормиться за счет занятой территории. Так, как сам Лукулл разбил Митридата под Кизиком. Однако советники Тиграна раскритиковали этот план, назвав его трусливым. Армяне только что создали великую державу, захватили Сирию и Месопотамию, и им не пристало бояться римлян.

Было решено дать сражение. В уста Тиграна вкладывают афоризм, который он произнес по поводу малочисленности армии Лукулла: «Если это послы, то их много, если же враги, то чересчур мало».

Лукулл же выдумал про армянского царя байку, которая впоследствии пошла гулять по сочинениям древних авторов. Тигран, мол, выставил против него 250 000 воинов. Лукулла можно понять. Ему нужно было докладывать сенату о великих победах, а заодно убедить соотечественников в громадной опасности, которая исходила от армянских «варваров». Цифра в четверть миллиона солдат вполне подходила для устрашения. На самом деле ее смело можно делить на десять.

Итак, армяне вышли навстречу римлянам, что оказалось ошибкой. В битве при Тигранокерте 6 октября 69 года до н. э. Лукулл нанес Тиграну поражение. В самом городе, населенном эллинизированными переселенцами из разных стран, росло напряжение; некоторые из жителей, прежде всего каппадокийцы, переселенные сюда Тиграном со своих земель, были отнюдь не против того, чтобы перейти под власть римлян. Начальник гарнизона армянин Манкей получил донесение, что греческие наемники в Тигранокерте готовятся изменить. Он приказал их разоружить. Те сдали оружие, но держались вместе. Вероятно, они уже вели с римлянами переговоры о том, чтобы открыть городские ворота. Манкей напал на греков. Те намотали плащи на левую руку вместо щитов, взяли палки и стали сражаться. Им удалось захватить часть городских стен и дать сигнал римлянам. Подоспевших легионеров поднимали вверх по веревкам. Римляне ворвались в город.

Так был взят Тигранокерт. Лукулл разрушил его, но жителей пощадил.

Тем временем Митридат собирал ополчение далеко на севере, в Иберии (современная часть Грузии вокруг Тбилиси) и без устали, как мы уже знаем тщетно, предостерегал Тиграна в письмах, чтобы тот не рисковал генеральным сражением. Об этом же говорил полководец Митридата Таксил, находившийся в лагере армянского базилевса. В результате Таксилу едва не отрубили голову по подозрению в измене. Самого же Митридата Тигран заподозрил в том, что он завидует его военным успехам и не хочет, чтобы он в очередной раз прославил свое имя.

Понтийский царь не очень беспокоился за армян. Он был уверен, что Лукулл не станет искать сражения. Ведь под Кизиком римский вождь вел себя очень осторожно и медлительно. Эвпатор набрал солдат и неторопливо шел на соединение с зятем, но на дороге ему встретились армяне, бежавшие в смятении и ужасе на север. От них он узнал о поражении при Тигранокерте.

Армянского царя он нашел где-то в горах, жалким и всеми покинутым. Митридат не стал припоминать былые обиды. Напротив, оплакал вместе с Тиграном общее горе.

Затем он предоставил Тиграну слуг из собственной свиты. Те привели армянского владыку в порядок. И уже скоро цари обсуждали планы ведения дальнейшей войны и набирали новое войско.

Тигран признал ошибки и дал понтийскому тестю карт-бланш на ведение боевых действий. Как пишет Аппиан, для армянского царя «перенесенные им несчастья были... наукой».

Митридат раскрыл свои организаторские таланты во всем блеске: в городах заготовил оружие и лишь провел тотальную мобилизацию армян. Крестьян брали в армию под лозунгом защиты армянской родины от римских завоевателей. Аппиан пишет, что мобилизовали 70 000 человек пехоты и 35 000 — конницы. Понятно, что реальная численность войска и «условные» цифры, сложившиеся у античных историков, никак друг с другом не связаны. Может быть, сто пять тысяч — это

общее число военнообязанных армян. Часть войска осталась для защиты городов, а часть была мобилизована в армию.

Эвпатор устроил войско по римскому образцу — разделил на когорты и отдал в обучение понтийским военачальникам, которые сопровождали понтийского царя в его бегстве. Теперь они взялись натаскивать армян в военном деле.

Римская тактическая организация пехоты была самой эффективной в тот период. На обучение легионера уходило гораздо меньше времени, чем на выучку фалангита. Организованные в манипулы и когорты, солдаты могли проявлять в бою самостоятельность, для них сохранялась возможность маневра. Все это давало преимущество в бою. Поэтому Митридат, поставленный перед необходимостью быстро создать армию из ничего, взял за основу римское вооружение и тактику. Заметим, что по тому же пути пошел Спартак во время восстания гладиаторов.

Плутарх туманно пишет, что после Тигранокерта Лукулл нанес врагам «три поражения». Аппиан вносит некоторую ясность. По его словам, Тигран решил попробовать армию нового образца в деле. «Когда Лукулл к ним приблизился, то Митридат все пешее войско и большую часть конницы поставил на холме; с остальной же конницей Тигран напал на римлян, занятых собиранием провианта, но был ими разбит. Вследствие этого римляне еще более безбоязненно стали собирать продовольствие возле самого лагеря Митридата и стали тут лагерем». Всюду рыскали отряды мародеров Лукулла.

Римляне хотели повторить битву под Кизиком: заблокировать армию Митридата, лишить ее подвоза продуктов и одолеть без боя. Митридат вел себя смирно, и римляне вовсе осмелели. Но однажды, когда они разбрелись по окрестным полям и селам в поисках поживы, вдаль возникла туча пыли, которую взметнули копыта коней. Это вернулся Тигран со своей кавалерией. В этом и состоял план сражения. Митридат и Тигран хотели взять утративших бдительность римлян в клещи и уничтожить.

Но Лукулл прекрасно это понял и успел сориентироваться. Он бросил против Тиграна всю конницу, которая была под рукой. Римляне контратаковали с ходу. Единственный их шанс состоял в том, чтобы не дать Тиграну развернуть-

ся в полноценный боевой порядок. На этом месте, как ни странно, Аппиан прерывает описание битвы. Однако мы можем понять, что римская атака удалась. Тиграна отбросили. Следовательно, маневр Митридата тоже сорвался. После этого лагерь понтийского царя окружили окопами, как предписывала тактика, разработанная Суллой. Тигран снова отошел. Митридат оставался на месте. Позиционная война продолжалась, как пишет Аппиан, «пока начавшаяся зима не заставила всех прекратить военные действия».

Когда погода позволила, римляне обошли позиции Митридата и двинулись в глубь Армении, намереваясь взять ее старую столицу Артаксату, построенную полтора столетия назад великим Ганнибалом. Возможно, причиной этого броска стал сам Митридат, которому удалось вырваться из римского окружения. Война снова стала маневренной.

Тут мы входим в область преданий. Плутарх сообщает, что Лукулл достиг Артаксаты и разбил под этим городом трех царей — Тиграна, Митридата и союзного им правителя Атропатены (современный Иранский Азербайджан). Причем Митридат обратился в постыдное бегство, «не выдержав даже боевого клича римлян». После этого головокружительного успеха Лукулл почему-то начинает отступать из Армении, и отступление это скорее похоже на бегство. У Аппиана нет ни слова о победе римского оружия под стенами Артаксаты. В утраченной части сочинения Тита Ливия был рассказ об этом, но основывался он на сообщении Лукулла. Словом, донесению о битве вряд ли можно доверять. Это очередная выдумка Лукулла, который докладывал сенату о своих подвигах. То, что он повстречал крупную армию врага, — несомненно. Что было дальше, мы не знаем. Возможно, три царя просто отвели своих воинов без боя. Лукулл квалифицировал это как бегство, оказался под стенами Артаксаты, не смог ее взять и отступил.

После этого Тигран и Митридат решили поменять стратегию. Базилевс Армении остался защищать подступы к Артаксате, а Митридат пошел на запад — в родной Понт, надеясь очистить страну от римлян. В его распоряжении было 4000 собственных солдат. Столько же дал Тигран.

Лукулл же спустился в Мигдонию (область в Месопотамии) и осадил крепость Нисибис. Задача римлян заключалась в том, чтобы выбить армян из их сирийских и месопотамских владений, а потом повторить наступление в сердце страны.

Обороной Нисибиса руководили брат Тиграна Гур и грек Каллимах (тот самый, что оборонял Амис). Удержать город им не удалось. Оба военачальника попали в плен. Армянский принц встретил милостивое обращение. Это было не случайно. Римляне старались вести себя обходительно с членами царских фамилий, чтобы иметь всегда про запас лояльного себе претендента на престол в той или иной стране. Судьба Каллимаха, напротив, оказалась плачевной. Он пытался спасти себе жизнь, рассказав сказку о великих сокровищах, якобы спрятанных в городе. Грек брался показать их алчным римлянам. Но его, как пишет Плутарх, «Лукулл не стал слушать и велел заковать в цепи, чтобы впоследствии расправиться с ним за тот пожар, который разрушил Амис». Вполне вероятно, что впоследствии Каллимаха вывезли в Италию, провели, по римскому обычаю, во время триумфа и зарезали на потеху толпы.

Взятие Нисибиса стало последним успехом Лукулла. С тех пор его постоянно преследовали неудачи. Против него то и дело бунтовали легионеры. В Риме Лукулл стал притчей во языцех: полководца порицали за медлительные действия и большие потери. Словом, его карьера пошла под уклон. Второго диктатора вроде Суллы из него не получилось.

Но вернемся к Митридату.

Битва при Зеле

Уже говорилось о том, что в Понте Лукулл оставил легата Сорнатия с одним легионом. Позже к Сорнатию пришли подкрепления, а с ними явился новый главнокомандующий в Понте — Фабий Адриан. Источники ничего не говорят о том, чем было вызвано наращивание римских сил в этой стране, но понять легко: понтийцы относились к римлянам враждебно. Часть районов страны вообще оставалась свободной от римлян, да и крепости подчинились им далеко не все.

Узнав о приближении Митридата, Фабий собрал своих солдат под Кабирами. Но Митридат, по Аппию, «обратив его в бегство, убил 500 человек». Тогда Фабий освободил и вооружил всех рабов, какие только нашлись в лагере. Новая битва продолжалась весь день. Митридат сражался отчаянно, вдохновляя солдат личным примером, но римские рабы тоже бились стойко. Выбора у них не было. Наверняка Митридат в случае своей победы уничтожил бы их как предателей.

Наконец Эвпатор повел своих солдат в решающую атаку, но она захлебнулась. Царя поразили камнем в колено и стрелой под глаз. Митридата вынесли из боя, который тотчас прекратился. Его ранение стало большой удачей для римлян, которые понесли огромные потери убитыми и ранеными. Фабий с остатками армии был заперт в Кабирах, но понтийцы решительных мер, в ожидании выздоровления своего государя и полководца, не предпринимали.

Эвпатор поправлялся медленно. Ухаживали за ним воины из скифского племени агаров. Для лечения пользовались змеиными ядами. Эвпатор уважал медицинское искусство скифских врачей и всегда брал их с собой.

Тем временем на выручку Фабию явился еще один римский полководец — Гай Валерий Триарий с новым войском. Фабий сдал ему командование. Новому римскому предводителю не терпелось помериться силами с Митридатом. Драться хотел и сам Митридат, чье выздоровление подходило к концу. Армии выстроились для боя, и тут поднялся невиданной силы ураган. Он сорвал палатки, поднял в воздух выючный скот. Армии вернулись в свои лагеря, и сражение так и не состоялось.

После этого полководцы принялись маневрировать. Римляне двинулись в западную часть Понта. Митридат, по дороге пополняя армию добровольцами, преследовал врага до крепости Зела у границ с Пафлагонией. Таким образом, получается, что в 67 году до н. э. он освободил от римлян большую часть своего царства. Это был весьма неожиданный поворот в войне, и он серьезно встревожил римлян.

Встревоженный происходящим, в Понт вернулся Лукулл со своими легионами, очистивший от армян Сирию и Месопотамию, повоевавший с парфянами и ненадолго захва-

тивший Кордуэну (Курдистан). Но все эти победы ничего не принесли Риму. Лукулл вынужден был оставить захваченные земли и вновь идти в Понт, чтобы сразаться с Митридатом за этот кусок суши на морском берегу. Месопотамию вскоре после этого захватили парфяне.

Весть о приближении Лукулла, пришедшая в римский лагерь под Зелой, сыграла с Триарием злую шутку. Он надумал разбить Митридата до прихода Лукулла и выказать полководческие способности.

Битва при Зеле началась еще ночью. Триарий повел легионеров против сторожевых отрядов Митридата. Дозорные вовремя обнаружили врага, закипела схватка. Римляне затоптались на месте. Стычки продолжались и утром. Ни одна сторона не могла взять верх. Есть предположение, что Митридат попросту изматывал римлян. Наконец он узрел слабое место в боевых порядках врага, вывел резерв, решительно атаковал и рассеял римские когорты. Митридат загнал римскую пехоту в болото, где легионеры не могли даже стоять, не то что сражаться. Почти все они были убиты.

После этого царь Понта велел преследовать римских всадников, которые рассыпались по равнине. Он старался использовать счастливый поворот судьбы и уничтожить как можно больше врагов. Но среди понтийцев затесался какой-то римский центурион. Аппиан пишет, что некоторое время он бежал рядом с Митридатом и примерялся, куда бы ударить. Спину царя надежно защищал панцирь. Тогда центурион поразил Эвпатора мечом в бедро. Ближайшие к Митридату понтийские всадники тотчас убили центуриона. Царя унесли в тыл. Его соратники в замешательстве дали сигнал к отступлению. От потери крови Митридат впал в бессознательное состояние.

Среди понтийцев возникло смятение. Никто не понял, почему отступили. Может, подошел Лукулл? Узнав наконец, что случилось, солдаты шумели до тех пор, пока царский медик Тимофей не показал им базилевса. Кровь удалось остановить, жизнь Митридата была вне опасности.

Как только царь пришел в себя, он стал упрекать своих военачальников за то, что не добились врага. В тот же день он ве-

лел атаковать римский лагерь, но тут выяснилось, что римлян в нем уже нет.

Понтийское царство, если не считать незначительных римских гарнизонов в приморских городах, было полностью очищено от врагов.

В битве при Зеле римляне потеряли 7000 солдат убитыми, полегло 24 военных трибуна и 150 центурионов. «Такое число начальников редко погибало у римлян в одном сражении», — пишет Аппиан.

Против Лукулла

После этой битвы Эвпатор устремился в Малую Армению и принялся очищать ее от римских отрядов. При этом он выгребал все продовольствие, а то, что не мог вывезти, уничтожал, оставляя римлянам выжженную землю.

Однако сражения с армией Лукулла царь опасался и делал все возможное, чтобы его избежать.

Лукулл же — во всяком случае, трудно предполагать, что тут обошлось без него, — сделал попытку подослать к Митридату убийц.

Жил при понтийском дворе некто Аттидий, бывший сенатор, сторонник Сертория. Он и организовал заговор при понтийском дворе. Однако заговорщики были раскрыты. Аттидия казнили без пыток. Царь, пишет Аппиан, не счел «справедливым подвергнуть пытке человека, бывшего некогда римским сенатором». Зато всех прочих замешанных в заговор, за исключением вольноотпущенников, подвергли страшнейшим мучениям, выведывая имена сообщников. «Вольноотпущенников же, которые были соучастниками Аттидия в этом замысле, он отпустил невредимыми, говоря, что они служили своему господину», — сообщает Аппиан. Митридат заявил, что их судить не за что. По понятиям митраизма, за верность нельзя наказывать.

Через некоторое время Лукулл соединился с остатками отрядов Триария. Самого Триария пришлось прятать от разъяренных легионеров, чтобы те его не разорвали.

С прибытием Лукулла соотношение сил изменилось в пользу римлян. Митридат маневрировал, не принимая сражения; он ждал подхода армянской армии, которую вел Тигран Великий. Армянский царь уже занял Каппадокию и нависал над флангом римлян.

Лукулл двинулся на Тиграна, надеясь разбить его прежде, чем он успеет соединиться с Митридатом. Но уставшие легионеры не выдержали следующих один за другим длительных марш-бросков. Воины покинули строй и заявили Луцию, что имеют право на отдых. Они ссылались на постановление сената, который, рассорившись с Лукуллом, принял решение распустить его войско.

Римский полководец не на шутку перепугался. Нет такого унижения, пишет Плутарх, которому бы ни подверг он себя. Он уговаривал каждого из солдат, «с малодушными слезами» ходил из палатки в палатку, а некоторых «даже брал за руку». Что, видимо, считалось большим унижением для полководца и аристократа.

Но солдаты отталкивали его руку, швыряли под ноги пустые кошельки (в походе добычу прогуливают быстро) и предлагали одному биться с врагами. Сумел же он один поживиться за счет неприятеля! Это была правда. Лукулл сказочно обогатился на Митридатовых войнах.

Больше всех баламутили воду бывшие фимбрианцы. Спорить с ними было бессмысленно. Армия разваливалась на глазах.

Так Митридат одержал бескровную победу. Часть римских солдат была разбита при Зеле, а другая оказалась настолько измотана, что не захотела сражаться. Митридат отплатил Лукуллу за свое поражение при Кизике той же монетой.

С огромным трудом Лукулл смог уговорить остаться подле себя часть легионеров. Договорились, что воины прослужат лето и будут уволены, если неприятель не появится. Лукулл расквартировал их в Галатии, поддерживавшей римлян. Галаты помнили расправу Митридата над своими тетрархами и ненавидели понтийского царя. Так что среди них Лукулл мог чувствовать себя в безопасности. Солдат здесь он ни к чему не принуждал и не заставлял воевать, а сам был занят отправкой награбленных сокровищ в Италию.

Митридат в течение лета выбил римлян из приморских городов и вернул себе весь Понт. Тигран безнаказанно уничтожал римских сторонников в Каппадокии. Лукулл взирал на это со стоическим равнодушием.

Скоро возник еще один конфуз. В Малую Азию явились децемвиры, чтобы распорядиться землями Понтийского царства. Такие коллегии всегда действовали на территориях, обращенных в провинции, — описывали завоеванное имущество и занимались его дележкой.

Лукулл еще недавно доносил сенату, что с царем Понта покончено, а его земли покорены. Но по прибытии на границу Понта оказалось, что делить нечего. Децемвиры с изумлением обнаружили, что Митридат спокойно управляет страной, а Лукулл не властен даже над своими солдатами. Это было полным крахом римского командующего.

Новый полководец

Тем временем срок, на который солдаты дали обязательство служить Лукуллу, истек. Завершилось лето 66 года до н. э. Легионеры устроили демонстративный спектакль. Вооружившись, вышли в поле, стали махать мечами и вызывать на бой неприятеля. Никто, естественно, не появился. Тогда воины пришли к Луцию с заявлением, что они свою часть контракта выполнили. Уговор был такой: если не произойдет нападения, легионеры расходятся, кто куда хочет. Нападения не произошло. Пускай Лукулл воюет один.

Казалось, дела Митридата идут на лад. Война, длившаяся без малого восемь лет, привела понтийцев к победе. Под властью Митридата снова оказались Колхида, Малая Армения и Понт. Тигран занял Каппадокию. Войско римлян разбито и вконец разложилось. Воевать в Малой Азии некому...

Но с другой стороны, все западные союзники Эвпатора — Серторий, Спартак, фракийцы — были сокрушены. У римлян высвободились значительные силы для переброски на

Восток. А кроме того, в резерве имелся талантливый полководец — бывший сподвижник Суллы, аристократ, победитель Сертория, который был готов навести порядок повсюду, куда простиралась власть сената. Звали этого человека Гней Помпей Магнус.

Начал Помпей с киликийских пиратов. Они грабили города на побережье Средиземного моря, парализовали средиземноморскую торговлю и держали под контролем все морские пути. По преданию, однажды к ним попал в плен даже молодой Гай Юлий Цезарь, но спасся, заплатив выкуп и проявив недюжинную смелость. Так, однако, везло далеко не каждому.

Плутарх указывает на две примечательные вещи. Во-первых, пиратство распространилось на море именно после Митридатовых войн, ибо многие из морских разбойников начинали службу у понтийского царя. Во-вторых, именно они ввели в моду «таинственные культы», и, в частности, поклонение Митре. Для солдат это понятно. Когда ежедневно грозит опасность, очень важной становится верность друзей. А Митра — бог верности и охранитель клятв. Скоро этот культ воспримут легионеры, он проникнет в Рим и надолго там утвердится.

Борьба с пиратами была поистине титанической. Ее детали излагает Аппиан как часть Митридатовых войн. Главным местом стоянки у морских разбойников была Суровая Киликия. Потому сами пираты независимо от происхождения звались киликийцами, хотя были среди них греки, сирийцы, киприоты, жители Памфилии и понтийских городов. Все они «предпочли действовать, а не страдать», пишет Аппиан, намекая тем самым на бесчинства римлян. Приняв такое решение, они «избрали себе для жизни море вместо земли».

Их численность насчитывала десятки тысяч человек. По сути, это было мощное движение, направленное против Рима. В морских сражениях пираты не раз били римских флотоводцев. Тот же Аппиан пишет о крупном морском сражении с претором Сицилии, которое выиграли киликийцы.

Против пиратов не раз ходили в походы римские наместники, но успехов не достигли. Эффект был обратный: обнаглевшие разбойники стали высаживаться около Брундизия и в Этрурии. Наконец по предложению Авла Габиния в на-

родное собрание был внесен закон о наделении Помпея чрезвычайными полномочиями по борьбе с пиратами. Ему дали войско в 120 000 человек пехоты и 4000 конницы, флот в 270 кораблей и огромные полномочия. Помпей разделил море между своими легатами на 25 секторов и вступил в борьбу с киликийцами.

Пока легаты бороздили море и устраивали облавы, сам Помпей двинулся в Киликию с войском и осадными машинами. На земле киликийцы капитулировали без боя. Но продолжались морские сражения. В бою Помпей захватил 70 кораблей. Еще 300 судов сдались добровольно. Римлянами было взято 120 городов, замков и гаваней. Потери разбойников составили 10 000 убитыми и пленными.

Помпей расправился с пиратами всего за сто дней. Правда, не до конца, но того, что он сделал, оказалось достаточно, чтобы наладить снабжение Рима хлебом и переправить свежие войска в Малую Азию.

Воодушевленный сенат поручил Помпею Великому воевать против Митридата. Соответствующий закон провели через народное собрание, тем самым окончательно отстранив Лукулла от командования.

Помпей, узнав о постановлении римского народа, лицемерно вздохнул и изрек, что никак ему не удастся избавиться от бремени государственных дел, от бесконечных войн... А как хотелось бы спокойно пожить в деревне с женой!

Даже близких друзей Помпея покоробили эти лживые речи. Помпей был невероятно честолюбив, охотно присваивал славу чужих побед и жаждал новых назначений, чтобы прославиться еще больше.

Явившись в Азию, Помпей встретился с Лукуллом и, посоревновавшись с ним в любезностях, без затей стал отменять его решения. Он оставил Лукуллу всего 1600 солдат для триумфа, который тому должен был быть дан в Риме (это произошло после долгих споров только через три года, в 63 году до н. э.), да и те последовали за Лукуллом не очень охотно. Остальных воинов Помпей присоединил к собственной армии.

Вернувшись в Италию, Лукулл ничем больше не прославился. Разве что обедами сказочного размаха, на которые ис-

тратил значительную часть своего состояния. Поскольку он нажил деньги на войне с Митридатом, можно сказать, что изысканную кухню римского аристократа оплатили обобранные до нитки жители Малой Азии.

Последняя война

Последняя война с Митридатом и вся слава побед в ней выпали на долю Помпея. Он немедленно унизил своего предшественника Лукулла, говоря, что тому пришлось воевать с театральными царями и войсками.

Вероятно, в распоряжении Помпея имелось не меньше ста тысяч солдат. Противостояло ему истерзанное войной Понтийское царство, ресурсы которого подорвала борьба с Лукуллом. По сути, друг против друга стояли огромная колониальная империя, располагавшая большими ресурсами, и маленькое царство, которое возглавлял энергичный политик. Понтийский герой вновь и вновь поднимался с колен, чтобы наносить удары и отстаивать независимость своей страны.

Митридат собрал армию в 30 000 человек пехоты и 3000 конницы. Он расположил свое войско на границе Понта. Эти места были сильно разорены войной, и понтийский царь испытывал трудности с подвозом продовольствия. Перед ним маячила тень Кизика — сражения, проигранного из-за недостатка припасов.

Царь отправил к Помпею послов, желая узнать, на каких условиях может быть прекращена эта бесконечная война. Помпей, в изложении Аппиана, был краток: «Если ты передашь нам перебежчиков и отдашь себя в наши руки».

На современном дипломатическом языке это означает безоговорочную капитуляцию и добровольную передачу себя в руки международного трибунала, находящегося под контролем победившего врага.

Узнав об этих требованиях, Митридат первым делом собрал всех бывших серторианцев, которых, собственно, Помпей и называл перебежчиками, и сообщил, что Магнус требует их выдачи. А затем поклялся, что у него не будет мира

с римлянами «вследствие их алчности» и что он, разумеется, никого не выдаст.

Помпей сразу перешел к активным действиям. Поместив часть всадников в засаде, он выманил Митридата из лагеря притворным бегством. Понтийская конница поддалась на эту хитрость и бросилась вдогонку за врагом, а когда попала в ловушку, то запаниковала и понеслась к собственному лагерю. Римляне хотели ворваться туда на плечах врага, но сделать этого не удалось. Поняв это, Помпей приказал трубить сбор и отвел войска. Первая его проба сил с Митридатом завершилась вничью.

Может показаться, что времена, когда понтийское ополчение разваливалось при одном приближении римлян, уже миновали. Но дальнейшие события покажут, что это не так. Лучшие воины Митридата погибли в бесконечных сражениях. Каким-то чудом он все время возрождал армию, но качество ее с каждым разом становилось все хуже и хуже.

Тем не менее римляне опасались открытого боя. Помпей решил пойти по пути своего с Лукуллом общего учителя — Суллы: отрезать неприятельское войско от подвоза продовольствия.

Он обошел Митридата с востока, создал линию укреплений протяженностью 150 стадий, а перед ними выкопал ров. Эвпатор по каким-то причинам проявил нерешительность — не захотел или не смог напасть на Помпея, чтобы помешать ему. Царь был уже немолод, он устал от бесконечных войн и потому вполне мог ошибиться. Это стоило ему в конечном счете жизни, а Понту — свободы.

Оказавшись в блокаде, Митридат спустя некоторое время, чтобы кормить солдат, приказал забить на мясо всех выючных животных. Но этим он только отсрочил несчастье. Через пятьдесят дней, когда стало ясно, что есть риск потерять войско без боя, Митридат бежал, как пишет Аппиан, «в глубоком молчании по непроходимым дорогам». Плутарх дает отталивающую деталь: перед бегством понтийский царь приказал перебить всех больных и немощных.

Помпей, однако, настиг арьергард уходившей понтийской армии и атаковал. Митридат с трудом отбил. Ночь он провел в густом лесу, а на следующий день неподалеку от Евфра-

та занял удобную возвышенность, защищенную со всех сторон. К ней вела единственная дорога.

Помпей после короткой рекогносцировки пошел на штурм этой позиции. Жаркий бой завязался на склоне холма. Как утверждает Аппиан, в какой-то момент всадники Митридата спешили, чтобы помочь своим пехотинцам. И когда Помпей ввел в дело конницу, они бросились нестройной толпой вверх к лагерю, чтобы сесть на коней и встретить римлян. Но понтийцы, которые были в лагере, увидев бегущую толпу соотечественников, решили, что все потеряно, бросили оружие и стали разбегаться в разные стороны.

Так войско Митридата погибло из-за потери управления. Легионерам Помпея оставалось только завершить дело. Было убито и захвачено до десяти тысяч понтийцев, в руки римлян попал весь обоз. Пожалуй, это было первое серьезное поражение Митридата от римлян в открытом бою.

Плутарх описывает битву иначе. По его словам, римляне пошли в ночную атаку при свете луны. Возможно, так оно и было. Во всяком случае, это объясняет, почему Митридат утратил контроль над войсками. Хорошо обученные римляне могли сражаться в темноте, а понтийцы — нет.

Митридат был отеснен к горной круче. С отрядом в 800 всадников он сумел все-таки прорваться сквозь римские ряды и ушел по горной тропе. Однако оставшиеся при нем воины вскоре разбежались кто куда. С царем остались только два воина и его наложница Гипсикратия. Это была женщина отчаянной храбрости. Базилевс в шутку называл ее Гипсикратом.

Аппиан о Гипсикратии не упоминает, зато говорит, что после сражения Митридат «оказался с несколькими наемными всадниками и с тремя тысячами пехоты, которые тотчас последовали за ним в укрепление Синорегу, где у него было спрятано много денег».

В Синореге царь выдал воинам плату за год вперед и раздал подарки. А самым близким людям вручил флаконы с ядом, чтобы, как говорит Плутарх, «никто против своей воли не попался в руки врагов».

Прихватив из Синореги внушительную сумму в 6000 талантов, Митридат пересек Евфрат и направился к Тиграну Великому. Ведь несколько лет назад зять приютил его и спас. Его

денег хватило бы для выплаты жалованья армянским солдатам и найма новой понтийской армии.

Но правду говорят, что в одну реку нельзя войти дважды. На сей раз Тигран отказал тестю в убежище. У него хватало своих проблем. На армян напали парфяне с востока. Если бы с запада навалился Помпей, Армения вообще могла бы погибнуть. Политика взяла верх над родственными узами. Тигран в ходе политических комбинаций даже назначил награду в сто талантов за голову тестя. Так Митридат оказался брошен всеми.

Но у него было еще одно царство — Колхида. Туда он и решил пробиваться горными тропами.

Для начала царь со своей маленькой армией вторгся в Хотенейскую Армению, лежавшую в верховьях Евфрата, одолел местных армян и пришедших им на подмогу иберов, а затем форсировал реку Апсар восточнее Трапезунда. Оттуда уже было рукой подать до Колхиды. Митридат дошел до греческой колонии Диоскуры (современный Сухуми) и зазимовал.

Помпей не стал преследовать Митридата. Его отвлекли более значительные дела — он вторгся в Армению. Как видим, Тиграна Великого ничуть не спасла его осторожная политика. В его стране обнаружился предатель — собственный сын, тоже Тигран. Он восстал против отца и обратился к Помпею за помощью, тем самым дав желанный предлог для вторжения.

О дальнейших коллизиях армянской войны мы говорить не будем, это другая тема. Заметим лишь, что Тигран Великий капитулировал, отказавшись от всех завоеваний и обещав выплатить солидную контрибуцию римлянам «за нанесенную обиду». Благодаря этому армянский царь сохранил трон и даже сумел добиться, чтобы мятежный сын был заключен римлянами под арест. Обе стороны остались весьма довольны заключенной сделкой.

Правда, Помпей немедленно поссорился с парфянами, которые претендовали на армянские земли, но большую войну с ними затевать пока не стал. Пришло время покончить с Митридатом. Оставив в Армении своего легата Афрания, римский полководец выступил в поход на Эвпатора (65 год до н. э.).

«Ледяной поход» Митридата

Неукротимый Митридат вовсе не утратил присутствия духа. Как пишет Аппиан, царь задумал большое дело — «не такое, на которое мог бы решиться человек, находящийся в бегах». Речь шла о гигантском стратегическом обходе противника. Он хотел пройти маршем от Колхиды до Боспора, вторгнуться в эту страну и свергнуть сына Махара, который переметнулся к римлянам. Затем пополнить армию, выйти через сарматские земли к Дунаю, спуститься во Фракию и напасть на римлян в Македонии.

План кажется на первый взгляд странным. Но резон в том, чтобы напасть на римлян в Европе, когда их основные силы воевали в Азии, конечно, имелся. Тогда, возможно, Помпей сам бы убрался из Понта.

Аппиан называет план Митридата «фантастическим». Но поначалу этот план работал. Помпей увяз на Кавказе. Когда он вторгся в страну колхов, Митридат ускользнул, и Помпей не решился преследовать его по берегу Черного моря. Горы, буйные заросли, малярийные комары напугали легионеров и их полководца. К тому же против Рима выступили иберы и кавказские албаны. Иберы некоторое время назад воевали против Эвпатора, но теперь объявили его союзником, поскольку не желали попасть в зависимость от Рима. Албаны никогда не имели ничего против Эвпатора, а теперь выступили на его стороне по той же причине, что иберы.

Помпей вторгся в Кавказскую Албанию из Армении и разбил ополчение этой страны на берегах Куры. Албанский царь Ороз попросил пощады и был прощен. Настал черед иберов. Новоиспеченные союзники Митридата «горели желанием показать свою преданность», пишет Плутарх. А точнее — хотели отстоять свою землю от вражеского нашествия. Но Помпей разгромил их «в большом сражении». Видимо, после этого он двинулся в Колхиду и подчинил эту горную страну.

На Колхиду римляне напали одновременно с суши и моря. На реке Фасид (вероятно, речь идет о реке Риони) Помпея встретила римская эскадра под началом Сервилия. Теперь, казалось бы, самое время было заняться ловлей Митрида-

та, но вместо этого Помпею пришлось воевать с кавказскими племенами.

Мы читаем у Плутарха о новой битве на берегах Куры. О достоверности сведений об этих сражениях можно судить по сообщаемой численности варварских войск. Оказывается, их было 60 000 против втрое меньшей армии Помпея. Причем на стороне варваров сражались мифические амазонки — женщины-воительницы из прикаспийских степей. Когда же Помпей разгромил их всех и хотел идти бить парфян, он не смог этого сделать... из-за множества ядовитых змей, которые встречались на пути. Амазонки и змеи — это что-то новое, обычно римлянам мешали морозы. Кажется, Помпей превзошел по части фантазий в донесениях сенату Суллу и Лукулла, вместе взятых.

В конце концов он повернул назад и принялся устраивать дела в захваченных областях.

В самом большом выигрыше оказался неудачник Ариобарзан — горе-правитель Каппадокии, о котором мы долгое время не имели повода рассказать. Помпей вернул ему царство, прибавив к прежним владениям Софену на Евфрате и Курдистан. Правда, последнюю страну тотчас отобрали парфяне, а на первую претендовали армяне. Так что эти дары принесли Ариобарзану скорее проблемы, чем покой и достаток.

Устроив каппадокийские дела, Магнус спустился в Сирию, упразднил там власть Селевкидов и обратил страну в римскую провинцию. С Митридатом на поле сражения он больше не встречался.

Между тем Эвпатор последовательно воплощал свой план. Лишенный тылов и баз, он превратился в царя-кочевника. Его царством была армия, с которой базилевс шел по берегам Черного моря, чтобы наказать предателя — собственного сына Махара, отделившего Боспорское царство.

С причерноморскими племенами Эвпатор частью воевал, частью вступал в союзы. «Даже будучи беглецом и в несчастьи, — пишет Аппиан, — он вызывал к себе почтение и страх». Его союзниками стали гениохи, врагами — кубанские ахеи. Проложив дорогу силой, царь достиг Меотиды (Азовского моря). Тамошние правители греческих городов

дружественно приняли Митридата. Стороны обменялись подарками, после чего царя, потерявшего царство, пропустили в Боспор. Вместе с базилевсом в походе участвовал его сын Фарнак — талантливый юноша, последняя надежда отца.

Оказавшись в Крыму, царь сообщил приближенным, что его замыслы простираются еще дальше. Оказывается, он собрался вторгнуться не только в Македонию. У него возникла идея войти в Италию через Альпийские горы! Надо думать, придворных охватил шок, но возражать никто не решился.

Когда Махар услышал, что грозный отец прошел маршем по всему побережью, преодолел непроходимые для понтийцев «скифские запоры» и объявился на Боспоре, он попытался заслужить прощение. К Митридату отправились послы, которые пытались объяснить, что Махар служил римлянам только по необходимости. Но увещевания оказались напрасны. Эвпатор, много натерпевшийся от измен, не терпел предателей. Сообразив, что рассчитывать не на что, Махар бежал в Херсонес (Севастополь), предварительно, как пишет Аппиан, «сжегши корабли, чтобы отец не мог его преследовать». Между ним и Митридатом лежала Крымская Скифия, которая, судя по всему, восстала и объявила о независимости. Это означало, что Эвпатор не сможет пройти по суше без боя. Это вселяло в Махара некоторую уверенность.

Однако Митридат нашел другие суда в греческих городах и сформировал эскадру, которая морем двинулась к Херсонесу с десантом на борту. Увидев приближение отцовских войск, Махар понял: все кончено. Не дожидаясь наказания, Махар покончил с собой. Боспорское царство вновь стало владением Эвпатора.

Всех «друзей» Махара, которых раньше сам же дал ему в советники, Митридат убил. Базилевс счел, что именно эти люди сбили Махара с пути истинного. Ну а тех, кто пришел к царевичу по личной инициативе и сохранил ему верность, Эвпатор пощадил, что опять же логично для митраиста.

Так бездомный царь стал базилевсом Боспора.

Романтическая история

Митридат захватил Пантикапей — столицу приморского царства. Это был важный торговый порт. Здесь Эвпатор убил еще одного своего сына — Ксифара. Причиной стало прегрешение его матери.

Вот эта история, как ее рассказывает Плутарх.

У Митридата была крепость в Понте, носящая название Новой, в тайных хранилищах которой находилось много денег. Римляне до нее еще не добрались. За крепостью надзирала одна из жен царя — гречанка Стратоника. Она была из простой семьи, дочь арфиста. С женитьбой на ней связана романтическая история, которыми так богат эллинистический мир.

Большинство жен Эвпатора происходили из семей полководцев и правителей, на них он женился из политических соображений, а Стратонике взял по любви. Когда-то за ужином она томно играла царю на арфе. Рядом находился отец, видимо решивший предложить дочь базилевсу. Но все произошло слишком быстро. Митридат так возбудился, что оттолкнул арфу, а девушку увел с собой в опочивальню. Отца-арфиста просто отослали домой.

Каково же было удивление родителя на следующее утро! Продрав глаза в своем доме, он увидел вокруг постели стол с серебряными и золотыми кубками и толпу слуг, евнухов, мальчиков. Они протягивали арфисту драгоценные одежды. Перед дверью стоял конь в роскошном убранстве.

Арфист решил, что над ним издеваются, но слуги его успокоили. Митридат, сказали они, подарил ему дом «недавно умершего» богача. Мы знаем, при каких обстоятельствах умирали богачи в Понте. Митридат легко убивал одних, чтобы возвысить других. Неправедно нажитое богатство при нем не приносило пользы. Но арфиста это ничуть не смутило. Напялив пурпурный плащ и вскочив на дорогого коня, музыкант поскакал по улице с криком: «Все это мое!» Многие смеялись над ним, но арфист кричал в ответ, что обезумел от счастья и по этой причине за себя не отвечает. Пусть радуются, что он не швыряет в прохожих камнями.

Стратоника обладала громадным влиянием на царя. Жили они вместе долго, арфистка родила Эвпатору сына Ксифара, и тот успел вырасти. После того как Митридат бежал в Крым, Стратоника осталась в Понте сторожить деньги Митридата и... сдала их Помпею. Она выдала тайну сокровищ с единственным условием — чтобы римлянин сохранил жизнь ее сыну Ксифару, если тот попадет ему в руки.

Довольно странное условие, учитывая, что Ксифар находился в Боспоре. Можем ли мы верить Аппиану, который приводит этот рассказ? Вряд ли. Чего же в таком случае могла попросить женщина у Помпея в обмен на деньги из тайника? Скорее всего, Понтийское царство для Ксифара.

В крепости Помпей нашел, помимо денег, тайные записи Митридата «и прочел их не без удовольствия», замечает Плутарх. Но римлянин изучал «литературное» наследие Митридата не из праздного любопытства. В письмах содержалось много сведений, объясняющих характер и поведение понтийского царя. По сути, это были материалы для мемуаров. Помпей немедленно использовал их в собственных целях, чтобы дорисовать и растиражировать по всей Малой Азии негативный образ царя.

Из этих записок якобы следовало, что царевич Ариарат VIII Каппадокийский, который вторгся на Балканы во время Первой Митридатовой войны, не просто заболел, но был отравлен по приказу Эвпатора. Содержались там сведения об отравлении Эвпатором какого-то греческого наездника Алкея, который победил царя в конных состязаниях. А еще — толкования сновидений, которые видели Митридат и его жены. И кроме того — непристойная переписка между царем и его женой Монимой, о жизни и смерти которой мы уже рассказывали. Словом, записки рисуют нам человека мелкого, мстительного и суеверного. Можно ли им верить? Даже Плутарх сомневается в подлинности этих мемуаров, тем более что никто их не видел. Так что в лучшем случае мы можем сказать, что перед нами непроверенный источник. А в худшем — римская фальшивка.

...Каким-то образом слухи об измене Стратоники достигли ушей Митридата, и он казнил сына, дабы ей отомстить. Ксифар был убит на берегу Керченского пролива. Причем Аппиан утверждает, что на другом берегу пролива находилась

Стратоника, созерцала гибель сына и лила слезы. Как понять это нелепое утверждение? С чего это вдруг она оказалась на берегах Меотиды? И каким образом она наблюдала за казнью, если минимальная ширина пролива никак не меньше четырех километров?

А может быть, все обстоит иначе и история с убийством — еще одна грубая подделка, вышедшая из канцелярии Помпея? Слишком она напоминает древнегреческую трагедию, которую венчает эффектная развязка — смерть на берегу моря...

Смерть Митридата

Плутарх сообщает, что практически сразу после взятия Новой крепости Помпей отправился в сирийский поход. Туда же, в Сирию, с просьбой о мире прибыли послы Митридата. Базилевс готов прекратить боевые действия, если ему позволят вернуться в родное царство, и выплачивать римлянам дань. Возможно, старый понтийский царь был вполне искренен и подумывал дожить последние годы в мире и покое. А может быть, просто выяснял, каковы аппетиты римлян, и готовил поход на Балканы.

Помпей выслушал послов и приказал Митридату прибыть лично, чтобы просить о снисхождении, подобно тому, как это сделал Тигран Великий.

Дипломаты привезли ответ в Пантикапей. Царь сказал, что «пока он остается Митридатом, он никогда на это не согласится, но что он пошлет кого-нибудь из своих сыновей и друзей, — пишет Аппиан. — Вместе с этим он спешно стал собирать войско из свободных и рабов, приготовил много оружия и копий и военных машин, не щадя ни лесу, ни рабочих быков для изготовления тетив (из их жил), и на всех наложил налоги, даже на крайне маломощных».

Советники встретили эти приготовления без восторга. У них зрела мысль, что мирному договору с римлянами мешает единственный человек — сам Митридат.

Подданные царя устали от бесконечных жертв в сорокалетней борьбе. А боспорцам вообще было все равно. Жившие на

окраине эллинистического мира, они не ведали ужасов нашествия римлян и совершенно не желали ничем жертвовать.

А тут еще Митридат заболел. Его лицо покрылось нарывами. Кроме трех евнухов, которые ухаживали за базилевсом, к нему больше никого не допускали. Болезнь явно была заразной и протекала тяжело. Может быть, это была оспа?

Временным отходом Митридата от дел воспользовались сборщики налогов. Они, как пишет Аппиан, «чинили многим обиды без ведома Митридата». Недовольство боспорцев властью росло и грозило перерасти в бунт.

Едва выздоровев, царь устроил смотр армии. У него было 60 прекрасно вооруженных когорт, организованных по римскому образцу, — 36 000 человек. А также много вспомогательных частей — матросов, скифских конных стрелков, легкой пехоты. Имелся флот.

За время болезни Митридата его полководцы заняли несколько крымских крепостей, в том числе Фанагорию. В этот важный торговый город, запиравший «горло» Меотиды, явился евнух царя Митридата — Трифон с отрядом солдат. Правда, он несколько опоздал, потому что первыми Фанагорию заняли сыновья Митридата со своими отрядами. Эти сыновья имели иранские имена: Артаферн, Хшаярша (Ксеркс), Дарий и Яксарт. С ними прибыла одна из дочерей Митридата, имевшая греческое имя Клеопатра. Старшим из сыновей был Артаферн — ему исполнилось сорок. Остальным было по двадцать или немногим больше.

У Трифона в городе имелся личный враг. Звали его Кастор. Некоторое время назад Трифон (видимо, бывший одним из боспорских чиновников) приказал выпороть Кастора плетьюми, а тот, будучи человеком гордым, затаил обиду. И вот, улучив момент, Кастор заколол евнуха мечом. Это послужило для горожан сигналом к восстанию. Вероятно, к этому моменту понтийцы сильно досадили боспорцам. Спасаясь от толпы, сыновья Митридата укрылись в акрополе, который возвышался посреди города.

Повстанцы обложили его стены сучьями и подожгли, и дети Митридата сдались — они выжили и впоследствии были проведены в триумфе Помпея по улицам Рима. Это означает,

что за организаторами восстания в Фанагории, скорее всего, стояла римская агентура.

Что касается Клеопатры, то, похоже, эта женщина унаследовала упрямство и смелость отца. Она отказалась отдать себя в руки восставших и с горсткой сторонников укрылась в одной из крепостных башен. Узнав об этом, Митридат послал несколько бирем, чтобы вырвать дочь из рук врагов. Операция прошла успешно: Клеопатру увезли к отцу.

Но в Боспорском царстве уже полыхал пожар восстания. Фанагорийский мятеж был как искра в сухом стогу. Вслед за Фанагорией от Митридата стали отлагаться другие боспорские города. Восстали Херсонес, Феодосия, Нимфей «и все другие по берегу Понта, очень удобные в военном отношении», пишет Аппиан. Они не вынесли тяжелых поборов и постоя войск. Римским шпионам не составило труда подбить их жителей на «всенародное выступление».

Митридат, столько раз одерживавший победы на поле битвы, проиграл внутреннюю войну. Он стал крайне подозрителен. Не верил войску, не верил боспорцам. Не верил даже самым близким соратникам. Всюду ему мерещились заговоры, и, надо сказать, подозрения его были небеспочвенны. Он уже мало кого устраивал. Людям, его окружающим, нужен был человек, который сумеет замирить Боспор и не вызовет неприятия у римлян. Митридат чувствовал эти настроения, но поделать уже ничего не мог. Хотя, если верить нарисованному позднейшими авторами образу тирана, должен был начать массовые репрессии, только чтобы выжить. Но он ничего не предпринимал.

Разве что сговорил замуж дочерей за соседних варварских правителей — скифов, сарматов и прочих. И просил будущих зятюв поскорее прийти с войсками на помощь.

Брачное посольство возглавили евнухи под охраной пятисот солдат. Но солдаты в массе своей ненавидели евнухов. У этой ненависти были веские основания. Многие евнухи имели склонность к интригам, страдали комплексом неполноценности и вымещали злобу на здоровых мужчинах... Трудно сказать, что случилось в данном конкретном случае, но солдаты перебили кастратов и дезертировали к римлянам. Дочерей Митридата они передали Помпею.

Стареющий Митридат потерял почти всё: многих детей, царство предков и даже новоприобретенный Боспор, в котором полыхало восстание. Скифы не оказали ему помощи. Ведь Эвпатор их обесчестил, пообещав дочерей, да так и не прислал их. Что с того, что дочери похищены силой и увезены к римлянам? Согласно этике варваров, это был позор.

Так что же оставалось Митридату? Склониться перед судьбой? Это было не в его правилах. И поэтому чем сильнее преследовали Митридата неудачи, тем дальше заходили его посольства. Он снесся с племенами далекой Галлии и разработал новый план вторжения в Италию. На себя он брал финансирование и командование. Галлы должны были поставить людей. Вспоминался план Ганнибала, который вместе с галлами вторгся в Италию и навел страх на римлян.

Этот неукротимый человек хотел драться и побеждать. Но его солдаты и офицеры считали, что их царь обезумел. Они не хотели идти в поход неизвестно куда. И не были готовы к смерти, как был готов к ней Эвпатор. Аппиан приписывает военным базилевса такие мысли: «...Они думали, что, отчаявшись во всем, он предпочитает умереть, совершив что-либо значительное, как прилично царю, чем окончить свои дни в бездействии». Но сами-то они умирать не хотели. И постепенно против Митридата зрел заговор.

Из сыновей, которые еще оставались при Митридате, царь больше всего ценил Фарнака. Он неоднократно говорил, что сделает его преемником. И именно Фарнака заговорщики склонили на свою сторону.

Фарнак разуверился в счастливой судьбе отца. Он был политиком, а не героем. Явиться в Галлию, чтобы сложить там голову, — такая перспектива его не прельщала. Он предпочел бы замирить Боспор и быть там царем. А при благоприятных обстоятельствах попытался бы вернуть утраченный Понт. Фарнак считал, что даже теперь возможно наладить отношения с римлянами. А сжечь себя и других в огне войны — это бесполезное геройство. Утверждаясь в этих мыслях, молодой человек мало-помалу скатился к предательству.

Но когда к перевороту все было готово, о заговоре узнал Митридат. Фарнак и его товарищи были схвачены. Некоторых пытали. Но крамола слишком глубоко въелась в окруже-

ние царя. Схватили не всех. К тому же многие придворные сочувствовали заговорщикам. Как пишет Аппиан, один из сановников, Менофан, «убедил Митридата, что не следует... казнить еще так недавно столь ценимого им сына».

Митридат простил Фарнака. Это оказалось роковой ошибкой.

Последний акт трагедии разыгрался в Пантикапее, в царском дворце и военных лагерях, расположенных неподалеку.

Отпущенный из-под ареста, Фарнак ночью отправился в лагерь серторианцев и произнес перед ними страстную речь. Он пугал беглых римлян перспективами похода в Италию. Да те и сами понимали, чем грозит им, изменникам, итальянский поход. Затем Фарнак посулил им всяческие награды и беспечную жизнь на крымских берегах, и римские перебежчики согласились отпасть от Митридата. Той же ночью, пока не хватились сторонники Эвпатора, Фарнак отправил своих людей по стоянкам других военных частей и всюду встретил поддержку. Стало ясно, что те, кого недавно арестовал Митридат, — лишь верхушка айсберга.

Поутру римляне издали условный боевой клич. Его подхватили на соседних стоянках и даже на кораблях. Не все знали, в чем дело, пишет Аппиан, но все подчинились бурному потоку, полагая, что уже все решено. Нервы были у всех на пределе, многим хотелось перемен. Некоторые просто хотели получить выгоду от переворота и готовы были ради этого рискнуть чем угодно.

Митридат проснулся от этих криков и послал спросить, чего хотят воины. Мятежники заявили, что хотят, чтобы он уступил трон базилевса сыну. В изложении Аппиана их требование выглядит так: «Хотим, чтобы царем был его сын, молодой вместо старого, отдавшего себя на волю евнухам, убившего уже многих своих сыновей, предводителей и друзей».

Митридат выехал к войску, чтобы успокоить его. Между тем на сторону заговорщиков перебежала большая часть царской гвардии, но те отказались принять гвардейцев, пока «они в доказательство своей верности не сделают что-либо непоправимое», то есть не убьют Митридата. И гвардия напала на собственного царя.

Митридат попытался бежать. Вслед полетели стрелы, пули из пращей, дротики. Под царем убили коня, однако сам он успел скрыться во дворце. Проклиная советы Менофана, Эвпатор стал думать, как бы выкрутиться из передраги.

Мятежники ликовали. Грозный царь бежал! Считая себя победителями, изменники провозгласили Фарнака царем. Кто-то вынес из соседнего храма плоский стебель, и Фарнака увенчали им вместо диадемы, обмотав вокруг головы.

Митридат наблюдал эту сцену из окна дворца. Он послал к Фарнаку вестника и потребовал для себя безопасного выхода. Гонец не вернулся. Послал другого. Тот тоже исчез. Митридат испугался, что его могут выдать римлянам.

Этого он боялся больше, чем смерти. Римские перебежчики вполне могли купить себе прощение республики ценой его головы.

Он собрал личную охрану и тех друзей, что сохранили ему верность. Поблагодарил их и отпустил к новому царю. Некоторых из них тут же у него на глазах растерзала толпа.

При базилевсе остались лишь несколько охранников и две дочери — Митридатис и Несса. Первая из них была сосватана за египетского фараона Птолемея XII Авлета. Вторая — за его брата, управлявшего Кипром. Но обеим девушкам не суждено было увидеть своих женихов.

Вот-вот в покои могли ворваться мятежники. Царь достал яд, который всегда носил в рукоятке меча, смешал с водой. Дочери стали просить, чтобы он дал им выпить отраву первыми. Эвпатор прикрикнул на них, но это не помогло. Даже родные дочери уже не подчинялись ему, и он уступил их требованиям. Дочери еще корчились на полу, когда Митридат сам принял яд. После этого он стал по примеру Сократа усиленно ходить взад-вперед, чтобы яд поскорей разнесся по телу и начал действовать. Но тщетно. Он с юных лет опасался покушений и постоянно принимал как противоядие яды в малых дозах. Ирония судьбы: базилевс даже умереть не мог по собственной воле.

Рядом был начальник его телохранителей галат Битоит, старый соратник по сражениям и походам. Митридат сказал ему: «Твоя рука оказывала мне большую поддержку в делах войны. Но самая большая будет помощь, если ты прикончишь меня;

ведь мне грозит быть проведенным в торжественном шествии триумфа, мне, бывшему столь долгое время самодержавным царем этой страны...»

«Битоит почувствовал жалость к царю, нуждавшемуся в такой помощи, и выполнил его просьбу», — завершает описание этой сцены Аппиан.

Это произошло в Пантикапее в 63 году до н. э. Митридату было 68 лет. Пятьдесят семь из них он носил царскую диадему.

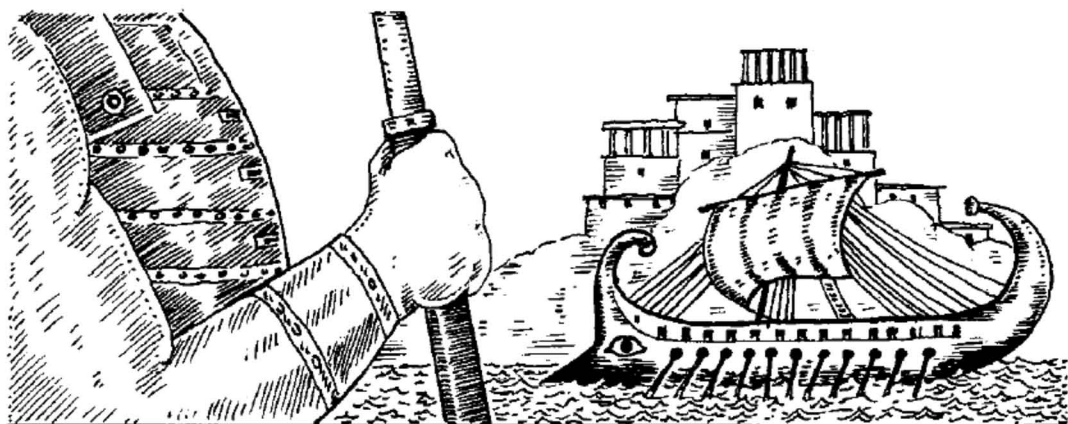
Помпей находился в Сирии, когда ему доложили о гибели самого страшного врага Рима со времен Ганнибала. «Эта весть, — пишет Плутарх, — как и следовало ожидать, чрезвычайно обрадовала войско; воины приносили жертвы и устраивали угощения, как будто в лице Митридата погибли десятки тысяч врагов».

Римский полководец сразу же отправился в Амис, и сюда же прибыли подарки от Фарнака. Среди них — труп Митридата, дабы Помпей лично убедился, что базилевс мертв.

Помпей не пожелал насладиться этим зрелищем. Он велел похоронить Митридата в Синопе в усыпальнице понтийских царей.

Понта больше не было. Вместе с Вифинией он образовал новую римскую провинцию.

Старый понтийский мир безвозвратно погиб. Население Понта после Митридатовых войн было физически уничтожено. Уцелевших продали в рабство. Страна превратилась в пустыню — бедную и немногочисленную. Сохранились разве что полуразрушенные города.

Послевоенное устройство

Но это еще не конец понтийской истории. Через какое-то время Понт получит некое подобие независимости. Правда, рассказывать об этой новой истории почти нечего. Но следует сказать несколько слов о послевоенном устройстве Малой Азии и сопредельных стран.

Помпей разделил Понтийскую державу на ряд мелких обособленных государств. Разумеется, по версии римлян все это делалось в интересах справедливости. Во-первых, были созданы несколько новых провинций. В Малой Азии это была провинция Вифиния-и-Понт. Из понтийских земель в ее состав вошла только приморская полоса. К ней присоединили также приморскую Пафлагонию. Внутренние пафлагонские районы сохранили «независимость» под властью двух вассалов Рима — этнархов Пилемона II и Атгала. Титул «этнарх» был ниже царского. Он означал правителя народа, но никак не царства, в котором могло быть много народов.

Один из галатских тетрархов, вождь племени толстобочков Дейотар, оказал римлянам множество услуг во время Митри-

датовых войн. Он поставлял продовольствие, вербовал людей, сражался верой и правдой. За это Помпей выхлопотал у сената царский титул для Дейотара. К владениям этого рекса (царя) прирезали внутренние районы Понта от Ксимены до Трапезунда.

Районы, расположенные еще южнее, вместе с крепостью Митридатий и Малой Арменией перешли к другому галатскому тетрарху, Бригидатуру. Колхиду получил некто Аристарх — грек или эллинизированный грузин. Коммагену и часть Месопотамии передали в управление царю Антиоху Дикею (70—35 годы до н. э.), одному из последних Селевкидов.

Не забыт был Помпеем и главный предатель Архелай, бывший полководец Митридата Эвпатора. Он получил прибыльную должность жреца в Комане.

Вассалами римлян стали цари Каппадокии и Великой Армении. Провинцией сделалась Сирия. Весь эллинистический Восток наводнили римские солдаты и ростовщики. Азиаты хлебнули горя. Теперь они могли сравнить римскую «свободу» и «цивилизацию» с собственным «варварским» обществом. Сравнение было не в пользу «свободы». Из азиатских стран безжалостно выкачивали ресурсы, чтобы выстроить красивый фасад демократии в Риме.

Боспорское царство сохранил сын Митридата Фарнак. Его объявили «другом и союзником римского народа». Из Боспорского царства выделили Фанагорию, также на правах римского союзника. Правителем города стал тот самый Кастор, что был когда-то выпорот по приказу евнуха Трифона. Но Фарнак не стал терпеть у себя под боком независимый город. Вскоре он напал на Фанагорию и соседние с ней полисы. Конечная цель была ясна — восстановить Боспорское царство, территория которого значительно сократилась после смут и восстаний. Вслед за Фанагорией Фарнак постепенно вернул и другие утраты. При этом он действовал не только силой, но и уговорами. Например, взяв Фанагорию, объявил граждан своими союзниками, оставил гарнизон и удалился, не причинив никому зла. Так он восстанавливал власть и зарабатывал авторитет.

Безраздельное господство Рима в Понте продолжалось пятнадцать лет. К тому времени Помпей договорился с сенатом и стал первым человеком в стране. Дело шло к тому,

чтобы провозгласить его единоличным правителем Римской республики. Вопрос был только в одном: как обставить все законным образом.

Но сделать это не удалось. Разгорелась гражданская война. Против могущественного Помпея восстал Цезарь и повел легионы на Рим.

Фарнак наблюдал за всеми этими событиями и копил силы. Правда, армия его была невелика и плохо обучена. Но боспорский царь рассчитывал, что римлянам вообще будет не до него. Рим превращался в огромное поле боя между сторонниками Цезаря и Помпея.

В 48 году до н. э. Фарнак начал завоевание владений своего отца, первым делом высадившись в Колхиде. Управлять Боспором он оставил военачальника Асандра.

Подчинив Колхиду, сын Митридата прибыл в Понт.

Попытка реставрации

С того момента, как Фарнак вернулся на родину предков и стал понтийским царем, историки именуют его Фарнаком II. Его правление было недолгим (48—47 годы до н. э.).

С точки зрения дипломатии Фарнак подготовился безупречно. В гражданской войне он принял сторону Цезаря. Помпей просил его о помощи. Царь отказал, а затем напал на римские гарнизоны в Малой Азии и на союзников Помпея — галатов и каппадокийцев. Но — обо всем по порядку.

Из Колхиды Фарнак морем переправился в Синопу и захватил ее. Затем он хотел напасть на Амис, но с юга уже спешили враги — войска галатского царя Дейотара. Пришлось перебросить армию на южный фронт против галатов. Дейотар был разбит, и Фарнак занял Малую Армению. Казалось, Понтийская держава возрождается.

Победы Фарнака легко объяснимы. Понтийцы охотно помогали Фарнаку как представителю законной династии. Римских же марионеток вроде Дейотара никто не любил.

Помпей все силы стянул в Македонию, где сражался с Цезарем. Поэтому поставить Фарнака II на место после поражения Дейотара было некому.

Но когда Помпей потерпел поражение при Фарсале, пустился в бег и погиб в Египте, его победитель Цезарь без промедления послал для наведения порядка в малоазийских провинциях Домиция Кальвина. Помимо военных, перед Кальвином стояли финансовые задачи: собрать с богатых азиатских провинций как можно больше денег для содержания легионов. Азиатские провинции, конечно, уже не были столь богаты, как прежде, но деньги там собрать представлялось возможным.

Узнав о появлении Кальвина, Дейотар немедленно поехал к нему жаловаться на Фарнака, который под шумок продолжал захватывать одно римское владение за другим. Дейотар перечислил все нанесенные обиды — римлянам и ему самому. Главное, чем он напугал римлян, сводилось к тому, что, если Фарнак одержит победу и разграбит окрестные царства, римляне не получат денег, которые ждет Цезарь. С опустошенных земель будет просто нечего взять. Пока Дейотар расписывал ужасы понтийского вторжения, неугомонный Фарнак напал на Каппадокию и принялся ее грабить.

Тут мы видим важный нюанс в поведении этого понтийского царя. Его отец Митридат был настоящий «народный» монарх, умевший принимать решения, угодные народам, жившим на завоеванных территориях. Фарнак — это скорее «солдатский император», вождь наемной армии. Его наемники и ополченцы вели себя повсюду как оккупанты. Поэтому люди быстро отвернулись от него. Они не видели разницы между ним и римлянами.

Домиций Кальвин не на шутку встревожился. Он послал к Фарнаку гонца с требованием очистить Малую Армению и Каппадокию и «не пользоваться гражданской войной для посягательства на права и величество римского народа», как выражается неизвестный автор «Александрийской войны» — продолжатель «Записок» Цезаря.

Однако ответа Фарнака легат дожидаться не стал. Он решил, что «заявление будет иметь большую силу, если он лично подойдет с войском к этим областям». Кальвин уже выступил в поход, когда его планы нарушил Цезарь, увязший в египетском конфликте. Он потребовал прислать ему два легиона, и, когда это было сделано, при Кальвине остался все-

го один 36-й легион. То есть в борьбе с Фарнаком ему приходилось рассчитывать на вспомогательные отряды союзников.

У Дейотара было два легиона галатов, обученных и вооруженных по римскому образцу. Он передал их Кальвину и в придачу — еще сотню галатских всадников. Такой же смелотворно маленький отряд кавалеристов прислал в помощь римлянам неудачливый каппадокийский царь Ариобарзан. Когда-то галаты и каппадокийцы славились своей конницей, но с приходом римлян времена изменились. Теперь главную силу разоренных провинций составляла пехота, которую вооружить и обучить оказалось гораздо дешевле и проще.

Римляне собрали еще один легион в Вифинии и той части Понта, которая еще оставалась под их властью. Этими солдатами командовал квестор Гай Плеторий. Другой римский военачальник, Квинт Патисий, привел вспомогательные войска из Киликии. Все эти силы сосредоточились в Комане.

Тут как раз вернулись послы от Фарнака, который сообщал Кальвину, что Каппадокию он уже освободил, но Малую Армению намерен оставить себе, поскольку это наследственные владения, доставшиеся ему от отца — Митридата Эвпатора. Впрочем, он готов передать решение этого вопроса на усмотрение Цезаря и подчиниться ему.

Но Кальвин не позволил втянуть себя в переговоры. Он рассудил, что Фарнак ушел из Каппадокии, поскольку понял, что ее не удержать, и решил не распылять свои силы. Поэтому Кальвин без проволочек потребовал возврата Малой Армонии, заявив, что не видит никакой разницы между Каппадокией и малоармянскими землями. Требование Фарнака, чтобы положение осталось в неприкосновенности до прихода Цезаря, незаконно. Неприкосновенным можно считать лишь то, что остается в таком же положении, в каком было и раньше, то есть в момент захвата всех спорных территорий римлянами. Юридическая казуистика римлян просто изумительна.

Битва при Никополе

Не дожидаясь ответа, Кальвин начал поход против неприятеля, благо все силы были собраны в ударный кулак.

Он отправился из Команы в Малую Армению по лесистому хребту, который отделяет эту страну от Каппадокии. Маршрут этот представлял известные выгоды, так как на нем, как пишет автор «Александрийской войны», невозможно было устроить засаду. Кроме того, здесь легко можно добыть провиант.

Таким образом, Кальвин прошел форсированным маршем до города Никополя в Малой Армении. Никополь, основанный Помпеем в честь победы над Митридатом, лежал на равнине. Кальвин расположился в семи римских милях от города.

Фарнак поспешил отправить к нему очередное посольство с мирными предложениями. Во-первых, он и в самом деле еще надеялся договориться, а во-вторых, если уж войны было не избежать, считал это лучшим способом усыпить бдительность врага. Тем более что Кальвин считал врага Фарнака слабым противником и не сомневался в своей победе.

Стремясь покончить с Фарнаком поскорее, он внезапно передвинул лагерь к самому Никополю. Понтийскому царю ничего не оставалось, как принять вызов, — он вышел с войском за городские стены и расположился напротив лагеря Кальвина.

На следующую ночь Фарнак был разбужен охраной. В руки понтийцев попала ценная добыча. Они схватили курьера, который направлялся с письмом от Цезаря к Домицию Кальвину. Цезарь писал, что осажден в Александрии восставшими египтянами и находится в очень трудном положении. Гай Юлий требовал прислать новые подкрепления, а еще лучше, писал он, если Кальвин лично прибудет со своими солдатами в Египет.

Фарнак понял, что теперь ему требуется просто выиграть время. Ведь из письма явствовало, что Кальвин все равно скоро уйдет.

Соответственно, царь выбрал оборонительную тактику, приказав спешно вырыть два параллельных рва. Между ними он поместил пехоту, а по краям выставил конницу. Сам атаковать он не собирался.

Кальвин каким-то образом все же получил письмо Цезаря. Вероятно, постарался Фарнак. Как и следовало ожидать, известия о неудачах в Египте вывели Кальвина из равнове-

сия. Гай Юлий был вождем не просто одной из политических партий. Он оставался единственной сильной фигурой в Риме. Его смерть в далеком походе могла привести Римскую республику к катастрофе.

Что осталось делать? Кальвин рассматривал несколько вариантов. Первый — просить мира у Фарнака. Это было позорно. Второй — сняться с лагеря и уйти. Но в этом случае он рисковал тем, что римская армия, большую часть которой составляли отнюдь не римляне, развалится по дороге, да и Фарнак мог ударить в тыл. Оставался третий вариант: самому напасть на понтийцев, разбить их, а уж потом идти выручать Цезаря.

Римский полководец вывел солдат из лагеря и выстроил в боевом порядке. Тридцать шестой легион находился на правом фланге. Следовательно, здесь планировалось нанести главный удар. Левое крыло занимал легион, набранный из понтийцев. Центр заняли галаты Дейотара. Их построение было довольно глубоким. Видно, Кальвин не очень доверял стойкости этих бойцов.

Тридцать шестой легион атаковал стоящую у рва конницу Фарнака, заставил ее отступить и напал с тыла на понтийскую пехоту, которая стояла под прикрытием рва. В то же время понтийская кавалерия ударила по римскому легиону, набранному из понтийцев, который сначала поддался под ее натиском, но затем перешел в контратаку, достиг рва и попытался его перейти. И тут попал под выстрелы стоящих наготове метательных машин Фарнака. Началась паника. В скоротечном бою легион был уничтожен. Пехота Фарнака сама перешла ров и при поддержке кавалерии атаковала галатов Дейотара.

Галаты какое-то время держались, но затем стали медленно отступать. Пользуясь этим, Фарнак бросил свои главные силы против 36-го легиона и вскоре едва не замкнул вокруг него кольцо. О победе речь уже не шла — вырваться бы живыми. Легионеры выстроились в каре и отступили к подножию гор, где из-за пересеченной местности Фарнак не мог пустить в дело конницу. А она, судя по всему, составляла главную силу понтийской армии.

Потери в армии Кальвина были значительны. Легион, набранный в Понте, poleg во рву практически весь. Из солдат

Дейотара погибло не менее трети. Тридцать шестой легион потерял 250 бойцов. Среди погибших было несколько известных римлян из всаднического сословия.

Кальвин собрал остатки легионов и ушел с ними в провинцию Азия.

Фарнак же, чьи руки теперь были развязаны, завершил покорение Понта. Автор «Александрийской войны» утверждает, что царь вел себя «как жестокий тиран»: он всюду истреблял римлян и грабил «понтитских граждан». Особенно не повезло людям, которые «были привлекательны красотой и юностью». Фарнак подверг их «таким наказаниям, которые бедственнее самой смерти». Из дальнейших пояснений следует, что он кастрировал многих римлян и превратил в евнухов, чтобы потом продать на азиатских рынках. То есть, в сущности, проделал с римлянами то же самое, что они считали возможным делать в своих провинциях с теми, кто им не желал им покоряться.

Фарнак хвастался, что вернул отцовское царство. Но вряд ли он, подобно Митридату, пользовался симпатией народа. Кажется, он был уже чужаком для понтийцев, что и объясняет его скорое падение.

Тем временем Цезарь разгромил александрийцев, утвердил в Египте власть своей любовницы Клеопатры и направился в Сирию. Здесь он узнал, что Фарнак укрепился в Понте. Предстояла новая война.

Veni vidi vici

Гай Юлий быстрым маршем явился в Каппадокию. Здесь он встретился с ее царем Ариобарзаном. Тот свято хранил верность римлянам, но не доверял своему брату, царевичу Ариарату. Чтобы избежать ненужной междоусобицы, Цезарь отдал Ариарату часть Малой Армении, но под верховной властью Ариобарзана. После этого римский диктатор продолжил поход все в том же стремительном темпе. Он достиг владений Дейотара. Тот, пользуясь полученным от Помпея титулом царя, объединил под своей властью почти всю Галатию. Мелкие галатские тетрархи, пользуясь случаем, нажаловались Цезарю

на его самоуправство. Диктатор призвал Дейотара к себе. Хитрый галат прекрасно видел, на чьей стороне сила. Он явился без знаков царского достоинства, в одежде просителя и стал молить у Цезаря прощения за то, что полтора десятка лет назад связал свою судьбу с Помпеем.

Цезарю срочно требовалась поддержка для разгрома Фарнака. Поэтому он вернул ему царские инсигнии, а споры с тетрархами обещал разобрать позже. Дейотар мог считать, что легко отделался. С тем большим энтузиазмом он бросился исполнять приказ Цезаря привести для участия в войне легион пехоты и всю свою конницу.

Галатский легион был Цезарю необходим, так как войск для кампании против Фарнака явно не хватало. Всерьез он мог положиться только на 6-й легион ветеранов, прошедший горнило войны в Египте. Но этот легион в сражениях сильно поредел и насчитывал лишь пару неполных когорт — тысячу человек. Кроме того, в распоряжении Цезаря, кроме легиона, прибывшего от Дейотара, оказалось еще два — 36-й, устоявший в битве при Никополе, и еще один, набранный в Азии.

Фарнак попытался спасти дело дипломатией. Прибывшие от него послы заявили, что царь готов выполнить любые требования римского диктатора. При этом они напомнили, что Фарнак всегда отказывал Помпею в посылке вспомогательных войск, а значит, был лоялен по отношению к Цезарю. А вот Дейотар — тот помогал Помпею людьми. И все же оправдался и получил прощение! Чем в таком случае Фарнак хуже?

Как пишет автор «Александрийской войны», «Цезарь отвечал, что проявит полное беспристрастие по отношению к Фарнаку, если Фарнак действительно намерен исполнить свои обещания...». При этом он выразил сожаление, что «великие и тяжкие насилия над римскими гражданами, торговавшими в Понте, он не в состоянии сделать несуществующими», однако «прощает их Фарнаку, ибо он не может вернуть жизнь убитым и способность к деторождению кастрированным... Но зато Фарнак должен немедленно очистить Понт, отпустить челядь откупщиков и возвратить римским союзникам и гражданам все, что еще осталось в его руках. Если он сделает это теперь же, то тогда пусть и присылает ему да-

ры и подарки, которые полководцы после удачных сражений привыкли получать от своих друзей. Дело в том, что Фарнак прислал ему золотой венок. С таким ответом он отпустил по слов».

Фарнак пообещал Цезарю все исполнить, но при этом попытался затеять новые переговоры. Он знал, что гражданская война в Италии еще не закончена и Цезарь торопится уладить дела в Азии, чтобы вернуться в Рим. Поэтому Фарнак тянул время. Однако Цезарь понял, что понтиец хитрит, и прервал переговоры. Он рассчитывал разбить армию Фарнака, чтобы затем уже продиктовать условия мира.

Тут весьма кстати для римлян в Боспоре против Фарнака восстал его зять Асандр. Следовательно, Фарнак оказался лишен тылов.

Цезарь двинул войска к Зеле, где находился лагерь Фарнака.

Когда-то под Зелой Митридат Эвпатор разбил римлян. Теперь этот город должен был стать свидетелем новых сражений.

Возле Зелы лежала равнина, окруженная цепью холмов. Самый высокий и удобный из них занял Фарнак, который восстановил здесь старые лагерные укрепления Митридата.

Цезарь разбил лагерь в пяти римских милях от неприятеля, а затем на рассвете неожиданно для врагов совершил бросок и занял то самое место, где Митридат Эвпатор когда-то разбил Триария. Римляне без промедления стали строить полевые укрепления, чтобы блокировать врага и заставить сражаться его кавалерию в невыгодных условиях пересеченной местности.

Фарнак понял, что его перехитрили. Он выстроил все войска перед лагерем. Цезарь был убежден, что понтийский царь не начнет бой ввиду невыгодности позиций. А выстроенная армия — отвлекающий маневр, призванный задержать возведение римлянами полевых укреплений.

Но Фарнак дал сигнал к атаке. Его армия стала спускаться по крутому склону. Что повлияло на это решение? Автор «Александрийской войны», описавший битву, дает несколько гипотез. Среди них — благоприятные для Фарнака птицагадания, магия места, где Эвпатор победил Триария, надежда на бывших в армии наемников, которые побывали до этого

в двадцати двух сражениях. Наконец, сыграла роль и самоуверенность после недавней победы над Кальвином.

Увидев движение врага, Цезарь не поверил в свою удачу. Потом убедился, что Фарнак делает грандиозную ошибку. Понтиец выстроил пехоту густыми колоннами и повел вниз, где она должна была стоять беспорядочной кучей.

Диктатор спешно отзывал солдат, занятых на работах, вооружал их и выстраивал в боевые порядки. Возникла сумятица. Легионеры еще не успели построиться, а передовые манипулы уже были атакованы серпоносными колесницами врага, каждая из которых запряжена четверкой коней. Первые ряды римлян подались назад, что еще усилило замешательство. За колесницами шла пехота понтийского царя. С громким криком она атаковала римлян, и закипело беспорядочное сражение. В каком-то смысле безумная атака Фарнака принесла успех: римляне не успели расстрелять его солдат на расстоянии и приняли рукопашный бой.

Но на этом удача оставила понтийцев. На правом фланге пошел в контратаку 6-й легион. Римские ветераны рубились одновременно с яростью и хладнокровием. А затем началось контрнаступление по всему фронту. Понтийцы, лишённые в результате просчета Фарнака способности маневрировать, несли большие потери. Наконец они побежали. Легионеры взобрались следом за ними по крутому склону, начали резню, взяли вражеский лагерь. Фарнак с несколькими спутниками успел уйти.

Цезарь был доволен: неприятельская армия перестала существовать за один день. А значит — конец войне. Одному из своих римских друзей диктатор написал об этой кампании: «Veni vidi vici». Пришел, увидел, победил. Это и вправду был блицкриг, молниеносная война. Сражение при Зеле состоялось 2 августа 47 года до н. э.

Гибель Фарнака

Фарнак собрал остатки своих людей и явился в Синопу. Цезарь послал Кальвина преследовать беглеца. Сам он не имел времени для того, чтобы разобраться с Фарнаком. Но

и у Фарнака времени не было. Целью базилевса теперь было восстановить свои права на крымские владения. Поэтому он договорился с Кальвином и передал ему Синопу без боя.

Добираться до Боспора решено было морем. Но кораблей, пригодных для перевозки конницы, не осталось. Тогда Фарнак велел перебить коней, посадил войско на корабли и отбыл в Крым.

Явившись в Боспор, он обнаружил, что здесь идет война между греками, с одной стороны, и скифами и сарматами, с другой. Асандр возглавлял греков. Фарнак немедленно принял сторону «варваров». Тот и другой набрали людей в свои армии. Фарнак захватил столицу Боспора — Пантикапей, затем взял Феодосию — словом, закрепился на Керченском полуострове. Судя по смутному сообщению Аппиана, он вступил в переговоры со скифами, чтобы те ударили с тыла по боспорским городам. Но Асандр собрался с силами раньше и повел своих воинов на Фарнака.

Тут сказалоь то, что у понтийского царя не было конницы. Царскую армию разбили и загнали в Пантикапей. Раненого в бою Фарнака едва успели затащить в ворота. Вскоре он умер, пятидесяти лет от роду. Владение Боспорским царством приносило Митридатам несчастье.

Захвативший власть Асандр объявил себя сторонником римлян, но Цезарь ему не поверил и отдал Боспор во всех отношениях лояльному царевичу Митридату Пергамскому — сводному брату Фарнака, рожденному Эвпатором от галатской княжны из племени трокмов. Прежде Митридат Пергамский владел по милости римлян частью Галатии — Галлогрецией (она же — тетрархия племени трокмов).

Впрочем, стать боспорским царем ему не было суждено. Асандр, разумеется, не захотел отдавать просто так владения, завоеванные в столь тяжелой борьбе, и в военном столкновении с Митридатов Пергамским одержал победу.

Впоследствии, надо полагать, ему все-таки удалось убедить римлян в своей преданности и сохранить страну за собой. Во всяком случае, правил он Боспором еще тридцать лет, причем вместе с дочерью Фарнака II — Динамией, брачный союз с которой был заключен уже после гибели царя.

Смерть Понтийской империи

Но и это еще не конец понтийской истории. Последнюю главу вписал в нее знаменитый римский триумвир Марк Антоний.

Как известно, после смерти Цезаря гражданские войны в Риме вспыхнули с новой силой. Наконец страну поделил триумвират — Октавиан, Эмилий Лепид и Марк Антоний, которому достались восточные провинции. В качестве метода управления Антоний выбрал создание марионеточных царств на окраинах своих владений. Такие царства не требовали затрат на управление, потому что все силы и расходы брали на себя марионеточные династы, которые платили римлянам дань (иногда под видом подарков) и поставляли вспомогательные войска. В то же время династы полностью зависели от Рима, потому что без римской помощи были обречены на гибель в борьбе с алчными соседями, самыми опасными из которых являлись парфяне.

В 39 году до н. э., когда умер галатский царь Дейотар, Антоний принял решение возродить Понтийское царство. Нашелся и подходящий претендент на престол — сын Фарнака Дарьявахуш, или Дарий. Его царство включало районы Амассии, Амиса, узкую полосу побережья от Фарнакии до Колхиды. Конечно, это была лишь тень прежнего Понта. Но именно такой вассал нужен был восточноримскому императору Антонию.

Правление Дария оказалось недолгим. Через два года Антоний бесцеремонно отстранил его от власти. То ли понтиец оказался полной бездарностью, то ли (что более вероятно) начал плести интриги, пытаясь расширить владения и освободиться от римской опеки. Очевидно, потребовался более покорный правитель.

Таким человеком оказался греческий чиновник Полемон, которого Антоний внезапно возвысил. Он был сыном ритора, то есть учителя, Зенона из Лаодикеи. Каким образом сын провинциального педагога сделал блистательную карьеру при дворе Антония — неясно. Как бы то ни было, сначала, в 38 году до н. э., Полемон стал царем Внутренней Кили-

кии и части Ликаонии. Его столицей сделался город Иконий (современная Конья в Турции). Полемон показал себя человеком послушным, деловым и склонным к интригам. После низложения Дария он получил в добавление к своим землям еще и освободившееся Понтийское царство. И вышло так, что Полемон I, процарствовав целых 29 лет (37—8 годы до н. э.), стал основателем новой понтийской династии — Полемонидов.

Рассказать о правлении Полемона практически нечего. Ему достался совсем иной Понт — небогатый, моноэтничный и проще устроенный. Сразу после своего восшествия на престол он стал готовить войска и собирать деньги для Антония, который собирался воевать с парфянами. Полемон участвовал в походе императора на Парфию, шел через армянские земли, попал в плен, вернулся за выкуп. В награду за верность он получил от Антония Малую Армению. Затем, вероятно, захватил и Колхиду. Понтийское царство вновь превратилось в значительную региональную державу. Правда, это вовсе не означает, что его положение укрепилось. Теперь соседом и хозяином понтийцев был агрессивный Рим. Полемониды и их страна существовали только из милости — пока были нужны римским владыкам.

В 31 году до н. э. Антоний потерпел поражение от Октавиана, бежал в Египет и покончил самоубийством. Западному императору достались все владения его восточного коллеги. А с ними — клубок противоречий, в которые сплелись ближневосточные дела.

Полемон сумел подольститься к Октавиану. Понтийский царь был внесен в списки друзей и союзников Рима. Но скоро император посчитал, что владения Полемона слишком обширны, и отнял у него Малую Армению. Правда, взамен отдал Боспорское царство после того, как там умер Асандр. То есть задал направление экспансии. Пускай подвластные царьки дерутся между собой на потеху Рима.

Полемон женился на вдове Асандра — уже немолодой Динамии. Эта внучка Митридата Эвпатора, дочь Фарнака, превратилась в переходящее приложение к Боспору для тех, кто хотел им владеть.

Греческие города Крыма признали власть Полемона. Но варварское население — скифы и прочие племена — взбунтовалось.

Полемон разгромил скифов, потом направился в устье Дона и взял город Танаис (в районе современного Ростова-на-Дону). Затем отправился в поход на восточное побережье Азовского моря, в Тамань, дабы помочь живущим здесь грекам, которым не давали житья прикубанские племена — синды, аспурги, ахеи.

В земле аспургов Полемон попал в засаду и погиб. Так, во всяком случае, утверждает Страбон. Власть в Боспоре после этого захватил Аспург — сын Динамии и Асандра. А в Понте воцарилась вторая жена Полемона Пифодорида (8 год до н. э. — 23 год н. э.), внучка Марка Антония. Она оказалась хитрым и смекалистым политиком. Она наладила связи с варварскими царьками на периферии римского мира и за счет этого сохранила власть. Например, дочь ее и Полемона — Трифена стала женой фракийского царя Котиса.

Через пять лет после смерти Полемона Пифодорида вышла замуж за каппадокийского царька Архелая. Так Понт и Каппадокия вновь объединились — на этот раз в династической унии. Правда, это объединение оказалось столь же непрочным, как прежде. После смерти Архелая в 17 году н. э. римляне превратили Каппадокию в провинцию.

В 23 году умерла и Пифодорида. Римский император Тиберий передал Понт и киликийские владения ее малолетнему внуку, сыну Трифены и Котиса. Так воцарился Полемон II (23—64 годы). Мы практически ничего не знаем о его правлении. Известно только, что Полемон проводил дружественную политику по отношению к Риму. Он благополучно пережил Тиберия, Калигулу и Клавдия. Однако при Нероне было принято решение превратить Понт в провинцию. Возможно, потому, что изменились внешнеполитические задачи.

Нерон пытался перейти в контрнаступление на Востоке против парфян и занял Армению. Закончилось это плачевно — капитуляцией римских войск перед парфянами при Рандее. Армения была потеряна римлянами. И тогда созрело решение ликвидировать вассальные царства в Малой Азии, образовать сплошную римскую границу и сосредоточить там

гарнизоны. Так казалось надежнее. Видимо, буферные царства постепенно становились рассадниками шпионажа и интриг. Решение приняли, как пишет Светоний, «с согласия» Полемона. Это напоминает увольнение «по собственному желанию», часто прикрывающее отставку. Видимо, подобные юридические формальности представлялись крайне важными для тогдашней римской политики.

Понт присоединили на первых порах к римской провинции Галатия (все галатские владения уже были включены в состав империи). Полемону оставили княжество в Киликии и Ликаонии. Там он правил до времени императора Гальбы (68–69 годы). Затем эти районы также присоединили к имперским владениям.

Последнее сообщение, относящееся к Понту, мы можем найти у Корнелия Тацита в его «Истории». Этот автор пишет, что после свержения Нерона, когда начались гражданские войны, а в Риме правил Авл Вителлий (69 год), в Понте «неожиданно взялся за оружие варвар из рабов, некогда командовавший царским флотом», то есть наварх царя Полемона. Звали его Аникет. Прежде он пользовался большой властью, но когда Понт утратил независимость, остался не у дел. По словам Тацита, Аникет с нетерпением стал ожидать момента, чтобы отделить страну. И вот — час настал. После свержения Нерона Аникет именем Вителлия привлек на свою сторону пограничные с Понтом племена, собрал войско и ворвался в Трапезунд. Стоявшая здесь когорта была перебита. Ее солдаты незадолго до того получили римское гражданство, но все равно, пишет Тацит, остались прежними — «ленивыми распущенными греками», за что и поплатились. Римляне, надо признать, были невысокого мнения о поздних эллинах.

Аникет забросал горящими факелами римские суда, стоявшие в порту. Он стал полным хозяином на море, так как лучшие галеры были уведены римлянами в Византий в самом начале гражданской войны. В кратчайшие сроки понтийцы понаделали легких судов, которые по-гречески назывались «камары», и стали пиратствовать. По сути, Трапезунд превратился в пиратское гнездо.

Мятеж обеспокоил полководца Флавия Веспасиана, который командовал римскими силами на Востоке и воевал

в Иудее. Веспасиан собрал сводный корпус из своих легионов и поставил во главе его опытного военачальника Вирдия Гемина. Тот вошел в Понт, напал на занятых грабежом варваров и рассеял их. Затем построил несколько быстроходных галер. Вскоре римляне настигли Аникета с его челнами в устье реки Хоби в Грузии (севернее устья реки Риони). Пират попросил помощи у местного картвельского вождя Седохеза — одного из многих независимых правителей, которые когда-то подчинялись понтийским царям, а теперь — только себе. Седохез было изъявил готовность оказать ему содействие. Но тут в переговоры с ним вступили римляне и объяснили, что если Седохез будет упорствовать, то навлечет этим вторжение имперской армии. А если проявит благоразумие — получит деньги. Седохез выбрал второе и сдал Аникета римлянам.

Так закончилась история Понта.

Впоследствии понтийские земли были сильно эллинизированы. Здесь утвердилось христианство. Понт стал частью Византийской империи и оставался в ее составе до 1204 года, когда Константинополь был взят крестоносцами. После этого понтийские земли сделались ядром новой греческой империи с центром в Трапезунде, которая в начале своего существования зависела от Грузии.

Затем были долгие годы лавирования между разного рода захватчиками — турками-сельджуками, монголами, турками-османами... Трапезундская империя не раз переживала внутренние смуты, а правящая в ней династия Комнинов постепенно вырождалась и к середине XV века дошла до полного нравственного оскудения.

В 1461 году Трапезунд сдался турецкому султану Мехмеду II, его греческое население было вырезано, а сам он превратился в турецкий Трабзон, каковым остается и по настоящее время. В турецкий город превратилась также Синопа — прежняя столица понтийских владык.

Содержание

Предисловие	7
Часть первая. Возвышение Понта	
Глава 1. Рождение царя и история царства	11
Глава 2. Возвращенное наследство	36
Глава 3. Битва титанов	70
Часть вторая. Понтийская трагедия	
Глава 1. Восстановление царства	127
Глава 2. Третья война	137
Глава 3. Помпей на Востоке	180
Глава 4. Последние цари	199
Послесловие	216

Чернявский С.

- Ч-49 Митридат Великий, «последний эллин» / Станислав Чернявский. — М.: Ломоносовъ, — 2016. — 224 с. — (История. География. Этнография). ISBN 978-5-91678-319-3

Героя этой книги — понтийского царя Митридата VI Эвпатора — называли самым опасным врагом римлян со времен Ганнибала. Царь карликовой причерноморской страны бросил вызов громадной Римской державе и нашел немало сторонников в эллинистическом мире. Ему открывали ворота Пергам и Афины, Пантикапей и Неаполь Скифский. Его союза искали отложившийся от Рима полководец Серторий в Испании и вождь восстания рабов Спартак — в Италии. Митридат вновь и вновь переходил в наступление, мечтал о походе на Рим и потерпел поражение лишь после сорокалетней войны, ввиду огромного неравенства сил. Когда римляне узнали о его смерти, они, по словам Плутарха, радовались так, «будто в лице Митридата погибли десятки тысяч врагов». Мелкий царек на краю ойкумены, он прославился наравне со своими великими современниками Суллой, Цезарем, Помпеем и Клеопатрой. Однако популярная биография Митридата до сих пор не была написана. Книга историка и писателя Станислава Чернявского восполняет этот пробел.

УДК 94(393)

ББК 63.3(0)31

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Станислав Чернявский

Митридат Великий, «последний эллин»

Редактор О. Иванов
Верстка А. Петровой

Подписано в печать 12.02.2016.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 14. Тираж 1000 экз.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpk.ru, E-mail: sales@chpk.ru, 8 (495)988-63-87

Станислав
Чернявский

Митридат
Великий,
«последний
эллин»

Героя этой книги — понтийского царя Митридата VI Эвпатора — называли самым опасным врагом римлян со времен Ганнибала. Царь карликовой причерноморской страны бросил вызов громадной Римской державе и нашел немало сторонников в эллинистическом мире.

Ему открывали ворота Пергам и Афины, Пантикапей и Неаполь Скифский. Его союза искали отложившийся от Рима полководец Серторий в Испании и вождь восстания рабов Спартак — в Италии. Митридат вновь и вновь переходил в наступление, мечтал о походе на Рим и потерпел поражение лишь после сорокалетней войны, ввиду огромного неравенства сил. Когда римляне узнали о его смерти, они, по словам Плутарха, радовались так, «будто в лице Митридата погибли десятки тысяч врагов». Мелкий царек на краю ойкумены, он прославился наравне со своими великими современниками Суллой, Цезарем, Помпеем и Клеопатрой. Однако популярная биография Митридата до сих пор не была написана. Книга историка и писателя Станислава Чернявского восполняет этот пробел.

ISBN 978-5-91678-319-3

9 785916 783193